

ЗАПИСИ ПРОШЛОГО

ВОСПОМИНАНИЯ И ПИСЬМА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

С. В. БАХРУШИНА и М. А. ЦЯВЛОВСКОГО

ВАЛЕРИИ БРЮСОВ

ДНЕВНИКИ

1891—1910

Приготовила к печати И. М. БРЮСОВА

Примечания Н. С. АШУКИНА

ИЗДАНИЕ М. и С. САБАШНИКОВЫХ

1927

Обложка гравирована
на дереве А. Кравченко

„Записи Прошлого“ ставят себе целью познакомить широкие круги читателей с литературой мемуаров, дневников и писем, преимущественно неизданных, представляющих историко-бытовой интерес.

Среди исторических материалов — мемуары, дневники и письма занимают особое место. Чрезвычайно ценные для установления фактов и для истории быта, они по самому характеру своему, являясь отражением субъективных впечатлений, редко бывают вполне беспристрастны в своих суждениях и отзывах: люди и события изображаются в них сквозь призму собственного мировоззрения автора, принадлежащего к далекой от нас эпохе, отрезанной от современности годами революции. Этого рода литература не есть фотография, а лишь отголосок прошлого, нуждающийся в критической проверке со стороны историка, но сам по себе интересный для характеристики времени и общества.

Поэтому, приступая к печатанию библиотеки мемуаров, дневников и писем, редакция считает нужным предупредить читателя, что издаваемые документы требуют к себе критического подхода; при таком условии эти произведения, дышащие непосредственностью и жизненностью, могут дать яркую картину отошедшей в прошлое культуры, с ее мировоззрением, нравами и бытом.

В бумагах В. Я. Брюсова сохранилось довольно много различных начал автобиографий, относящихся к разным годам. Вообще при разборке бумаг Валерия Яковлевича, изумляет его своеобразная устремленность к составлению с юных лет описания своей жизни. Передо мной одна из многих, более других законченная „Автобиография, материалы для моей биографии 1889 г.“ Валерию Яковлевичу тогда было 16 лет. В этом отрывке (семь, мелко, детским почерком, исписанных страниц писчей бумаги) уже имеется предисловие, разделения на главы, перед каждой главой эпиграф из Надсона, Н. Телешова, Майкова, из своих стихов и др. По содержанию это — рассказы про родных, окружающих, про игры, домашние события, это — детские размышления.

В 1890 г. Валерий Яковлевич заводит уже тетрадку форматом $\frac{1}{8}$ листа бумаги в клетку, в клеенчатой обложке, — озаглавливает ее: „Моя жизнь. Материалы для моей биографии, тетрадь первая.“ Ставит эпиграфом: „Создание ада иль небес, сей ангел, сей надменный бес“, и начинает в ней свой дневник. Начало этой тетради надо считать, повидимому, с 4-ой страницы: „Осень 1890. 29 август-ноябрь“ сбоку приписка: „Без идеала“. Первые страницы озаглавленные: „Лето 1890 г., май“, судя по всему — лишь попытка восстановить перечень событий за четыре уже прошедшие месяца.

Подобных тетрадок — 11, разбиты они на 14 книг (первая считается за четыре книги, 1-4). На всех тетрадках то же заглавие, как на первой, указаны года, каждой тетрадке предпослан свой эпиграф. Иные книги начинаются кратким размышлением о предстоящих днях и заканчиваются большею частью общим обзором событий, происшедших со дня начала записи в данной тетрадке.

В юношеские годы запись ведется почти ежедневно, но с годами она становится реже: так, в 1899 г. события отмечаются не более двух раз в месяц, а в 1904, 1905 и 1906 г. занесено лишь по одной записи в году.

Кроме указанных 11 тетрадок, сохранилось десять отдельных страниц, вырванных, судя по внешности, из клеенчатой тетради (формат $\frac{1}{4}$ листа, бумага в клетку). То же самое заглавие — „Моя жизнь“, но прибавлено: „Вторая серия. Годы 1904, 1905, 1906, 1907.“ В кратком предисловии сказано: „Я прервал свой дневник в конце 1903 г. За 1904, 1905 и 1906 г. сохранилось лишь несколько отрывочных заметок. Жаль: то

были годы очень интересные и очень остро пережитые мною. Теперь уж нет сил восстановить прошлое, воспоминания поблекли, стерлись, пришлось бы писать мемуары, а не дневники. Сделаю только самый общий очерк пережитого мной и прямо перейду к современности, к записям о сегодняшнем и вчерашнем дне“.

Однако, несмотря на это предисловие, Валерий Яковлевич делает только общий очерк к 1904 и 1905 годам, затем, оставив несколько пустых страниц, начинает в 1907 г. — „Возобновленный дневник“, но эти случайные и очень редкие записи, доведенные до 1910 года, вряд ли могут быть названы дневником.

Помню, Валерий Яковлевич любил в позднейшие годы говорить, что свой дневник он стал вести по-латыни. Была ли то шутка иль неосуществленная мечта, не знаю, только я такого дневника среди бумаг не нашла и не видала его никогда при жизни Валерия Яковлевича.

Брюсов, конечно, пользовался своими „Материалами для биографии“ при составлении автобиографии, напечатанной в „Русской литературе XX века“ под ред. С. А. Венгерова использовал их также, включая записи дневника местами целиком в главы своей неоконченной повести „Моя юность“, напечатанной в самостоятельном выпуске серии „Записи прошлого“ (В. Брюсов. „Из моей жизни“ М. 1927 г.).

Сообразуясь с общим характером издания „Записей Прошлого“ и с обширностью дневника, особенно юношеских годов, часть которого вошла уже в только что упомянутую повесть „Моя юность“, и кроме того, принимая во внимание неизбежную повторность, недостаточную отдаленность от современников и некоторую интимность иных мест ежедневных записей, мы печатаем дневник с некоторыми пропусками. Допустив эти сокращения, мы старались сохранить все, что может представлять интерес для биографии, истории и психологии творчества Валерия Брюсова.

В заключение мне хочется сказать несколько слов о языке дневника. Это почти всегда беглая запись, без всякой литературной отделки, это изумительно удачно зафиксированная живая речь Брюсова. Да, так Валерий Яковлевич говорил! Перечитывая некоторые записи дневника, я переживаю прошлое, я ясно вспоминаю, что именно так Валерий Яковлевич когда-то передавал мне многие из этих событий, которых я не была свидетельницей, при этом я слышу его интонации, вижу жесты, помню его улыбку, серьезность тона, вместе с легкой шуткой, краткость, своеобразную расстановку слов и поразительную ясность рассказа.

Иоанна Брюсова.

ДНЕВНИКИ

1891 г.

Апр., 11.

В гимназию не пошел. Переписывал дифференциальное исчисление. Вычислял квадратуру круга.

Апр., 12.

Толковал Щербатову о дифференциальном исчислении. Тот изумлялся. Кедрину показал теорему. Тот восхищался. Духовской написал на меня эпиграмму:

О диаметре и шаре,
В нашем классе толковали
— Никанорович Евгений
Да Валерий Брюсов-гений.

В философию пустились,
И на шаре оба сбились,
Доказательств не нашли,
Замолчали и ушли.

Есть еще эпиграмма на меня:

Математик и поэт,
Но философ страстный.
Что ж, феномен он? О нет!
Лишь хвостун ужасный.

Окт., 12.

Сначала заходил Станюкович. Вечером у меня Щербатов и Иноевс. Они застали меня беседующим с Э-дом. Потом Никольский, И. А. Нюнин, Пильский. Разговоры были без конца. Споры. Удавшийся литературный вечер. Никольский ушел рано, просил у меня отрывки из „Поэмы любви“.

Окт., 13.

Задумал новую переделку поэмы „Земля“.

Окт., 19.

IV литературный вечер. В гимназии убеждаю всех быть. Первым прибыл Пильский. Читал ему свои стихотворения, когда пришел Ник. Ал. Затем постепенно другие. Сначала толковали о русском эпосе и очень оживленно. Самый вечер

прошел более вяло. Моя лекция о любви провалилась. Щербатов смутился и бежал. Другие сидели до часу. Создавали журнал.

О к т., 20.

День дома. Занимался и начал „Цезаря“. Вечером у Ланга. Толковали. Он читал мне свои произведения.

О к т., 22.

Целый день дома (праздник), только в библиотеке. Писал латинское стихотворение и „Цезаря“. Набросал стихи „На дне“.

О к т., 26.

Вечер не состоялся. Мы были вдвоем с Пильским. Много говорили и под конец рассмеялись, как цинцеровны авгуры. Составляли план передовой статьи.

О к т., 28.

День чувствовал себя скверно. Заходил к Э-ду. Вечером у меня Ланг. Революционные разговоры. Беседа о журнале.

О к т., 29.

Состояние ужаснейшее. Все, что я вчера писал—глупость. Злоба, злоба, страшная злоба на себя.

О к т., 30.

Едва, едва начинаю приходить в себя. Хотел было писать „Кантемира“, но не мог еще даже и мыслить.

О к т., 31.

Постепенно овладеваю своими чувствами. Начал „Кантемира“.

Н о я б р ь, 1.

Владею собой. Пишу „Кантемира“. Написал стихи „Ты немного со мной поиграла“.

Н о я б р ь, 2.

Должен был быть литературный вечер. Но Пильский не пришел. Сначала заезжал Щербатов (прямо из гимназии). Я продиктовал ему сочинение. Потом Ланг. Потом Щербатов ушел. Я с Лангом. Потом Э-д. Потом Ланг ушел.

Н о я б р ь, 3.

Пишу, пишу и пишу „Кантемира“.

Н о я б р ь, 4.

Окончил „Кантемира“. Набросал стихотворение „Fin de siècle“.

Н о я б р ь, 5.

Начал переписывать „Кантемира“, — нечто ужасное.

Н о я б р ь, 8.

Подал „Кантемира“. Лев ужаснулся.

Н о я б р ь, 13.

Начал драму „Любовь“.

Н о я б р ь, 16.

Утром написал два стихотворения „Любовь“. Потом в лавке купил: калоши, перчатки, Лермонтова. Вечером—литературный вечер опять не состоялся.

1892 г.

Ф е в р а л ь, 26.

Вечер у Э-да. Винт. Днем писал „Державина“.

Ф е в р., 27.

В гимназии спор с Столповским о душе.

Ф е в р., 29.

Думал провести вечер мирно. Пошел было на заседание археологического общества, но не нашел его. В пассаже встретил Кр-ого. Результат—винт у Э-да. Потом у Филиппова.

М а р т, 18.

Вечером читал с Надей „Моцарта и Сальери“ (на уроке).

М а р т, 20.

Переделал „Утомление окутало мысль“... и „Я жив еще? Я чувствую? Я вижу!“.. Обдумывал трагедию „Сомнение“.

М а р т, 22.

Пошел под Сухаревку и, прельстившись, купил Оссиана и Нибелунгов. Вечер на „Гамлете“.

М а р т, 29.

Утром набросал „Мой друг, легко всех презирать“...

А п р., 6.

Утром у меня Станюкович. С Зунделовичем; на выставке картин Клевера. Смотрели „Лесного царя“. Сзади стоял сам Юрий Клевер и хвалил неким „девицам“ свою картину. Я в негодовании стал ее ругать и ругал, пока те не бежали...

М а й, 5, вторник.

Изучал итальянский язык и историю архитектуры...

М а й, 16.

Ничего так не воскрешает меня, как дневник М. Башкирцевой. Она—это я сам, со всеми своими мыслями, убеждениями и мечтами. Башкирцева хоть могла сказать: „Каждый час, употребленный не на это (приближение к одной из своих

целей, и не на кокетство, — (оно ведет к любви, ergo к замужеству), падает мне на голову, как тяжесть“. Увы! мне нет этого утешения, и часы, потраченные на рисовку перед барышнями, — потеряны для меня. А вот я провел в Голицине 3 дня и не делал ничего.

А годы проходят, все лучшие годы...

Работать, писать, думать, изучать. Два дня буду работать с утра до вечера и вставать лишь затем, чтобы обдумать какую-нибудь фразу. А потом... поеду в Голицино.

Июль, 28.

Я похож на Антония, очарованного Клеопатрой. Вырвавшись из власти любви, я снова царствую. Сегодня я писал „Юлия Цезаря“, изучал итальянский язык, {разрабатывал „Помпея Великого“, набрасывал строки из „Мимоходом“, читал Грота и Паскаля, разбирал Козлова и отдыхал на любимом Спинозе.

Надо работать! Надо что-нибудь сделать! А то столько говоришь о себе, а нет ничего: становится чуть ли не смешно! За работу, жизнь не ждет! „Помпей“, теперь в тебе вся надежда!

...Вечером читал по-французски, исправил роман Вари, в нем нахожу выведенного себя, при том с идеальной стороны.

Вся моя оригинальность перед ней в том, что я не объяснялся в любви. Прочь чувство! Царствуй мысль! Здесь будет моя точка опоры, времени еще много впереди.

Чтобы закончить перечень занятий сегодняшнего дня, скажу, что занимался с Надей, изучал с ней времена диатонических.

Июль, 29.

Когда я пишу „Помпея“, мне грезится сцена, с которой я раскланиваюсь, крики „автора, автора!“ аплодисменты, венки, цветы, зрительный зал, залитый огнями, полный тысячами зрителей, и среди них в ложе... головка Вари, с полными слез глазами.

Август, 12.

Я уехал из Ховрина 1-го и вернулся 10-го августа. За эти 10 дней успел три раза побывать в Голицине. В Москве видался с Э-дом, играл в винт, в кегли (собственно смотрел и держал пари). С внешней стороны самое важное событие — спектакль, который, наконец, состоялся 9-го августа, с него и начну.

Генеральная репетиция 8-го сошла гладко. Только я ради высшего эффекта нарочно забыл расписаться и импровизировал это место от себя. Неприхотливая публика весело смеялась. Играли уже с гримом и в костюмах (чорт возьми! пришлось

мне взять их на прокат. Вообще истратил много). На другой день с утра все готовилось к спектаклю. Я связывал стулья и устал страшно. Билетов разослали много и, боясь тесноты, многим отказывали (и многие обижались). Но увы! собралось публики немного, так что под конец стали пускать всех. Публика была холодная, замороженная, а когда после первого действия с нее собрали в пользу „бедных семейств“, она совсем смеяться перестала и чуть апплодировала разве только Ел. Андр., да мне (впрочем, мне-то апплодировали больше „свои“; я не вышел на апплодисменты).

После спектакля немного выпили, шутили, танцовали. Был И. А. Он усердно пропагандировал мои достоинства Варе.

Кстати, о Варе. Больше я не сомневаюсь: любовь, любовь! Сначала я был поражен ее поведением ко мне. Садится со мной рядом, первая заговаривает. Потом сообразил: она кокетничает — раз. Ее убеждают, что я выгодный жених — два. Она... она... ей... чуть-чуть нравлюсь я — три! Bravo! Bravo! Вперед! Есть надежда. Я счастлив...

А в г., 12 — 13.

Занимаюсь целые дни. „Помпей“. 12-го был у нас Рошин и др. Я писал „Демон“.

А в густ, 14.

Страшно трудно писать „Помпея“. Сначала надо добиться, чтобы я владел этой картиной, а не деятели того времени владели мной. Потом надо сплотить всю громадную несущуюся жизнь в немногих картинах, при чем картины должны быть действием! Наконец, надо придать всему интерес. И каков герой!

Помпей!

Человек ничтожный, никак не герой. Ведь зрители заснут, если оставить им только борьбу Цезаря и Помпея. Придется прибегнуть к сплетенному мифу.

Зачем же я беру именно Помпея? Не лучше ли бросить все начатое? Тогда неужели даром пропадает столько трудов? Но лучше потерять столько трудов, чем больше... Да неужели ничего нельзя сделать? Или это я не могу? Тогда, значит, есть сюжеты мне не по силам.

Перо падает из рук.

А в г., 16.

Я пытался написать стихи на обдуманную тему, стихи, которые можно было бы написать Варе в альбом, но увы! из-под пера не выходило ничего, или, вернее, выходил прозаический рассказ с рифмами на концах. Я бесился, но напрасно и несправедливо.

А в г., 16.

Набросал „Виновата ли я“ и „Мы с тобой навсегда разошлись“.

А в г., 17 — 18.

Писал с утра до вечера „Помпея“ (план). Окончил его только в 12 часов. 18-го (ночью). Изучал *Le Misanthrope* и итальянский язык. Немного Политическую экономию и Грота...

А в г., 19.

Как укрепляет работа. Правда, к вечеру часто я теряю всякое соображение, весь полон фигурами римлян и итальянскими словами, но зато ко мне вернулась былая твердость духа. На все смотрю спокойно и уверенно, гордо и правильно. Я верю в свое будущее, а любовь к Варе кажется смешной и пустой.

Вперед! На победу!

А в г., 20.

„Бывают минуты, когда готов послать к чорту это горнило умственной работы, славу и искусство, чтобы жить солнцем, музыкой и любовью, счастьем“. (М. Башкирцева).

Впрочем, сейчас я не в таком настроении. Наоборот, я готов работать, трудиться, бороться. Я счастлив. Вперед!

А в г., 24.

...Я почти все время с Лангом... Я говорил и спорил за целое лето, которое провел в кругу мелких людишек. Читали друг другу свои последние произведения. Кузина Ланга скоро идет на любительский спектакль. Хоть глупо, но я завидовал. Потом даже сам стал уже сочинять какую-то глупую сценку, чтобы поставить ее в этом обществе. При том сам записался в их члены. Ланг по-прежнему убежден в своей гениальности, но плоды былых побед еще за мною; он говорит со мной, как с равным (с другими он свысока, если только его не сбивают на ничто).

Ланг уехал в воскресенье, взяв с меня обещание приехать к нему в среду. (А мои работы?)... Ник. Вас., опоздав к первому поезду, остался. Я, не обращая на него внимания, занимаюсь но работа идет туго. „Помпея“ я хотел переделать в комедию, ибо что такое Помпей, как не комический тип? Но в мечтах у меня другое: комедийка, которую можно было бы поставить на сцену поскорее.

Глупо, глупо, глупо!

А в г., 31.

Я рожден поэтом. Да! Да! Да!

Друга! Где я найду друга? Ему я высказал бы все, что кипит на душе.

Что ж? Что? Конечно, любовь...

Вот сказка старая, которой
Быть вечно юной суждено.

Но, впрочем, прочь лиризм! Проза, царствуй! Недаром ты задумал роман „Проза“!

Сентябрь, 7.

Целую неделю не писал я. За это время я сделал немного. Перевел пьесу Метерлинка „L'Intruse“, задумал комедию „Любовь“ и почти забросил своего „Помпея“. Так мало потому, что пришлось много быть в Москве, на Арбате, так как Горинов застрелился. (Не совсем, положим, лежит в больнице). Потом, кроме того, мы переезжали, и мои книги были упакованы. Кое-что, однако, делал.

Сент., 20.

Был только что Пильский (и Станюкович). Немного поспорили и потолковали. Что ни говорите, а он человек умный.

Переписываю „Юлия Цезаря“. Видел себя во сне влюбленным в какую-то итальянку и учился у нее итальянскому языку. Это можно переделать в идиллию.

Октябрь, 3.

Знаете, что я приобрел за лето? Твердость. Прежде у меня была только наглость...

Октябрь, 15.

Кто бы ожидал, что я брошу свою театроманию, вернее, актероманию. А между тем, это так. Писать некогда...

Окт., 29.

За старое новым ответишь. (Новая пословица).

В понедельник был на „Гамлете“. Играли плохо. В общем живу гимназией... Из арифметики едва не получил 4 за год, однако, поправился...

Окт., 30.

Пишу „Каракаллу“, но, по обыкновению, вместо того, чтобы писать, больше воображаю общее восхищение, когда это будет написано. Продаю шкуру неубитого медведя...

Ноябрь, 3.

...Купил Катулла. Был в библиотеке...

Ноябрь, 16, веч.

Набросал стихи: „Муза, погибаю... Сознаю бессилье“...

Ноябрь, 18.

Как и всегда, стихотворная исповедь облегчает душу. Впрочем, я увидал, что довольно любоваться собственными

страданиями: пора взяться серьезно за себя. Могучим усилием воли я сдвинул свои чувства и овладел своей душой. Теперь я спокоен, так спокоен, как труп... и только. В сердце заглянуть боюсь. К Вале злорадство и полупрезрение. Образ Елены Андреевны выплывает, как утешающий и смягчающий. Хорошо бы иметь в ней друга.

Н о я б р ь, 22.

Вчера с Сатиным и Ясюнинским был у Аппельрота. Толковали. Я не слишком удачно (т.-е. в том смысле, что слишком много говорил о себе). Вечером заходил к Э-ду. Набросал вчера стихотворение: „На полях Филиппинских“. Отделяю „Каракаллу“. Сегодня начал импровизировать стихотворение „Колумб“.

Н о я б р ь, 28.

Важнейшее событие этой недели то, что был на Саре Бернар. Впечатление получилось полное (играли „Клеопатру“). Что касается меня, то мне Дармон (Антоний) нравится больше С. Бернар. Конечно, у него нет той утонченной отделки роли, но это придет с годами, зато у него масса чувства, а Сара холодна, как лягушка.

Затем, в четверг вечером был у меня Станюкович. Читал я ему своего „Каракаллу“ и пришел в ужас сам от своих ошибок. Придется и на этот год отказаться от мечтаний выступить на литературное поприще, так как начать что-нибудь большое в этом году у меня не будет времени...

Д е к., 16, утро.

Холод, ниже 25°. Флаги на каланчах. В гимназию не пошел, а все утро переводил из Верлена (поэта-символиста).

Д е к., 24.

Если можешь, иди впереди века; если не можешь, иди с веком, но никогда не будь позади века, хотя бы даже он шел назад.

1893 г.

Я н в а р ь, 2.

Привет тебе, Новый год!

Последний год второго десятка моей жизни, последний год гимназии... Пора! За дело, друг!

Вот программа этого года:

- 1) Выступи на литературном поприще.
- 2) Так или иначе покончи с К-овыми.
- 3) Блистательно кончи гимназию.
- 4) Займи отдельное положение в университете.
- 5) Приведи в порядок все свои убеждения.

Между прочим, сделаю пробу. Пошлю переводы из Верлена в „Новости Иностранной Литературы“, „Тени“ — в „Артист“, и „Николая“ — в „Ребус“.

Я н в., 30.

...Событие в гимназии. Читал Фуксу свое стихотворение: „Образы тени немой“. Тот — Поливанову. Конец классов. Ждем Копосова. Входит хладно Лев и подает записку. Читаю: пародия на мое стихотворение.

Покаяния лжепоэта-француза.

„Образы тени немой,
„Ночи конца привиденья!
„Брезжет для вас в отдаленьи
„Истина только зарей“.

„Призраки видишь в могиле“.
(Кстати могилу разрыли!)
Ясно, что „тени луны“
Ветками тут рождены:
„Трепетом их и ожили“.

(Но, раз уж я это смекнул,
То грезить о тени не вправе,
И все, что я дальше сболтнул
Едва ли послужит мне к славе:

Но так как утрачен толпой
Поэзии истинный голос —
Авось и от тени такой
Не встанет у Брюсова волос).

„Может быть, сны темноты
„Вдруг бытием облекутся,
„С хором творенья сольются
„Неба, земли и мечты“.

„Людам о божестве вещая,
„Сладок он будет для них,
„С морем небес голубых
„Чистые гимны сливая“.

Я кончил. Как будто, поэт,
Крылами дал взмах я могучий:
Но перьев на крыльях тех нет —
И мышью упал я летучей!

Едва романтических слов
В начале я горсточку всыпал:
Как тут из кармана штанов
Клубок реализма вдруг выпал.

Запутался смысл всех речей:
Жуковского слух мой уж слышал
Но Фофанов (слов любодей) —
Увы! — из Жуковского вышел!

На другой день я принес Фуксу подлинник и защищался. Только что сейчас набросал я ответ-эпиграмму. В понедельник распространю ее.

М ы.

(Мышиные эпиграммы).

В моих стихах смысл не осмыслив,
Меня ты мышью обозвал,
И, измышляя образ мысли,
Стихи без смысла написал.

Февраль, 2.

Сегодня в гимназии возвращали сочинения. За мою фривольную диалогико-рассказочную форму балла не получил (в тетрадь), но в бальнике Лев все же ткнул 5.

Февр., 18.

В гимназии не был. Готовился к реферату по символизму...

Февр., 20.

Вечер у Ермилова. Видал Ив. Иванова. Реферат о символистах не состоялся, отложен.

Февр., 21.

Утром очаровал Льва Ив. ответом о Дельвиге. Вечером сначала у меня Никольский читал свои стихи, потом сеанс у К-овых, Был Ланг...

Март, 1.

...В гимназии близится время экзаменов, а мне так опротивели занятия, что я едва могу братья за учебную книгу. Жду №№ „Иностранной Литературы“ и „Живописного Обозрения“. Перевожу Маллармэ и собираюсь снести перевод в редакцию...

Март, 4.

...Талант, даже гений, честно дадут только медленный успех, если дадут его. Это мало! Мне мало. Надо выбрать иное... Найти путеводную звезду в тумане. И я вижу ее: это декадентство. Да! Что ни говорить, ложно ли оно, смешно ли, но оно идет вперед, развивается и будущее будет принадлежать ему, особенно когда оно найдет достойного вождя. А этим вождем буду Я! Да, Я!

Март, 10.

Вчера мои именины, и у нас К-овы. Сначала все было очень тягуче, но после ужина нам удалось с Ел. Андр. остаться вдвоем; сначала мы прикрывались планом Москвы и целовались, потом хладнокровно ушли в другую комнату... Помню, что я лепетал какое-то бессвязное декадентское объяснение, —

говорил о луне, выплывающей из мрака, о пагоде, улыбающейся в струях, о фантазии, которая сгорела в образе юной мечты. Однако, она назначила мне свидание на пятницу и воскресенье.

Сегодня под влиянием всего этого в безумно радостном настроении духа я даже лично отнес в редакцию „Русского Обозрения“ свои переводы из Маллармэ.

Март, 22.

Что, если бы я вздумал на гомеровском языке писать трактат по спектральному анализу? У меня не хватило бы слов и выражений. То же, если я вздумаю на языке Пушкина выразить ощущения *Fin de siècle*! Нет, нужен символизм!

Март, 26.

В редакции все хорошо. Соглашаются (на словах) принять, если напишу вступительную статью. Не вежливый ли это отказ?

Целые дни пишу. Вчера весь день у меня Ланг. Присутствие постороннего только мешало, так что ничего не написал. Сним у Зунделовича. Вернувшись, набросал (и плохо) одно стихотворение. Сегодня писал много и полу-удачно. Купил *Poètes maudits*.

Припоминая, вижу, что я пользовался в гимназии большим влиянием. Весною я увлекался Спинозою. Всюду появилась этика, а Яковлев сам стал пантеистом. Осенью я взялся за Мережковского. Все начали читать „Символы“. Теперь я — декадент. А вот Сатин, Каменский, Ясунинский и др., и др. восхваляют символизм. Браво!

Май, 15.

...Готовлюсь к экзаменам, но вяло. Охота к науке пропала. Купил, однако, новую теорию параллельных линий и думаю писать на нее возражение.

Май, 20.

Умерла! Умерла! Умерла!..

Умерла — черной оспой!

Июнь, 14.

Жить еще не живу, хотя собираюсь. Занимаюсь много и начинаю входить в колею. Перевожу довольно удачно Верлэна и очень старательно Овидия. С Лангом окончательно стал на точку превосходства; теперь он мне покорен. О себе и своем одиночестве думаю мало и потому спокоен.

...Жду выхода „Русского Обозрения“, чтобы явиться под броней истинного поэта. Думаю (среди тысячи планов) описать свою любовь к Леле, в виде повести. Поэма на ее смерть подвигается что-то плохо.

Июнь, 17.

Старательно пишу роман из моей жизни с Лелей. Начинает он сбиваться на „Героя нашего времени“, но это только хорошо.

Июнь, 22.

„Русское Обозрение“ вышло, а моих произведений там нет — завтра думаю ехать, чтобы объясниться с ними.

Июнь, 24.

Вчера был в редакции „Русского Обозрения“ и пришел к убеждению, что вряд ли что там выйдет. Да я и сам много виноват, открывши кто я. Этим исчезла прелесть неизвестности, окутывавшая меня там. Последнее стихотворение мне просто возвратили: „мало пластичности“.

Июнь, 27.

...Пишу я мало, все стараюсь создать что-нибудь пластическое и ради этого углубляюсь в александрийский размер, работаю, говорю мало, но начато очень много.

Август, 6.

Я счастлив. Мне только-что удалось написать стихотворение, которым я сам доволен, т.-е. которое написано по вдохновению.

Авг., 9.

...Сегодня подал бумаги в университет.

Авг., 13.

Третьяго дня кончил свою комедию. Вчера читал ее маме и другим. Даже мне самому она очень нравится.

Смотрел сейчас на облака и счастлив.

Сентябрь, 18.

Моей комедии цензура не разрешила. Сначала я был подавлен, но духом не пал. У меня уже готовы новые планы: новая комедия, новые пути в печать и то, и то.

Под угрозами ненастья,
В день сомнений и потерь,
Смело жди минуты счастья
И в грядущее поверь.

Сент., 27.

Работал, работал над „Каракаллой“ и, наконец, убедился, что драма еще очень несовершенна. Надо все переделывать.

Октябрь, 8.

Похороны Плещеева. Собственно для меня любопытнее всего было наблюдать за „психологией толпы“. Студентов было до 300 и они действовали заодно, сразу усваивая мысль

и никогда не разбиваясь на партии. На пути нас побила полиция, когда мы вздумали нести гроб своим путем. Тщетно молил нас сын Плещеева не начинать скандала.

— Я сын покойного.

— К чорту!

Думал и я произнести речь, но как-то не удалось.

Изобретение нести гроб на плечах принадлежит мне, конечно мне, но собственно я предлагал только донести до катафалка, после же, когда мою мысль преобразовали в пешее путешествие с гробом на плечах в продолжение 5 час. — я проклинал свою мысль. До сих пор у меня болят плечи и поясница. Кроме того, вероятно, я простудился; чувствую себя скверно...

1894 г.

Февраль, 8.

Вчера со мной сделался сильнейший приступ инфлуэнции. Я слег. Много помог мне прием антифибрина, но еще больше письмо Ланга: „Символисты“ разрешены! Eviva! Это движение вперед...

Февр., 10.

Ух! Вчера был в редакции... Собираемся издавать сборник стихотворений.

Александров, Анатолий Александрович встретил меня мило.

— А, это вы, а я уже подумывал, куда вы запропастились.

С полчаса толковали о поэзии и поэтах, оставил ему Верлена и ушел.

Февр., 16.

...Я занят больше университетом. Старательно посещаю лекции, работаю, даже все литературные занятия кинул, кроме лирики: расстаться с ней уже выше моих сил.

Печатаем сборник; надо писать новое сочиненье Герье. Сроку 1 марта, а я только третьего дня узнал о существовании такой темы!).

Увлечен Т. Щепкиной-Куперник. Готов влюбиться в нее заочно и боюсь одного: что она окажется рыжей или 40-летней перезрелкой.

Февр., 18.

Думал итти на пьесу Щепкиной-Куперник, но билеты проданы.

Получил корректурные листы. Полтора года назад это привело бы меня в бешеный восторг, но теперь я слишком измучен жизнью. Все-таки перечитываю свои стихи. Увы,—

Бледные, черные строки,
Право, вы стали далеки
От написавшего вас!

Все, что в вас было так живо —
Мысли, мечты, переливы —
Скрылось от сердца для глаз!

Февр., 21.

Написал стихотворение, которым сам доволен, — „Чай“. Занят отчаянно университетским сочинением...

Февр., 22.

Опять написал очень удачное стихотворение „Стонут звуки“. Счастлив!

Февр., 24.

...Какое мне дело до Ланга, до любви, до всего, если я знаю счастье вдвоем со своею тетрадкой, среди рифм и звуков?

Февр., 25.

Получил экземпляр „Русских Символистов“ и перечитываю его.

Февр., 28.

„Символистов“ рассылаем... Написал дивное стихотворение „Фиалка“, в жанре „Последней тучи“ Пушкина.

Март, 11.

Судьба в среду не очень решилась. В „Русском Обозрении“ просили еще пообождать, а на лекции Герье произнес блистательные заметки на прочитанный реферат Г-а. И сам был доволен и многие удивлялись. Сегодня объявление о „Русских Символистах“.

Март, 13.

Нас разобрали в „Новом Времени“. Конечно, что до меня, мне это очень лестно, тем более, что обо мне отозвались, как о человеке с дарованием.

Чувствую себя истинным поэтом.

Март, 16.

Получил символистические стихи от некоего Эрла-Мартова.

Апрель, 22.

Сулла принадлежал к числу тех же людей, как и я. Это талантливые люди *sans foi ni loi*, живущие в свое удовольствие. Очень, очень часто совершают они прекрасные поступки, но могут совершать и чорт знает что. Суллу не раздражили упреки гражданина, ругавшего его после сложения диктатуры. Но Сулла нисколько не считал бы преступным казнить этого гражданина.

М а й, 2.

Сегодня был экзамен римской истории... Сошел удачно — я поговорил о Геродиане, о своей трагедии, о поэзии.

М а й, 4.

Не отрываясь, залпом прочел последний том „Дачи на Рейне“. Бесспорно — конец слаб, очень слаб, но много прекрасных сцен...

М а й, 6.

Занимаюсь по 15 час. в сутки, готовясь к церковно-славянской грамматике...

Отчаянно занимаюсь, а сам в удивительном ударе: импровизирую целый ряд очень милых стихов; жаль, что некогда записывать.

М а й, 10.

Честное слово! Первый раз в жизни после детства боюсь я экзамена. Подлинно „путь незнаемый“. Но — „ты везешь Цезаря и его счастье!“.

М а й, 11.

Экзамен сдан... хотя не так блистательно, как римская история. Но не беда. Go ahead!

Изругали меня во „Всемирной Иллюстрации“.

И ю н ь, 10.

Что до литературных затей, то делаю не слишком много. Пописываю стишки, мучительно высиживаю статью Profession de foi для II-го выпуска. Одно время мною овладел сюжет „Грани“; в два дня, которые я провел у себя на даче, написал я глав 16. Потом мне это надоело и я бросил.

Думаю опять писать роман „Медиум“.

И ю н ь, 19.

Неделя символизма.

... Минувшая неделя была очень ценна для моей поэзии. В субботу явился ко мне маленький гимназист, оказавшийся петербургским символистом Александром Добролюбовым. Он поразил меня гениальной теорией литературных школ, переменяющей все взгляды на эволюцию всемирной литературы, и выгрузил целую тетрадь странных стихов. С ним была и тетрадь прекрасных стихов его товарища — Вл. Гиппиуса. Просидел у меня Добролюбов в субботу до позднего вечера, обедал etc. Я был пленен. Рассмотрев после его стихи с Лангом, я нашел их слабыми. Но в понедельник опять был Добролюбов, на этот раз с Гиппиусом, и я опять был прельщен. Добролюбов был у меня еще раз, вы-

дельвал всякие странности, пил опиум, вообще был архисимволистом.

Мои стихи он подверг талантливой критике и открыл мне много нового в поэзии. Казалось, все шло на лад: Добролюбов писал статью, их стихи должны были войти во 2-й выпуск, но вот два новых символиста взялись просмотреть другие стихи, подготовленные для 2-го выпуска. В результате они выкинули больше половины, а остальное переделали до неузнаваемости. В субботу они явились с этим ко мне. Мы не сошлись и поссорились. Союз распался. Жаль! Они люди талантливые.

Июнь, 20.

Собственно говоря, Добролюбов был прав в своей критике. Теперь я дни и ночи переделываю стихи... Странно — я вовсе не сумел очаровать Добролюбова, сознаю при этом, что он не выше меня, все же чувствую к нему симпатию.

Имеющие уши да слышат.

Август, 6.

Из Тэна:

„То, что обыкновенно называют в человеке умом, — есть не более, как его обыкновенная манера мыслить“.

„Если сегодня вы будете писать языком Геродота и Гомера, то вас сочтут ребенком; если сегодня вы будете говорить тем же слогом, каким говорил Исайя или Иов, то от вас будут бегать, как от сумасшедших“.

Вчитываясь в моих знакомых символистов, начинаю предпочитать стихи Добролюбова. Гиппиус эффектней, но слабее.

Авг., 16.

Нечто свершено. Заточенный дома и как-то успокоившись, я отдался одному делу. Вчера оно окончено. Оно не прославит моего имени, но представляет ценный вклад в русскую литературу — это перевод „Романсов без слов“ Верлена.

Познакомился с Мартовым (А. Бугон) поэтом-символистом, и его приятелем Ивановым, музыкантом-символистом. Люди милые — добрые малые, но недалекие.

Занимался с Лангом символизмом.

Авг., 29.

В „Новостях Дня“ появилось якобы интервью с Миропольским и Мартовым. Был в редакции вчера и сегодня, улаживал дело.

Авг., 30.

В „Новостях Дня“ появилось интервью со мною. Конечно, это мне далеко не противно. Идем вперед.

Сентябрь, 14.

Показывали меня, как редкостного зверя, домашним Иванову. Я выделял все шутки ученого зверя — говорил о символизме, декламировал, махал руками (признак оригинальности)...

Написал символическую драму. Пишу университетское сочинение о Солоне и наслаждаюсь греческими авторами. Точно встретил друзей, с которыми давно не видался.

Сент., 16.

Чем я горжусь, так это следующим: никогда не позволяя я оставить в стихах то, что — как я знал — понравится другим, но что не нравилось мне.

Сент., 28.

... Принял с Лангом участие в О. Л. З. Л. и познакомился с Бальмонтом. После попойки, закончившей первое заседание, бродили с ним пьяные по улицам до 8 час. утра и клялись в вечной любви...

Вчера участвовал в семинарии Грота по психологии. Пахнуло на меня философией, старой, забытой мною философией.

Работаю над Солоном, над оперой, над драмой, совершаю много мелочей, etc.

Октябрь, 11.

Вчера опять было заседание и опять бродили с Бальмонтом до утра по улицам в поэтических грезах... Пишу Солонана.

Окт., 18.

Написал Солонана. Его разбирали. Сошло не очень плохо. В четверг часов до 2 сидел у меня Бальмонт и другие, устал я страшно, но кое-как о поэзии толковал.

Окт., 21.

Вчера после заседания блуждали. Возвращаясь домой, читали траурный плакат о смерти Александра III.

Скромничай или будь безумно дерзок. При дерзости не заметят, что даешь слишком мало, при скромности будут благодарны, что ты даешь больше, чем обещал. Но никогда не говори, что дашь именно столько, сколько можешь.

Окт., 22.

Сегодня у Зунделовича меня „показывали“, демонстрировали, как символиста. Спорил о Марксе, о социализме и о многом другом. Декламировал и произвел известное впечатление.

Окт., 31.

Во вторник был у Бальмонта... Довольно удачно. Вернувшись от Бальмонта в 3 часа ночи, пьяный, я написал 11 со-

нетов и 2 поэмы. Вообще пишу много. Университета не посещаю.

Событие дня — похороны царя-Миролюбца ¹⁾ — меня касается мало, только черное убранство улиц заставляет меня дрожать. Когда же расцветут сентябрьские розы?

Декабрь, 14.

В начале этой тетради обо мне не знал никто, а теперь, а теперь все журналы ругаются. Сегодня „Новости Дня“ спокойно называют Брюсов, зная, что читателям имя известно.

Декабрь, 27.

Конец 94 года провожу тихо — сижу больше дома, но работаю мало... Был у Бальмонта и проблуждал с ним всю ночь. Бальмонт говорил о чистоте души, о том, как греховно пить вино и прикасаться к женщинам. Говорил он и о своей *vita nuova*.

1895 г.

Февраль, 1.

Ближе сошелся с Самыгиным (Марк Криницкий) — весьма замечательная личность. Довольно часто бываю у него. С Лангом, наоборот, начинаем расходиться.

С Бальмонтом виделся несколько раз. Большею частью свидания бывали полудекадентскими, но — увы — кончались трактиром и „вертепом“. Бальмонт выступил передо мной ярко и увы! опять! потерял много из своей прежней привлекательности. Вот почему я уже почти насмеялся над ним, бывши в воскресенье у Курсинского...

Февр., 21.

Последнее время начинала нападать на меня тоска, так что я не мог писать стихов. Не помогло ни наше первое собрание в литературной кофейной, где я спорил и спорил о „сущности красоты“, ни то, что пришлось писать реферат о Нибелунгах, ни то, что мои стихи поместили в сборнике „Молодая поэзия“...

Февр., 25.

... Получил письмо от Перцова и от Prisca de Landelle, который оказался г-жей Louise Bourgoïn.

Март.

Умер Ляleckин. Эта смерть, против ожидания, глубоко затронула меня.

¹⁾ Так его звали сначала. После стали называть — Миротворцем.

М а р т, 21.

„Chefs d'Oeuvre“ переписаны. Завтра отдам в цензуру.

А п р е л ь, 3.

Тщательно и часто переписываюсь с Перцовым.

А п р., 23.

Экзамены, видимо, навсегда останутся для меня выставкой. Готовясь, я приспособливаю тон, жесты, невольно сочиняю эффектные диалоги между мною и г.г. экзаменаторами.

А п р., 27.

Известно, что, готовясь к экзаменам, я всегда читаю романы, но известно ли, что я до сих пор не могу читать их без волнения, а иной раз без подступающих слез! Чорт знает, что такое, особенно, когда роман далеко не талантлив!

М а й, 7.

Положение ужасное. Греческий экзамен (самый важный!) и страшный флюс, такой, что глаз затекает. Борюсь. Ты везешь Цезаря и его счастье!

И ю н ь, 7.

...Последние дни в Москве был план об издании „Chefs d'Oeuvre“, основанный на закладывании моих золотых часов, но ссудные кассы расстроили его.

И ю н ь, 18.

Что ни говорите, а трудно писать без впечатлений, а какие могут быть впечатления здесь на даче, где сегодня то же, что вчера, а завтра снова занятия, урок с сестрой и „66“ с отцом. Кое-что пишу, но вяло и скучно.

И ю л ь, 1.

С влажными глазами кончил читать „Монте-Кристо“, и с влажными не потому, чтобы этот роман напоминал мне бывшие годы, когда я читал его в первый раз, но просто из сочувствия к судьбе героев. Глупая чувствительность к романам, когда ее вовсе нет к событиям жизни...

И ю л ь, 25.

За Канта взялся я, как за откровение, но он более, чем очаровал меня. (Это лето было посвящено философии, особенно же Лейбницу).

А в г у с т, 8.

...В Москве пишу много,—и стихов, и прозы... „Chefs d'Oeuvre“ уже корреktированы...

А в г., 19.

...Вечером приехал Курсинский. Провели с ним все время, читали без конца друг другу стихи... Влияние Толстого (у детей

которого Курсинский репетитор) сказывается на нем все яснее. Взял у него читать „В чем моя вера“. Обещал он и „Царствие божие внутри вас есть“.

Авг., 20.

Все жду „Chefs d'Oeuvre“. И из-за этого ничем не могу заниматься. Читаю „Веру“ и умиляюсь.

Авг., 30.

Известие, что Добролюбов напечатал книгу стихов. Очень ею интересуюсь. Пишу мало и то больше прозу.

Мои „Chefs d'Oeuvre“ на моих друзей произвели — сознаюсь — самое дурное впечатление. Прямо порицание не высказывают, но молчат, что еще хуже. Престиж мой у Фриче упал. Один Ланг (увы!) верен.

Сентябрь, 1.

Меня до того изумило вежливое молчание моих друзей о „Chefs d'Oeuvre“, что я сбежал вчера к Курсинскому. Он еще не приезжал, но я его дождался (лишь вчера он из Ясной Поляны, а сегодня домой). Курсинский ближе других ко мне.

Сентябрь, 8.

Ругательства в газетах меня ужасно мучат. Веду, насколько могу, полемику (см. Нов. Дня).

Однако, анонимное письмо, полученное сегодня, доконало меня. Погиб.

Есть утешение. „После горестей бывают радости“. Какие будут на этот раз?

Сент., 11.

..Сегодня в университете, когда я вызвался читать Аристофана, везде раздавался шопот, шипение: „декадент, декадент“.

А! Так-то! Берегитесь!

Только искреннее сочувствие Самыгина и Шулятикова успокоило меня немного. А, Курсинский! Клянусь — ты холоден. Берегись.

Сент., 29.

Познакомился с Облеуховым, поэтом из „Русского Обозрения“, переводчиком Мюссэ. Был у него, видел его сестру, предмет любви Бальмонта. В четверг он, т.-е. Облеухов, был у меня.

Ноябрь, 21.

„Успехи“ все растут. После благосклонной заметки в „Русском Листке“, после симпатизирующего нам интервью в „Новостях“ — узнаю, как относятся ко мне мои сотоварищи студенты. Недавнее „у-у, декадент“ прошло бесследно. „Да

говорит Н. Н. в пересказе Самыгина, „Chefs d'Oeuvre“ книга очень замечательная; много в ней найдется для психолога и для философа и для чистого эстетика“.

Декабрь, 13.

Может быть, хорошо, что меня „не признают“. Если-б ко мне отнеслись снисходительно, я был бы способен упасть до уровня Коринфских и плясать по чужой дудке.

Дек., 16.

...В среду заходил ко мне с Бальмонтом Бунин, но не застал меня...

Дек., 17.

...Выпустил я „Chefs d'Oeuvre“ — но, будучи болен, написал хуже, чем мог бы, будучи беден — напечатал хуже, чем хотел бы. От книги отшатнулись все, даже друзья мои. Горько...

Дек., 18.

Сейчас заходил Бальмонт, ликующий, безумный, эдгаровский. Многое, конечно, в его настроении делано, но все же он оживил, увлек меня. Точно луч лунный проскользнул между туч и обжег минутным поцелуем волны.

Дек., 20.

Я замечаю, что неуспех „Chefs d'Oeuvre“ в значительной мере побил с меня самоуверенности, а ведь она когда-то была вполне искренней! Жаль.

Дек., 27.

Жалкая ирония судьбы. Теперь, когда я разочаровался в „Chefs d'Oeuvre“, их начинают хвалить — и Бальмонт! Бальмонт!

Дек., 31.

Умер Верлэн.

1896 г.

Февраль, 6.

Моя будущая книга „Это — я“ будет гигантской насмешкой над всем человеческим родом. В ней не будет ни одного здравого слова — и, конечно, у нее найдутся поклонники. „Chefs d'Oeuvre“ тем и слабы, что они умеренны — слишком поэтичны для г.г. критиков и для публики, и слишком просты для символистов. Глупец! я вздумал писать серьезно!

Февр., 27.

Вчера перед отъездом в Петербург был у меня Бальмонт. О, господи, как не во время приходит „слава“! Полгода тому назад я пришел бы в восторг от половины тех компли-

ментов, которые он мне наговорил, а вчера я чувствовал „хладное“ презрение.

М а р т, 5.

Я чувствовал, что жить так, как я живу, невозможно. Монотонное однообразие, молчание и томление. В воскресенье я дошел до отчаяния, даже не мог читать Эдгара По. Шум, семейные разговоры, глупость родных — я надел шубу и решил бежать, несмотря на свой ревматизм... В дверях встретил Бальмонта.

Последовал безумный вечер, незнакомые мне люди, трактиры, вино, споры. Проснулся... Мерзко, но на меня повеяло „лазурью обновления“ (выражение г. Курсинского. См. „Полутени“).

М а р т, 6.

Был у меня сегодня Бальмонт — я уже совсем сжился с ним — и сильно убеждал меня прочесть три этюда Метерлинка, помещенные в № 2 „Северного Вестника“. Читал... Странно — вся эта Незримая Доброта, Внутренняя Красота и etc. производят на меня впечатление скрытой поэзии.

А п р е л ь, 7.

И вот я живу в Петербурге. Обежал, осмотрел город, бывал в театрах, etc.

Видел Добролюбова. Увы! это развалины прежнего Добролюбова, это покорный, заискивающий юноша. Жизнь смяла его, и я люблю его... Но... читателей у него не будет!

Зато Вл. Гиппиус — о, это человек победы! Он горд и смел и самоуверен. Через год он будет читаться, через пять лет он будет знаменитостью. Исполать ему.

И ю н ь, 27.

Понемногу пишется „Me eum esse“. Мне доставляет наслаждение, что эти стихи совершенно не похожи на „Chefs d'Oeuvre“, словно кто другой писал...

И ю л ь, 4.

Человек существо странное и глупое. Читал я сегодня, читал „Униженные и Оскорбленные“ и вдруг овладело мною безумнейшее желание взять сиротку на воспитание. Смешно, безумно, но я стал ходить взад и вперед по комнате и воображать, представлять себе весь мой разговор с ней, где я ее помещу, что будет потом, и т. д., и т. д.

И ю л ь, 10.

...Только что познакомился с юным поэтом, Александром Браиловским, — лет 13-ти, знавшим меня по рецензиям. Он провел у меня весь вечер. Конечно, я победил большинство

предубеждений, которые были у него против меня. Станный, юный, и серьезный человек. Будем ждать дальнейших встреч.

Июль, 26.

Читаю Тургенева. А! замечательно, что „я“ тургеневских романов (даже когда это третье лицо) — всегда человек неважный, обыденный. Тургенев совершенно бессилён в области психологии, и все более или менее сложные характеры изображаются им только от лица кого-нибудь другого. После Достоевского Тургенев производит впечатление жалкое. Чтò, напр., „Дневник лишнего человека“ перед (второй частью) „Записок из подполья“.

Июль, 31.

Читал Толстого. Вот соотношение трех эпигонов гоголевской прозы. Тургенев рисует внешность, Достоевский анализирует больную душу, Толстой — здоровую. Эх, ежели бы из трех да одного!

Август, 9.

...Тургенев описывает лиц, какие жили в его время; чутьем поэтическим он угадывает, что такой-то сказал бы или сделал в таком-то положении, угадывает — но души их не знает. Толстой знает душу обыкновенных людей, смело говорит, что всякий знает, но сказать не смеет, что таится на душе у всякого. Достоевский знает душу исключительных людей...

Авг., 21.

Не был ли Пушкин наведен на мысль о Цыганах романо-эпопо-идилле-драмою Шатобриана „Natchez“. Ну, и скучная же вещь!

Сент., 11.

Москва. Путешествие назад было довольно интересное... Бальмонт уезжает за границу, Курсинский — в Киев, Самыгин — в Тулу. Я одинок. В университете горько. Все же в некотором роде я остался на второй год. Впрочем, держу я себя так надменно, что старые знакомые не решаются кланяться.

Ноябрь, 5.

...Пишу больше, чем прежде, но мало. Получил из цензуры „Me eum esse“ — *integrum*. В университете — горько.

Ноябрь, 25.

...Во время студенческих беспорядков я случайно был в университете. Заинтересовался, расспрашивал, но так обстоятельно, что, кажется, *collegae* принимали меня за шпиона *espion*. Просил околodочного посадить и меня в манеж, но мне отказали и довольно бесцеремонно.

Печатаю „Me eum“.

Н о я б р ь, 26.

„Ныне, за несколько недель перед появлением в свет последней книги моих стихов, я торжественно и серьезно даю слово на два года отказаться от литературной деятельности. Мне хотелось бы ничего не писать за это время, а из книг оставить себе только три — Библию, Гомера и Шекспира. Но пусть даже это невозможно, я постараюсь приблизиться к этому идеалу. Я буду читать лишь великое, писать лишь в те минуты, когда у меня будет что сказать всему миру. Я говорю мое прости шумной жизни журнального бойца и громким притязаниям поэта-символиста. Я удаляюсь в жизнь, я окунусь в ее мелочи, я позволю заснуть своей фантазии, своей гордости, своему я. Но этот сон будет только кажущимся. Так тигр прикрывает глаза, чтобы вернее следить за жертвой. И моя добыча уже обречена мне. Я иду. Трубы смолкните!“

Д е к а б р ь, 11.

Кажется, я возвращаюсь в жизнь. Причин моего „удаления“ было много; и внутренние — измучен борьбой, реакцией после „Me eum esse“, новые идеи, — и внешние — разъезд всех друзей, неожиданно много денег... За полгода я почти ничего не сделал ни для себя, ни для поэзии, ни даже для университета. Теперь воскресаю...

Ближайшей целью моей жизни ставлю „Историю Лирики“. Труд этот займет еще года три, если только будет свободное время, а то и лет пять.

Д е к., 16.

...Сегодня читал я корректуру „Me eum“ и ко мне вернулась жажда стихов — но где же „песнодавческий“ родник! Ужели мне не суждено пережить то же, что и Фету.

Долго, долго я алкал,
Жилу жаркую меж скал
С тайной ревностью искал,
Но напрасно!

Муза, где ты! Увы, моя прежняя муза умерла, а новая, явившаяся мне средь утесов Кавказских гор, закрыла лицо и покинула меня, видя, как я оскорбляю ее лучшие заветы...

Д е к., 23.

Письмо к Бальмонту в Париж. —

О, мой брат! О, мой брат! Сегодня мне принесли первый экземпляр „Me eum“... и я вдруг оглянулся на прошлое. Наши блуждания в Сокольниках! Наши холодные споры!

Мое бесстрашие, о мое бесстрашие! Такой горькой насмешки я не ожидал и от жизни.

Четыре месяца вычеркнуто из моей жизни. Как эпоха Возрождения примыкает к античному миру, забывая Средние века, так день нашей разлуки был кануном сегодняшнего дня. Их не было, их нет — этих долгих пятнадцати недель, их не было!

1897 г.

Январь, 8.

Петербург. Блуждаю по улицам. Есть тайная красота в том, что церкви нарушают холодную правильность проспектов...

Я наблюдаю современную архитектуру. Не ей бороться с жизнью и так, пусть она подчинится. Художник, найди красоту в магазинах, в лестницах, в трубах! Не надо колонн: но пусть вывеска на твоём доме не безобразит его, а служит к его совершенству. И это возможно.

Свод мелких особенностей Петербурга.

Петербургские женщины типичнее москвичек. Здесь есть особый стиль, особый шик, чего нет у нас. Мужчины, наоборот, сбиваются на жалкий тип уличного вивера. Разврат в Петербурге красивее, но нахальнее. Невский широк и длинен, а вечером он переполнен уличными прельстительницами... Впрочем, вообще Невский такая могучая артерия, что все остальные улицы имеют значение лишь по отношению к нему. Есть еще красивые проспекты — Литейный проспект — есть улицы важные, торговые, как Гороховая — или дерзко-самоуверенные — вроде Вознесенского проспекта, но все они второстепенные. Не то, что у нас, где нет владыки, а царствуют улицы аристократы... олигархическая республика!

Январь, 11.

Я был у Сологуба.

Щербаков переулок оказался трущобой Петербурга, расположенной близ центра. Дом № 7 оказался грязным домишкой с вонючим двором. Взбираться в кв. № 18 пришлось мне по узкой, залитой лестнице, наконец, на самом верху прочел я на двери: „Акушерка Тетерникова“.

Я уже колебался звонить ли. Наконец, решил. Квартира из двух комнат; отворившая мне дверь, неопределенных лет девица, — „моя сестра“, по рекомендации Сологуба, и сам он, еще более полысевший, постаревший. Мы поговорили с полчаса, впрочем, достаточно официально.

Главного я не узнал от Сологуба, — именно, получил ли Добролюбов те 50 р., которые он просил у меня и которые я ему послал из Пятигорска. Если получил, почему он ничего

не напечатал (ведь деньги просил на „Одни Замечания“). Если же моя посылка не дошла, то как же должен думать обо мне Добролюбов! Мучась этими вопросами, подал „заявление“ в канцелярию почтамта.

Январь, 24.

[Москва]. Получил ответ из петербургского почтамта. Посылка в 50 р. доставлена А. Добролюбову под его собственную расписку. Итак, он получил деньги. Что же! это не мешает быть ему прекрасным поэтом и хорошим человеком.

Февраль, 6.

Опять мрачно-бесцветная жизнь. История лирики, отцы церкви, библия — вот все, если добавить занятия с сестрами и игру в карты с отцом. Немного.

Февр., 8.

Мое добровольное уединение налагает на меня строгий искус. Хватит ли у меня достаточно душевных сил, чтобы сохранить свои стремления среди мелкой пошлости той жизни, какой я окружен? Настолько ли ясно я сознаю свою дорогу, чтобы твердо идти по ней, среди толков о деньгах и разговоров о женщинах, среди карт и попоек, одному в омуте. Моя светлая звезда! Останься чистой и блаженной. Не померкни...

Март, 11.

Жизнь идет довольно горько. Мало веры в себя, нет целей, прошлое темно. В университете тяжелые столкновения. Герье говорит:

— Я видел вашу новую книжку. Может быть, этого достаточно, чтобы называться поэтом, но недостаточно, чтобы быть историком...

Март, 15.

Чем я занят теперь? Непосредственно: Предисловие к „Истории Русск. Лирики“. — Реферат Герье о Руссо. — Реферат Ключевскому (увь! обязательно!). Моя символическая драма. Поэма о Руссо. — Роман: „Это история“... — Повесть о Елене. — Перевод Энеиды. — Поэмка о Москве. — Монография „Нерон“. — Легион и Фаланга“. — Задумано: Драма „Марина Мнишек“, „Атлантида“, и перевод Метерлинка „Les Trésors“. — Рассказ „Изгнанницы“.

В будущем: История римской литературы. История императоров. История схоластики. Публичная лекция о Римбо.

Читаю: Вебера, Метерлинка, Библию, Сумарокова.

Надо читать: Канта, Новалиса, Буало.

Март, 17.

Писать? — писать не трудно. Я бы мог много романов и драм написать в полгода. Но надо, но необходимо, чтобы

было, что писать. Поэт должен переродиться, он должен на перепутьи встретить ангела, который рассек бы ему грудь мечом и вложил бы вместо сердца, пылающий огнем уголь. Пока этого не было, безмолвно влачись „В пустыне дикой...“

О к т я б р ь, 2.

Петербург. Недели перед свадьбой не записаны. Это потому что они были неделями счастья. Как же писать теперь, если свое состояние я могу определить только словом блаженство. Мне почти стыдно делать такое признание, но что же! так есть. Неужели же это „упоение“, о котором так много твердили старые поэты? — нет! нет! — я давно искал этой близости с другой душой, этого всепоглощающего слияния двух существ. Я именно создан для бесконечной любви, для бесконечной нежности. Я вступил в свой родной мир, — я должен был узнать блаженство.

Сказать „я — счастлив“ — много, очень. Многие ли смеют сказать эти два слова, сказать „счастлив“ в настоящем времени? И в память этих дней я не смею осудить ничего в будущем.

Если даже раскаянья миг
Мне сужден...

О к т я б р ь, 23.

Москва. Мирная жизнь изо дня в день... Занят опять философией, читаю с Эдой. Пишу стихи. *Et vraiment je ne veux d'autre paradis.*

Кант, которым мы заняты в университете, меня увлек совсем. Лейбниц, которым я занимаюсь для семинарских работ, дает много для души. Быть может, раньше „Corona“ и раньше 1-го тома „История Лирики“ я напишу „Философские опыты“. (Содержание: I. Лейбниц. II. Эдгар По. III. Метерлинк. IV. Идеализм. V. Основание всякой метафизики. VI. Любовь. (Двое). VII. Христианство).

Н о я б р ь, 19.

Приехал Бальмонт, тот, которого я так ждал, так жаждал. — На нем двойной галстук, он подстрижен так тщательно...

La luna piena... Полная луна...
Иньес бледна, целует, как гитана.
Те ато... ато... Снова тишина..
Но мрачен взор упорный Дон-Жуана...

Мы сидели вдвоем в „России“. Он читал, я еле слушал. Мне казалось, что два года вернулись, что это я прежний, уверенный в себе поэт... Когда я стал читать свои стихи, мне стало стыдно. Не стихов — они были хороши — но того,

что их так мало, что это две робкие пьесы, тогда как он читал мне отрывки смело задуманных поэм, начала длинных повествований. Там у него жизнь, более яркая, чем прежде,— а моя тускнеет.

Я полюбил суровые забавы
Полеты акробатов, бой быков,
Арены, где свиваются удавы,
И девственность, введенную в альков...

И это мне недоступно уже. А ведь третий стих взят у меня, и Бальмонт из-за этого даже хотел заменить его: „И вой волков, бегущих от облавы“.

Н о я б р ь, 21.

Мы расстались не холодно, а мрачно...

Бальмонту я писал сегодня, что вечером буду один. Он пришел. Я думаю, он хотел мстить мне. Он так жаждал видеть меня, таким желанным создал в своем воображении. В своих письмах он говорил, что в России ему нужен я один. О, конечно, оригинал не таков, как мечты! Да и многое из того, что ищет Бальмонт, я не приму никогда. Я тоже изменился за этот год, но изменился не так, как этого ему хотелось, б. м., так, как ему и непонятно. — Он хотел мстить мне; он осмеивал все мои слова злобно.

Мы говорили о Христе. Бальмонт назвал его лакеем, философом для нищих... Впрочем, разве разговор ведется словами. Есть беседа душ. И многое было сказано. Мне хотелось плакать. Когда мы расставались, Бальмонт полуизвинялся. — Вы не сердитесь.

Встречай все, „иди неизменно вперед и вперед“.

Облеухов завез мне свои „Отражения“. Мы поцеловались, как всегда, и улыбались друг другу очень любезно.

К о н е ц н о я б р я.

Мы ошибались. Мы встретились снова и пламя любви снова дрожало между нами.

Бальмонт заехал ко мне, не застал, оставил записку. Я был у него. Там было много „гостей“. В шуме общего разговора нам удалось быть одним, нам удавалось и скрываться к себе... Временами мы были близки. Я видел там ту „маленькую поэтессу“, о которой мне много когда-то рассказывал Бальмонт, та что написала.

Отчего ты так печален?

Оттого, что средь развалин
Мы любить осуждены.

Говорил с ней. Она тоже мало слыхала обо мне.

Другой раз Бальмонт зашел ко мне рано утром, после бессонной ночи; разбудил меня. Мы скоро ушли из дома, бродили по улицам, заходили в книжный магазин, потом были у него, потом у Лохвицкой.

Это было вполне воскресение прошлого. Мы радовались, как дети, смеялись всему. О, как высоко-комичен был для нас г. Гарин-Виндинг, издатель „Призыва“.

— Я устал бороться с равнодушием публики... Примите мой скромный сборник, который вы украсили вашими произведениями...

О, воссевшая на троне банальность! о, условность!

Однако, с Бальмонтом мы расстались холоднее, чем я ждал. Быть может, его обидели мои неблагосклонные отзывы о г-же Лохвицкой, которая произвела на меня впечатление довольно бездарной женщины. Зачем у нее такой большой рот? и при том она сказала:

— Я привыкла, чтобы меня занимали.

Я ответил: — Тогда нам не удастся с вами разговаривать. Однако, ее последние стихи хороши.

Декабрь, 9.

Облеухов привез мне от В. Розанова „Легенду“ с надписью „Автору Ме еum с надеждой на личное знакомство“...

Дек., 11.

Однажды в театре видел Голикова („Голиков — поэт для кроликов“, как говаривал Бальмонт). Как растолстел этот юный поэт!

Эти ручки изломаю,
Зацелую, заласкаю
Задушу тебя в объятьях...

Умер Федор Шперк. Вчера прочел статью В. Розанова, посвященную его памяти... Как его осмеивали и гнали при жизни! Неужели надо умереть, чтобы добиться серьезного отношения? Этот юноша, живущий среди всеобщего отчуждения, погибающий в борьбе с нуждой, но всегда с пытливым взглядом, с гадающим умом... О, как близка мне его судьба!

Дек., 22.

Бальмонт, уезжавший в Петербург, вернулся. Наши встречи снова были холодными. Что-то порвалось в нашей дружбе, что уже не будет восстановлено никогда. Я сам знаю, что я, ушел от его идеала поэта. Он хотел, чтобы я остался „Красиво мертвым и печальным“... Но я воспрял для жизни, ожил, живу...

Были у нас Облеуховы, к сожалению, и старший Н. Д., человек весьма надоедливый. Много говорят о ссоре Мережковского с „Северным Вестником“. Облеухову поручено пристроить в московских журналах его будущий роман из эпохи Возрождения.

Самыгин писал мне, что в Туле читал лекции Льдов, и что он, Самыгин, познакомившись с ним лично, нашел его очень замечательным. Странно. Льдова я видел однажды в жизни. Он мне очень не понравился. А стихи его — это яркий пример фальшивых бриллиантов; при первом взгляде блестят, как драгоценные камни, а на деле хрупки, как стекло. Написал это Самыгину.

1898 г.

Январь, 18.

Три недели почти вычеркнуты из моей жизни. Наступила как бы весна, и вернулась зима, было Рождество, поэзия будней, и снова потянулись будничные дни с обычными декорациями жизни, расставляемыми каждое утро, и с заученными наизусть репликами. Я лежал в постели и жалко сидел в кресле. Доктора называют это „плеврит с экссудатом“.

Важнейшее событие этих дней — появление статьи гр. Л. Толстого об искусстве. Идеи Толстого так совпадают с моими, что первое время я был в отчаянии, хотел писать „письма в редакцию“, протестовать, — теперь успокоился и довольствуюсь письмом к самому Л. Толстому.

Меня навещали друзья, особенно Облеухов. Он что-то упорно твердит о замышленных новых журналах и приглашает меня сотрудничать в разные еще несуществующие журналы, напр., журнал стихов, который думает издавать некто Мазурин, он же Герра.

Курсинский жалуется на одиночество. Ланг ожидает второго наследника. Саводник сообщает, что „муза его покинула“.

Был Мартов-Бугон, который теперь сотрудничает в Русском Листке, — автор стихов:

Луна полна
Любви блаженства.

Теперь он пишет городскую хронику. Sic transit...

Январь, 29.

Я все еще не выхожу. Веду „тихую“ жизнь семейного человека, читаю своей жене вслух французские романы, по воскресеньям играю в винт, и потихоньку пишу свою книгу „Литературные Опыты“; впрочем, прочел много книг, про-

честь которые „собирался“ давно — среди них Дю Преля (Филос. Мист.), Прологомнены Канта, Аллан-Кардека, „Еврику“ Эдг. По, Тэна „Ист. англ. литературы“, Бельтова „К вопросу о монизме“ etc.

Занятия философией как-то убивают поэзию. Поэзия требует для себя известной наивности мысли. Ум, искушенный метафизическими тонкостями, отказывается от приблизительности стихотворного языка.

Получил письмо от Бальмонта.

Февраль, 2.

Окружаю себя книгами и тетрадями. Вновь и вновь вникаю в Лейбница, в Канта, читаю Державина, „Гамлета“... Обратиться в книжного человека, знать страсти по описаниям, жизнь по романам, — а, хорошая цель!

Я должен во что бы то ни стало написать свою книгу, иначе я буду несчастен, потеряю веру в себя.

Я не знаю других обязательств,
Кроме девственной веры в себя...

Этой истине нет доказательств.

Февр., 11.

Сегодня вышел в первый раз после почти двухмесячного заточения. Свежий воздух опьянил меня; у меня кружилась голова.

Февр., 12.

„Золя осужден“. Я когда-то любил Францию и французов вообще; после этого „дела Дрейфуса“ и осуждения Золя я их презираю и проклинаю. И мой Верлэн не был французом.

Февр., 15.

Получил письмо от Бальмонта. Наши последние отношения были таковы, что я почти не ждал этого. Мое последнее письмо было горько, почти грубо. Бальмонт опять тоскует. „Я никогда не разлюблю вас“, пишет он мне. Могу ли я ему отвечать теми же словами?

С Самыгиным у нас философская переписка о „я“ (по поводу статьи Вл. Соловьева „Первое начало“).

Февр., 20.

Мне хотелось бы работать над тремя трудами:

1. История русской лирики. 2. История римской империи до Одоакра. 3. Разработка системы Лейбница.

Вместо того, в моих тетрадях жалкие и бледные „Литературные Опыты“.

3. Дневники.

У меня был Ланг. Это душа угасшая. Последние струйки дыма поднимаются над ней только при разговоре о спиритизме.

В поэме Голенищева-Кутузова „На берегу“ (Русск. Вестник 98 г., февр.) есть неожиданно хорошие места.

М а р т, 12.

Ко мне вернулась моя энергия. Написал всю „Аганатис“, написал „Амалтею“, написал „Кассандру“ — вещи замечательные, им место в сборнике „Corona“. — Свою книжку статей я обратил в простой ответ гр. Л. Толстому.

В кружке, где Викторov читал реферат о „Eureca“ Эдг. По, дамы были пленены, мужчины отнеслись довольно-таки критически к этой проповеди интуиции...

Видел Сальвини и английскую выставку. Есть интересное. Москва говорит о I-й кн. „Вопрос. Филос.“, запоздавшей из-за недовольства цензуры статьей гр. Толстого. О, многострадальная статья, переходившая из светской цензуры в духовную, из московской в петербургскую и везде оставлявшая клочки мяса!..

К о н е ц м а р т а.

Все две недели для меня погибли. Пришлось подводить итоги с университетом, писать для Герье, для Виноградова, для Ключевского — и о Учредительном Собрании, и о „Lex Salica“, и о путешествии Олеария... Рефераты изготoвлялись в ночь и, вероятно, стоят невысоко...

Видал Курсинского и Саводника, бывал на „заседаниях“ наших обществ, защищал экономический материализм и проповедывал монады.

Почти ничего не писал; наскоро кончил только ответ Толстому (напечатаю осенью); из стихов „Кассандра“ и „Мария Магдалина“ куда слабее, чем „Ассаргадон“ и „Сибилла“ и даже чем „Аганатис“...

Но эти пять вещей первые стихи из сборника „Corona“.

А п р е л ь, 3.

Переехал на Цветной бульвар. Живу „в своей семье“ снова. Отдыхаю. Дал себе позволение ничего не делать. Играю в карты; рассказываю Наде об арабах и каролингах... Жду Крыма.

А п р., 9.

Ведь должен же я итти вперед! должен победить! — Неужели все эти гордые начинания, эти планы, эта работа, этот непрерывный труд многих лет — обратятся в ничто. Юность моя — юность гения. Я жил и поступал так, что оправдывать мое поведение могут только великие деяния. Они должны

быть или я буду смешон. Заложить фундамент для храма и построить заурядную гостиницу. Я должен идти вперед, я принял на себя это обязательство.

А п р., 10.

Исполнение „Потонувшего колокола“ Обществом Искусства и Литературы. — Пышно, красиво, но за эффектами внешности исчезает творчество актера. Впрочем, я желал бы, чтобы мои „Пять драм“ исполнялись именно так.

А п р., 15.

Ялта. В окно видно море; налево Массандра. Море шумит под окном, пенится, набегает на влажные камни... Даль — вся серебряная; там кораблики — застывшие, неподвижные. Полусерое небо.

Буду учиться любить природу, и небо, и зеленое море, и берег с неподвижными кипарисами. Я пришел не проклинать, а любить. Неужели мне не станут близкими белые чайки, влажные камни, безобразные дельфины в волнах!

Море шумит под окном, набегает, пенится...

А п р., 19.

Ялта. Пять дней жизни с природой. Море, то ясное, тихое, с дельфинами, с чайками, то опенившееся, бурное, при зыбком ветре, который бросает его о прибрежные камни; водопады, до падения разбившиеся в брызги, повисшие летучей белой пылью над пропастью, и потоки, среди которых так хорошо сидеть на выдающихся уступах под рев воды, и внизу и выше заглушающий голос; везде стена гор, полукругом обошедшая Ялту, с линиями снегов по верхним долинам, с черными соснами ниже и покрытая причудливыми домиками по первым склонам... Хорошо! А парки с магнолиями, олеандрами, миртами, лаврами, — миндальные и оливковые рощи, — аллеи из кипарисов, разноцветная зелень, мрамор колонн, увитых плющом... Сказочная страна! Таврида! Веришь преданиям, веришь картинам, веришь, что все это действительность, что есть прелесть в природе.

А п р., 22.

Алупка. Делаю все, что подобает туристу и любителю полуденных красот: слушаю море, карабкаюсь на скалы, осматриваю разные развалины. Не я буду виноват, если и теперь не сумею „полюбить“ природу.

Написал „Картины Крыма“, четыре стихотворения, приготовленные со всей возможной благопристойностью.

А п р., 23.

Вчера лазили на Ай-Петри. Отец оставался у подножия, а мы с Эдой попытались подняться выше.

Пришлось карабкаться чуть-чуть не по отвесной скале, цепляясь за клочки травы, за колючие кустарники, за шатающиеся камни; иногда совсем ползли по гладкому каменному наклону. Так мы добрались до второй площадки, которую со всех сторон обступили отвесные скалы. Дальше пути не было...

Странное впечатление производит море в полнолуние. Волны как-то мечутся, бьются, словно борются с таинственной властью. Образуются неожиданные водовороты, море извилами набегаёт, разбивается, отбегает. Волны вздымаются высоко, высоко и потом идут назад. А лунный свет дробится в волнах, вьётся то, как толстые змеи, то как маленькие гнутые проволоки. Луна смотрит с безоблачного неба, белая, властная. В парке есть скамейка с надписью:

Прощай, уютная скамейка,
Прощай, быть может, навсегда,
Но этот уголок прелестный
Я не забуду никогда.

Кругом довольно обычные деревья, небольшие скалы, ручеек далеко, — ничего замечательного. Как характерно, что нашёлся какой-то пришелец с севера, который предпочёл этот уголок, напоминающий уголки подмосковных садов, — всем пышным видам на море, на нагроможденные утёсы, на шумные каскады.

А п р., 28.

За окном безлунная черная ночь; дождь льёт ливнем, сидим в комнатах. Никакого ощущения, что мы на юге, словно где-нибудь на даче под Москвой.

Бродили сегодня по парку, смотрели на волны, взметающие брызгами, на точёные очертания Ай-Петри... Все это хорошо, но и мертво очень. Море ещё как будто живое, но это обман, подделка под жизнь.

Видели березку, нашу северную березку. Как приветлива её белая кора среди красных голых арбутусов и разноцветных стволов других здешних деревьев. Хорошо теперь и на Севере, среди берёзок и осин, „как будто пухом зеленеющих“, на берегу лощины, где белеет последний снежок, около которого уже распустился голубенький, чистый подснежник.

Чу! запел муэдзин. Голос его так звонко разносится в тишине ночи. Все-таки это Крым.

М а й, 1.

Сегодня почти весь день мы провели на камне, близ моря. Вода прозрачная, видны камни на дне, стаи рыбок и медузы, много медуз. Почти не веришь, что эти студенистые полупрозрачные существа — живые; но они сжимаются и раскры-

вают свой зонтик, плавают и опускаются. Нам было видно, как они боролись между собой или ласкали одна другую. Дальше были дельфины, затем паруса, пароходы, а у берега плескались и шумели татарские ребятишки. Солнце было ясное, ясное, воздух пьян благоуханиями, а сзади закрывали даль ушедшие в небо точеные грани Ай-Петри.

М а й, 2.

Листья мирта, когда распускаются, бывают мягкие, шелковистые; потом они твердеют, становятся жесткими, колкими. Словно аллегория.

М а й, 7.

Сегодня во сне я видел какую-то поэтессу, которой клялся в любви; потом она читала мне свои стихи о детях, я стихи забыл, но вот первая строфа:

Когда я детей не люблю,
„Уходите“ — твержу тогда им я,
„Вот вам алмазы к мечтам
„Вот вам лазурные крылья“.

М а й, 8.

„Блажен, кто смолоду был молод“.

Мне многое говорит этот почти опошленный пушкинский стих. Я не был молод смолоду, я испытывал все мучения раздвоения. С ранней юности я не смел отдаваться чувствам. Я многим говорил о любви, но долго не смел любить. Два года тому назад, проезжая по Крыму, я не решался без дум наслаждаться природой. Я был рабом предвзятых мнений и поставленных себе целей... О, много нужно было борьбы, чтобы понять ничтожество всех учений и целей, всех почему и зачем, — и мнимой науки и мнимой поэзии! Много нужно было борьбы, чтобы понять, что выше всего душа своя. И вот, побеждая все то, что целые годы держало меня в тисках, я достигаю и простоты и искренности, я отдаюсь чувству, я молод...

Бесконечны пути совершенства,
О, храни каждый миг бытия..

Буду следовать этому Новому Завету.

М а й, 19.

Недавно мы ходили на Яйлы, проблуждали 14 часов и вернулись чуть живыми от усталости; сегодня подымались на Ай-Петри, смотрели бесконечную даль моря, берег с его соснами, кипарисами, фиговыми деревьями, — орлов парящих „со мной наравне“; еще как-то раз ездили мы на парусной лодке в Кикинеиз к севшему на мель греческому пароходу, а раньше из Эреклика видели из себя под ногами облака...

Но уже утомились глаза и воображение. Уже душа не трепещет, хочется от наслаждения природой вернуться назад, к моим раздумьям и моим творческим фантазиям. Любить природу можно, это я понял. Но понимаю и то, что можно любить бульварные романы. (Рокамболь, „Quatre-vingt treize“ Гюго, Жюль Верна); я сам их люблю и еще года два назад плакал (совсем плакал), перечитывая „Монте-Кристо“. Есть радость в раздумьи и просветлении, но есть она и в минутах „пошлого“ сладострастия, когда:

И стонем мы, и корчимся от счастья...

Герой „Vierges aux Rochers“ после тихого и изысканного счастья в замке на скалах нашел бы новые и новые радости в любви, продающейся публично, или на свидании с простенькой девченкой из буржуазной семьи... Так можно любить и природу, и есть дни, когда ее любишь. Они пройдут, конечно, и уже прошли, и уже мне не нужны больше ни волны, разбившие лунный луч, ни пения муэдзина на рассвете, — но этот месяц в Крыму я не жалею, не жалею, хоть я и писал здесь романтические стихи.

М а й, 25.

Доживаем последнюю неделю на Юге. Ясно сознаю, время назад, к занятиям, к „раздумьям“. Ничегонеделание и постоянное „любование“ картинами природы утомило совсем. Еще смотришь, еще говоришь „как хорошо“ и ищешь удачных эпитетов и сравнений, но душа остается спокойной. Впрочем, верю, что и эти впечатления залегают в душу. Пусть они будут семенами, которые еще развернутся в душистые цветы!

И ю н ь, 9.

Мы слишком скоро покинули юг, слишком рано... Как всегда, только покинувши, мы сознаем утрату. И как горько, и как обидно. Зачем я здесь в пошлой обстановке московской жизни, а не там, где все же есть и „немолчно шумящее“ море и „сверстники былого“ — скалы.

Уезжая, я писал Облеухову (А. Д.), что буду в Ялте. Мне не думалось, что он приедет ради свидания со мной из Алушты. Но он приехал. А судьбе надо было сделать так, что он опоздал на час, и мы уже были на пароходе, плывущем в Феодосию. Будь я — прежний, я вернулся бы с парохода, но теперь пришлось пожалеть заплаченные за билет деньги... и... И все было и некрасиво и горько.

А главное Феодосия — отвратительный город, где мы протомились несколько часов и бежали (а был план прожить несколько дней, быть может, полмесяца). Бежали и покинули море, и горы, и все... Теперь я в Москве. Играю в вист и

банк, жду, когда можно будет взяться за книги и понимаю, всей душой понимаю, тоску южанина, жителя морского побережья, закинутого на север.

Июнь, 12.

Москва. Феодосию можно бы назвать городом Айвазовского. Там есть „бульвар Айвазовский“, „фонтан Айвазовского“, картинная галерея Айвазовского с десятком плохоньких картин с громкими подписями (изображены два парусных корабля, подписано: адм. Нахимов плывет туда-то, тогда-то) и, наконец, музей с крестом, устроенный и построенный на средства Айвазовского, а в музее пять—шесть каменных плит с мало интересными надписями, и стоит музей закрытым круглый год. Еще есть на бульваре памятник жене Айвазовского с надписью „доброму гению народа“ и отгорожено место для будущего памятника самому великому человеку Феодосии.

Июнь, 14.

Останкино. Живем в Останкине. Сняли комнату у какой-то генеральши Мальевской. Скромничаем и говорим шопотом, чтобы не тревожить хозяев. Развертываю свою тетрадь и начинаю заниматься.

Получил „свидетельство о зачете 8 семестров“ и рад. Мои последние письменные работы были исполнены так плохо, так ремесленно, что поистине я заслуживал „незачета“.

Июнь, 30.

Мирная жизнь.

Утром занятия, после купанья и обеда отдых, алгебра с женой, иногда прогулка за ягодами и, наконец, вечером чай всей семьей. А! я уже давно изведаль эту мирную жизнь. Иной раз так и хочется закричать: „да убирайтесь вы все к черту!“ Но сдержим себя, мой друг. Хочу кончить статью о искусстве, а там посмотрим. Читаю мало, стихов почти не пишу.

Две недели вегетарьянствовал.

Был два раза у Самыгина. Единственный человек, столкновение с которым оживляет мне душу. Получил отчаянное письмо от Бальмонта.

„Друг мой! какая тьма вокруг, ступаю по раскаленным ступеням“... Не знаю, найду ли я слова ему ответить.

Мой голос теряет оттенки,
Оттенки мечтательных слов.

И потом Крым. О! я создан, чтобы жить на Юге. Там я у себя на родине, на Севере я в изгнании. Душа еще томится и нескоро будет спокойной.

О горе, кто вступил в страну своей мечты,
И видел пальмы там, внимал, как плещет море.
О. если он ушел из царства красоты,
Вернулся в эту жизнь, в земную жизнь... о горе!

Июль, 11.

Был у Облеухова в Петровском-Разумовском. Слушал злобные рассказы о „Моск. Ведомост.“, о взятках, которые будто бы берет Медведский, о глупости Грингмута и т. д. Потом слушал бесконечные повествования о их журнале „Знамя“. Н. Д. официально „приглашал“ меня участвовать. Я изъявил согласие. „Что ж, такого сотрудника на полу не подыметь“, сказал он, или что-то в этом роде. Потом говорил о христианских святых и угодниках.

Июль, 13.

Вчера приехал Курсинский, на два дня из лагерей. Время с ним тянулось вяло. В два часа не скажешь, что пережил за три месяца. Да и он все дальше затягивается в солдатскую жизнь. Почти жалею, что читал ему свои стихи. Он их не понял.

Июль, 14.

Измучил себя своими переделками статьи о искусстве. Теперь переживаю время горького бессилия. „Все могу уловить, все могу я понять“, какие далекие строки!

Утомленная мысль с первых шагов попадает в лабиринт, все по старым путям, и бьется, и падает. Мечты и рифмы мучительно однообразны. Из всех поэтов теперь предпочитаю Лермонтова с его детскими словами (ведь это он просил, чтобы ему дали „черноокою девицу“). И вот я твержу:

Как надменно сброшу я
Образованности цепи
И вериги бытия!

Я устал, устал ото всех отношений, все люди меня утомили и все желания. Уйти куда-либо в пустыню, где стонут тигры в глубоких долинах, или уснуть „последним сном“. Это последнее совсем искренно, совсем...

Я бы умер с тайной радостью
В час, когда взойдет луна,
Я б упился странной сладостью
В роковом дыханьи сна...

Июль, 17.

Письмо от А. Добролюбова... О, сколько странных и безумных, и невероятных воспоминаний.словно дикий сон, внезапно пришедший на память, впервые узнанный, хотя видел его давно...

Александр Добролюбов! я когда-то любил его. — Что же найду я сказать ему, я, теперешний? Бальмонт и Добролюбов были для меня в прошлом два идеала. Я изменился с тех пор, я иной, да! Но перед ними я не смею быть иным и уже не умею быть прежним. И я перед ними бессилён. А в душе возникает вопрос, что если „я“ тот, прежний, был лучше, выше. О горе!

Июль, 27.

Был у Самыгина. Есть в нём что-то, почему я люблю его меньше. Он рассказывал мне:

— „Помните мое письмо к вам? Я писал „Иду один и никого нет со мной“. Я шел дерзновенно. Душа моя скорбела о госпде. Этот путь кончился моим полным поражением. Я раздавлен. Я смирился. Я хочу в многом быть как все. Вот почему я переделываю свои произведения на новый лад. Вот почему я и восхищаюсь тем Лапшиным, пророком пошлости и мелочи. Лапшин сказал мне однажды на представлении „Уриэль-Акоста“: „Знаете, что я — Ахер, я иной.“ Да, он иной, он учит человека его ничтожеству и презренству, а я его ученик“. И я люблю его меньше, а он был недавно моим лучшим другом.

Июль, 28.

Добролюбов у меня.

Я хочу подробно записать те два дня, которые мы провели здесь, в Останкине, с Добролюбовым.

Приехав от Самыгина в Москву, мы узнали, что заходил Добролюбов, что он будет в Останкине. Мы поспешили туда.

Скоро подъехал на извозчике он. Больная нога мешала ему притти сюда пешком. Он был в крестьянском платье, в сермяге, красной рубахе, в больших сапогах, с котомкой за плечами, с дубинкой в руках. Лицом он изменился очень. Я помнил его лицо совсем хорошо. То были (прежде) детские черты, бледное, бледное лицо — и горящие черные глаза, иногда смотрящие как-то в сторону, словно в иное. Теперь его черты огрубели; вокруг лица пролегла бородка, стало в его лице что-то русское; глаза стали задумчивее, увереннее, хотя, помню, именно в них сохранилось и прошлое; прежними остались и густые черные волосы, на которые теперь падал иногда багровый отблеск от рубашки.

А как изменились все его привычки и способы! Когда-то он был, как из иного мира, неумелый, безмерно самоуверенный, потому что безмерно застенчивый... Теперь он стал прост, теперь он умел говорить со всеми. Теперь он умел сказать что-нибудь и моему братишке, и сестрам, и даже маме.

И все невольно радостно улыбались на его слова. Даже животные шли к нему доверчиво, ласкались.

Он шел из Пудож. Последней зимой он уехал в Олонецкую губернию. „Прежде всего, чтобы порвать со всем прежним“, как говорил он сам. Там он жил всю зиму, ходил в Финляндию, ходил по льду Онежского озера, ходил на охоту на медведя. Живя там, он пользовался случаем и собирал народные песни, сказки, заговоры, причитания. Он знал их наизусть много-много, совсем неизвестных, никем не записанных. Кое-что у него было и записано, напр., как он называл: „русский Боккачо“ — рассказы о попах. Попалась ему еще старинная рукопись „разговор о душе“. Собирал он „указы“ Козакова, которые тот читал на свадьбах, — это народный сатирик.

Добролюбов с первого же часа нашей встречи, когда мы еще не нашли разговора и беседовали сбивчиво, — сказал мне, что он „уверовал“, что он стал иным, и что прошлое тяготит его, что он его осуждает страшно. Но я расскажу, что я знаю о жизни его.

По его рассказам, он в отрочестве был страшно застенчив. Лет 12 он не решался смотреть на женщин. Сидя за одним столом с гувернантками, он закрывался рукой. Но уже в те дни он посвятил себя искусству и хотел достичь всего. Однажды его поразило, что он плохо замечает, что, напр., поговорив с человеком, не помнит цвета его глаз и т. д. Тогда он начал учиться; он ходил к окну магазина и, вернувшись, записывал все, что видел до подробностей; он записывал так разговор в конке, вид из окна, — и этих опытов набралось у него много сотен листов. Первые вещи он писал часто по-французски. Его учительница начала с ним проходить французскую литературу XII века. Он подражал еще тем образцам. Но всегда застенчивый, он никому не решался прочесть этих стихов.

По его рассказам, сильнейшее влияние произвел на него Владимир Гиппиус. Видимо, они сошлись еще мальчиками. Влад. Гиппиус победил его застенчивость, заставил его читать стихи. Добролюбов, под влиянием некоторой горечи, рисовал Вл. Гиппиуса как бы своими злым гением. „Он подсказывал мне — говорил он — все дурное. Я читал поэтов, например вас, хотел радоваться достоинствам, а Гиппиус спешил указывать мне на недостатки. Часто он изменял мое хорошее мнение о ком-нибудь на дурное“...

Добролюбов под влиянием Гиппиуса стал тем, каким я его знал, стал символистом Добролюбовым. Но его отличительная черта — во всем он идет до конца. И он пошел здесь до

конца. Несомненно он талантливейший и оригинальнейший из нас, из числа новых поэтов. Но вместе с тем и в убеждениях он дошел до конца. Бессмысленно назвать его матерьялистом. Совсем не то. Но он признавал только этот трехмерный мир, не верил в иную жизнь, не различал добра от зла, а только образ от пошлой думы, творчество художника от мыслей. Он и жил, как художник, поклоняясь художеству, как святыне. Например, он говорил тогда, что в будущем науки не будет. Люди придут к морю и сложат песню о море; придут к горам, сложат песню о горах. Вот вместо науки, будет очень подробная песнь... И вместе с этим поклонением художеству, он сказал себе, если есть только эта жизнь, то нет ничего запрещенного и он позволял себе все. „Я никому не перескажу, — говорил он мне — некоторых своих грехов, ибо боюсь, что такое покаяние введет в соблазн. И я уверен, что иного вы и представить не можете, не можете помыслить“.

Книжка, напечатанная им, содержит вещи совсем детские. После он написал мысли, более великие. В тот год, как я был на Кавказе, он хотел их печатать. Рукопись была сдана в типографию и уже набиралась. Но тогда в нем уже наступал разлад. Он долго боролся. Наконец, порешил, что печатать не для кого, слишком для немногих... Он отказался от печатания и уехал из Петербурга.

Тут случилось нечто очень горькое. В типографии затеряли все его рукописи. Погибло множество стихов, и отрывков в прозе, и рассуждений. Напрасно он требовал, ничего не могли сыскать. В горечи и негодовании он сжег все, что оставалось или случайно уцелело. Потом скоро он вернулся к творчеству, но восстанавливать старого не хотел, а писал много нового с удвоенной силой... Опять было много написано стихов и отрывков.

Но разлад был глубоко в душе. Он старался его не замечать. Самые мучительные настроения рассказывал он так, будто разлада нет. Но при этом он отдалялся и от книг и от прежних знакомых; с некоторыми ссорился несколько раз, так с Гиппиусом. И потом вдруг настал переворот. Сначала он уверовал в иной мир, как в временный тоже; и эта вера длилась некоторое время. Потом он понял все, как бы сразу. Первые, самые первые дни и после перелома он писал. Но после замолк, перестал, потому что сердце было занято не этим.

Не сумею точно сказать, где произошел этот переворот, в Петербурге или уже в Олонецкой губ. Но и теперь, уверовав, он не остановился, а пошел до конца. Его решение твердо. Он раздает все имущество, разделив его между дру-

зьями и недругами. Потом уйдет на год в монастырь, думает в Соловецкий. После удалится на несколько лет в полное одиночество, а после, может быть, будет учить, может быть, просто все напишет, чтобы узнали после его смерти.

Как можно не понимать себя! говорил он — еще за несколько месяцев до переворота я вступил в особый государственный заговор... Их цель была преобразовать Россию на народный лад, даже и в мелочах, как в одежде, но и в существенном — так вернуть народу его песни, которые тот забывает. Но теперь он понял, что это неважно все.

Это свое путешествие, из Пудож в Москву, он сделал, чтобы видеть и чтобы думать. Он больше молчал. Он шел лесами, где его мучили мошки, где могли попадаться и медведи: и он пел и слагал песни, чтоб медведь не приблизился. Крестьяне принимали его радушно. Просили его прочесть заговор или перекрестить скот. Под Белоозером он расхворался ногой и у него была лихорадка; он лежал у сельского учителя. Дальше пришлось ехать.

Я не хочу излагать здесь учения Добролюбова. Он это сумеет сделать лучше меня. А если не сделает, то не надо. Но и в учении своем он сумел быть столь же оригинальным, как во всем. Он не покорился, как мы,

О, первенец, творения, о мой старший брат!

Добролюбов прожил у нас два дня, две ночи. Сначала мы говорили очень много. Потом все было сказано. Спорить было бесполезно, ибо он все обдумал. Мы просиживали молча долгие минуты, но он не тяготился этим. Иногда говорили... Я скажу. Он помолчит и ответит. И по многом молчании я отвечу снова.

Эда и сестра моя Надя были совсем зачарованы... Они смотрели на него, как на пророка, готовы были поклоняться. Мама подсмеивалась; к тому же он вегетарианец. Но как он сумел переделать себя! он, прежний! Как приветливо он говорил теперь со всеми! Как кланялся в пояс после обеда и благодарил „хозяйку“.

Мы говорили о поэзии. Я читал ему свои стихи. И здесь он переменялся. Не стало прежних резких убивающих осуждений. Он стал указывать на то, что хорошо, и только. Вообще он очень следит за собой. Так, я спросил его:

— Помните, вы говорили мне об архитектуре. Что в наши дни она невозможна. Но что вы нашли для нее новое. Вы тогда утаили от меня что-то, не скажете ли теперь?

Он сначала замялся, не хотел говорить. Я уже попробовал перевести разговор; но он сказал, наконец, с открытой улыбкой.

— Позвольте не говорить, у меня есть что сказать о зодчестве, но так как этой тайны никто не знает... То, если можно, позвольте умолчать.

По поводу слова „зодчество“. Как в стихах, так и в разговоре, он говорил только русским языком, русскими словами, зная множество областных выражений, умело пользуясь ими. Например, мелодию он называл прогласица.

Добролюбов тоже читал мне стихи. Сперва Квашнина-Самарина. Это поэт очень оригинальный. Замечательная простота его склада речи и вместе с тем новизна, какую приобретают в его устах все эти старые, знакомые слова, выражения и созвучия... А язык при этом странно звучный, как серебряные трубы... Добролюбов шел именно к этому своему последнему другу в Севастополь. Но, оказалось, что он совершал плавание: он мичман. И Добролюбов решил провести несколько дней в Москве.

Потом он читал мне народные песни. Он умел выбирать такие и читал так хорошо, что они совсем пленяли. Жаль, что не запомнил одной, про коней...

Под ним как змеи извивались...

Наконец, он читал и свои стихи. Он предупреждал, что это прошлое, что это уже не интересует его. Но я заметил все же, что художника в душе своей он не мог одолеть окончательно. Что еще жив прежний Добролюбов, именно при чтении стихов...

Добролюбов говорил мне: „Прошлое было не лишним. Я должен был узнать всю меру греха. Не лишним было и мое занятие стихами. Может, то было затем, чтобы я сложил потом два или три мотива“.

Июль, 31.

Встреча с Добролюбовым повеяла на меня новым, оживила, воскресила душу. О, тяжело моей душе быть, если не одинокой, то не знать высших, а лучшие из друзей, как Самыгин, влекут ее долу. Теперь речи Добролюбова вдруг раздули слабо мерцавшие огни. Перечитывал сегодня свою книгу о искусстве, и все бессилие ее мне открылось. За работу, опять сначала!

Р. С. Еще припомнил стихотворение Добролюбова. В одном его рассказе мелькают два брата. Старший, поэт, пишет пышно-царственное стихотворение о ужасе сна, близнеце смерти; младший неумелыми детскими словами пересказывают это так:

Если мы теперь уснем,
То нас обманут и мы все помрем.

Позовите сторожей
И поставьте у дверей!

Август, 4.

Вчера Добролюбов уехал. Виделся с ним еще три раза. Две встречи в Москве ослабили впечатление. Он говорил о себе прошлом, рассказывал неинтересные и даже непривлекательные случаи своей жизни, рассказывал как бы с удовольствием. Часто затем возвращался к словам, что он Антихрист и приводил пророчества в подтверждение. Написал против своего обета („в минуту смущения“, по его выражению) прозаическое стихотворение о истине, которое мне не понравилось.

Но вчера, когда Добролюбов опять пришел к нам, в Останкино, чтобы проститься, он опять был хорош. И в прошлом своем он нашел интересное. Он рассказывал о своей теории наследственности. Воли умерших предков — думалось ему прежде — остаются для нас внешними, мы их знаем, как природу. Самые древние воли — скалы, камни, из более близких тысячелетий дошли до нас воли, как растения, еще ближе, как животные. И тело наше тоже — воля прежних. Наши воли, воля теперешнего человечества тоже останется и будет потомкам видаться в том виде, как мы теперь понимаем природу. Если мнение о природе, как представлении, охватит всех, быть может, мы этой новой волей победим старую и природы не станет. Добролюбов как-то выводит из этой теории свои прежние дворянско-консервативные убеждения. Но что лучше, он написал, исходя из этих мыслей, несколько прекрасных стихотворений.

Проскользнули в разговоре и намеки на настоящего Добролюбова, проговорился, что „бежал из дома“. Упомянул, что мать прислала ему денег. Читал он письма к нему (от Эрлиха) и свои. Одной девушке он пишет: „Когда вы будете достойны, я приду и скажу вам истину, ради которой стоит жить“. Прощался он с ней, как со „своей невестой во Христе“. Письмо к матери написано нежно, он говорит ей: „верьте своей старой верой, и я убежден, что вы найдете свободу“.

Мы ходили до полночи по улицам. „Что вам пожелать?“ спросил я, когда мы расставались. — Пожелайте, чтобы я остался жив и только. — Верю, что вы не умрете, — возразил я, — этого быть не может. — До свидания, я вас не забуду.

Он уехал, и стало как-то одиноко и тоскливо. И вспомнил я вдруг, что совсем забыл о своей сестре Наде. То-есть, я видел ее взор, моливший позволения идти с нами, но как-то не воспринял его, так смотрел и не увидал, а теперь вспомнил. Может быть, она плакала. И стало мне совсем тоскливо...

А в г., 13.

Я кончил мою книгу о искусстве, вот она лежит передо мной. Благословенна воскресающая гордость творца! Велико таинство слов и их могуществ. Одни почти как серебряные грубы в поле, другие созданы залетными ангелами, иные сама неподвижность и смерть. Счастлив, кто знает заклинания! По знаку его собираются беспорядочно стройные воинства. О, торжество завоевателей, идущих с развернутыми знаменами! Слышны крики воинов, пение труб...

Благословенна воскресающая гордость вождя

А в г., 15.

Заняться с осени книгами:

1. Очерк всеобщей истории.
2. О запретных науках (магия).
3. Поучения (о письмах М. П.).
4. Учебник стихотворства (поэзия).
5. История русской лирики т. I., вып. I. (XVIII в.).

А в г., 16.

Шутка.

Горе тебе, словесность русская и стихотворство, за то что восприняли имена иноязычные — литература и поэзия!

Горе вам, Минский и Мережковский и прочие старшие, ибо на великое вы посягали и нечего не совершили.

И ты, о Бальмонт, до неба вознесшийся, до ада низвергнешься.

Отринута ты, Зинаида Прекрасная! ты пошла и убоялась и вспять обратилась.

Также и Мирра Александровна, сотворила бо себе кумира и поклонилась ему земле низу.

Горе вам всем, великие и маленькие, сильные и подражающие, вы все так и сяк новому причастные.

Антоша, оды сочиняющий, единый из Владимиров от себя отрекшийся, Федор остановившийся, и многие иные немощствующие.

Сказываю вам, что стихослагателю Федорову или даже Ап. Коринфскому отраднее будет в день суда, нежели вам.

Ибо если б им явлено было откровенное вам, они бы давно, сидя во вретисе, каялись.

Вам же дано было и не приiali, имели уши для слышания и не слушали.

А в г., 17.

Вчера все ушли в Москву на иллюминацию, по поводу открытия памятника Александру II. Мы беседовали с нашей старушкой, генеральшей Мальевской. Рассказывала она, как

с мужем была в Польше в год восстания 1863 г. Вспоминались ей больше анекдоты. Так, вышел приказ, чтобы по вечерам все ходили с фонарями; кто был без — того вели на съезжую. В Варшаве все польки оделись в траур; если попадалась русская в ярком платье, юноши тащили ее в ближайший магазин и на свой счет навешивали ей *pleureuses*. Муж нашей старушки участвовал в летучем отряде гр. Витгенштейна; сама она ехала с графом в одной коляске и переводила его команды, ибо граф по-русски не знал и объяснялся по-французски. Старушка очень умилилась, вспоминая, как граф советовал ей на случай появления врагов:

— *Restez en calèche et faites vous toute petite.*

Авг., 20.

Простудился и болен. Отдаюсь набевшему бреду — одной из любимейших нег. О, пустынные улицы! Мир созвучных шагов. Слежу очертания бесстрастных теней и слушаю, слушаю говор — как пенье. Дали мягкого света; истома напева без резких звуков. Все глубже и глубже по твердым плитам, как в знакомые волны, на дно. Отдохнуть на змеях перепутанных стеблей, где стекло и зыбь, и близость пространства. Не надо иной страны, раздумий или тайны! Далекое и не нужны призраки недавних мучений. О, пустынные образы, мир созвучных слов! Отдаюсь набевшему бреду — одной из любимейших нег.

Авг., 23.

Вчера был Ланг и говорил вещи совершенно неожиданные. „Бить меня мало“, говорит, „за то, что я женился“... Рассказывал Ланг еще о своем победном „деле“ (он — свидетель) с Липскеровым.

Авг., 29.

Мы в городе. Вернулись сладостные блуждания по узким улицам, у стен недвижных домов, среди ночи оживающих скверов... Брожу и слагаю стихи и вспоминаю Бальмонта, который только что издал свою „Тишину“. Это все что-то бывшее, что-то близкое, но что воскреснуть может лишь на миг.

Сентябрь, начало.

Жизнь в мире мысли: история и философия... Размеренная жизнь.

Сент., 12.

Снова и неожиданно был Добролюбов. Мы втроем (я, Эда, Надя) читали о Декарте; звонок, он пришел совсем иным, чем был прежде. Я пытался заговорить с ним, но он отвечал

односложно. Часто наступало молчание. Вдруг со словами „Я помолюсь за вас“ он вставал и падал ниц. Мы были в волнении. Эда совсем бледнела. Я спросил у него: „Кому вы молитесь?“, он отвечал — „Всем чистым духам, земным и небесным“ и вам „ангелам“ — и он положил еще четыре земных поклона, нам троем и нашему браку. Эда дрожала и один миг почти упала в обморок. Последние мгновения вечера мы были совсем вне себя. Со словами: „Если не поцелую ноги вашей, не будете со мной в раю“, он поцеловал нам ноги...

Ночевал он у нас. Потом был у нас утром, уходил и, вернувшись, провел время часов до 6-ти... С большими промежутками произносил он предложения: — „Молюсь за вас утром и вечером, вы всегда со мной“. — „О, не заставляйте меня слишком долго жить в изгнании!“. — „На небесах уже все кончено, теперь пусть поймут люди“. — „Вы говорили, что боитесь только одного — смерти моей, но как же вы ужаснетесь, узнав смерть моего духа“...

Прощаясь, я ему сказал: „Воистину вы тяжелы нам. Как некогда Симон, я скажу вам: выйди от меня, ибо я человек грешный“. Он, видимо, был поражен и просил: „оставьте меня одного“. Когда мы опять вернулись, он сказал нам только о смерти своего духа. Мы же не сказали ничего, словно провожали его в могилу.

Он оставил нам связку своих бумаг.

Idem.

Был в „Русск. Арх.“, относил свою статью о Тютчеве. Видел там П. Бартенева, древнего старца, в креслах, а около костыли. Мило беседовали с ним о русском языке, а он все вспоминал Аксакова и Киреевского. Негодовал он, конечно, на современных писателей и их слог: „Иностранные слова оттого, что писатель заимствует мысль у иностранных писателей; кто ясно сознал свою мысль, тот выскажет ее по-русски“. Потом пришел его сын, понравился мне менее.

Сент., 16.

Был еще раз у Бартенева. Беседовали оживленно о трех Великих, пребывающих — о Пушкине, Тютчеве, Баратынском. Но Пушкин из них больший.

Получил корректурные листы моей статьи, по обычаю печатень со смешными ошибками:

„Еще гремит твоих побед (о Наполеоне) — Отзывный гул в колеблющемся море“.

Вчера видел Фриче и Когана. Все те же. Коган горд своим сотрудничеством в „Курьере“, Фриче печален. Говс-

рили, как Облеухов приглашал в свой новый журнал „Знамя“ Гольцева и Ермилова.

Сент., 27.

Был в редакции „Знамени“. Поставлено два зеленых стола. В соседней комнате редактор, Николай Дмитриевич, сидит под красным балдахинном (собственно это занавеска двери, но так выходит). Везде „Знамя“, „Знамя“ и на воротах, и на дверях. Кажется мне, что сотрудников у них мало, ибо они очень просили меня не покинуть их. Обещал статью о Баратынском.

Вчера промелькнул образ Бальмонта. Он только-что приехал и был у меня больной, слабый. Читал стихи, но я еще жду иного.

Фриче уехал в Тверь читать лекцию „о немецкой женщине“. Слушали эту лекцию в помещении „Русской Мысли“, где мне весьма надоедал Ермилов. (В одной корректуре его фамилию набрали Ерликов — удачно!).

Октябрь, 4.

Дважды виделся с Бальмонтом.

Один раз это было у Курсинского. Курс. встретился с Бальмонтом накануне где-то за городом и пригласил завтракать. Читали стихи, много стихов, Шелли, Добролюбова, нас троих. Курсинский мешал нам. Когда я прочел „На новый колокол“, он воскликнул в негодовании: „Но если так, то, в конце концов, мы будем перелагать в стихи песни нищих“. О, Sancta simplicitas!

Другой раз я видел Бальмонта вчера. Сначала мы были вчетвером — с нашими женами. Но после я пошел его „проводить“ (часа на два) — и то вернулись прошлые дни. Странно. Голос Бальмонта скорее, чем что иное, возвращает мне прошлое, — меня времен „Me eum esse“ и раньше — времен „И снова“ или „Снегов“. А в прошлом всегда есть обаяние и потому-то, быть может, я люблю быть с Бальмонтом. И снова мы бродили по ночным улицам, при черном небе, при жестоком холоде ранней зимы, и снова мы сидели в освещенной зале ресторана, и то было „как прежде, как тогда“, только субботный орган молчал. Мы говорили друг другу наши лучшие мысли этих последних лет, и временами становилось страшно от этих безумных созданий воображения, дошедшего до своего предела. „Двойственность человеческого тела“, „призрачность расстояний до звезд“, „тени, пришедшие с луны“ — о, какими бессильными стало это все словами, и как полно было оно значения вчера, ночью!

Окт., 6.

В Русском Архиве (№ 10) появилась моя статейка (Варианты Тютчева). Тому назад три года это было бы для мен..

большой радостью. В те дни я говорил о гордости своей, но вовсе не был горд и очень желал похвал современников. Ныне я не повторю своих дерзких выражений из „Предисловия“, ныне я все извиняюсь в своей статье... Но это потому только, что сознание своего значения ношу я в душе своей. И такая мелочь, как моя статейка, не заставила даже сильнее биться мое сердце.

Бартенев послал мне корректурные листы своего нового издания Тютчева. Покрываю их помарками.

О к т., 8.

Бальмонт уехал. Грустно. Более грустно, чем я думал. Все же горько не иметь никого, кто мог бы выслушать стихи, и к чьим словам и мнениям можно прислушиваться. Трудно быть в одно время и творцом и судьей, и так целые годы...

Еще видел Бальмонта перед отъездом два раза. Однажды у меня, но нам мешал Курсинский, другой раз на вокзале, но это была жизнь минут и торопливость путешествия.

Тщетно умоляю цензоров поскорее рассмотреть мою статью. Она лежит в цензуре вот уже два месяца.

О к т., 17.

Сегодня у меня был П. Перцов, с которым когда-то я вел оживленную переписку. Говорили о „новостях“ за последние два года. Он издает сборник статей В. Розанова. Перцов все тот же — отражение Мережковского, человек, идущий туда, куда дойти у него нет сил.

Бартенев говорил, что Тютчевы моей статьей недовольны, особенно упоминанием о Ф. Ф. Тютчеве.

Едва вчера ушел Перцов, пришел Саводник, принес свою книгу стихов...

О к т., 18.

Я отдал в „Знамя“ „Ассаргадона“ („Сибиллу“ стало жаль). Пришлось читать свой сонет перед судьями в виде г.г. Облеуховых. Брр! неприятно. Впрочем, судьи мои восторгались, г-жа Пустошкина мило восклицала: „Ах, какой вы гений!“ Антон глубокомысленно сообщил: „да! как развился ваш талант“, а Ник. Дмитриевич останавливал их: „да не вертитесь, егозы!“

О к т., 26.

Получил, наконец, после двухмесячного ожидания свою статью из цензуры. Не вычеркнуто ничего. Перечитывал. Написано совсем хорошо, но сжато до последней степени;

часто совсем непонятно по краткости. Переделал только некоторые выражения в предисловии, чтобы стать скромнее.

Н о я б р ь, 8.

У Бартенева мне три раза отвечали „нет дома“, и сам он ко мне не идет... Тем хуже для него.

От Перцова получил ответ, где он злобно ругает мои стихи. И это в порядке вещей.

Н о я б р ь, 14.

12-го были на вечере в помещении „Русск. Мысли“. Читал Клементьев о Рёскине и плохо. После пели и декламировали, тоже плохо. Поздно пришел В. Гольцев. (О нем рассказывают, что недавно он едва не вступил в драку с Ив. Ив. Ивановым, превозгласившим тост за бога и царя).

Статья Клементьева будет в „Знамени“. Мы были недавно у Пустошкиной, и я долго беседовал с Маковским (кстати, мой школьный товарищ по Крейману). Он „секретарь редакции“ и страстный экономический матерьялист; Клементьев тоже; передовые статьи первого № составлены в том же духе. Не ожидал.

Н о я б р ь, 20.

Стоит великолепная погода, вроде той, которой Тютчев удивлялся в 54 г. (сравнение, потому что занят переводом его писем). Ноябрь, а 5—6° тепла, трава прорастает, на деревьях почки...

Книжка моя напечатана; есть колебания, пускать ли ее „в большую публику“, но, видно, надо: что написано пером... Собираемся в Петербург. Недавно был на собрании сотрудников „Знамени“. Герой — Клементьев. „Разве у меня мало статей в голове?“ — говорит он...

Н о я б р ь, 25.

Вчера принесли мне мою книгу. Внешностью издания я доволен. — Сегодня пошел снег. До вчерашнего дня стояла весенняя погода.

К о н е ц н о я б р я.

Приезжал Самыгин. Читал свои „Рассказы Сверчка“, говорит кое-что — без сильного впечатления. Лучше его газетные статьи (напечатана лишь одна в „Русск. Листке“ за подписью „Отец“) — это резко и сильно; но газетам страшно. Были с ним у Лапшина, этого философа жизни. При нас сей философ сдерживался и только изредка говорил свои изречения.

Д е к а б р ь, 3.

Вышел первый № „Знамени“ без моих стихов. Вышел сборник Тютчева с моими корректурными (и сознаюсь более) поправками.

Как-то недавно был у Бахмана. Думал ограничиться официальным визитом, но просидел до полночи. Был там и художник Дурнов. Мы трое очень оживленно беседовали. Бахман не молод, но увлекается, машет руками, готов читать стихи без усталости. Года три назад я был бы им обольщен.

Получил письмо от Добролюбова из Соловецкого монастыря. „Днем ужас некий владеет слабым телом“, пишет он.

Дек., 5.

Письмо от Бальмонта о моей книге. Восторженное. „Брат мой, сильный! Приветствую вашу замечательную книгу... Она полна мыслей, как горный воздух бурь... О таком я всегда мечтал о вас“... За исключением этого письма друзья говорят о моей книге довольно таки вяло.

Дек., 8.

Петербург. Дважды и даже трижды видел Бальмонта. Рассматривали рисунки Гойи и читали Кальдерона. Курсинский, который поехал с нами, посещает редакции и издателей. Еще были в Эрмитаже. Завтра у Бальмонта предполагается собрание поэтов, позванных „на меня“.

Дек., 9.

Вечером восьмого были в концерте, где Бальмонт читал стихи. Сочетание бальмонтовских стихов и публики, конечно, мучительно. После мы трое — я, Бальмонт и Курсинский, пошли выпить вина к Палкину.

...Втроем пошли мы к Мережковскому, который болен. Сначала Зинаида Гиппиус угощала нас чаем в темной и грязной столовой. Любезной она быть не старалась и понемногу начинала говорить мне дерзости. Я ей отплатил тем же и знаю, что два-три удара были меткими. Так, она бранила Добролюбова. Я с самым простодушным видом сказал ей: „А знаете, мне казалось, что в своих стихах вы подражаете ему“.

Потом нас допустили на четверть часа к Мережковскому. Он лежал раздетым на постели. Сразу начал он говорить о моей книге и бранить ее резко.

— Ее даже бранить не за что, в ней ничего нет. Я почти со всем в ней соглашаюсь, но без радости. Когда я читаю Ницше, я содрогаюсь до пяток, а здесь я даже не знаю, зачем читаю.

Зинаида хотела его остановить.

— Нет, оставь, Зиночка. Я говорю прямо, от сердца, а ты ведь хоть молчишь, зато, как змея жалишь, это хуже...

И, правда, он говорил от чистого сердца, бранил еще больше, чем меня, Толстого, катался по постели и кричал: Левиафан! Левиафан пошлости!

Вечером был у Бальмонта, где был Минский и Сологуб. Минский паукообразный человечек, с черной эспаньолкой и немного еврейским акцентом. Говорил он пошлости и пустяки... Впрочем, говорили и о стихах. Минский соглашался с моими словами о размере, но так ненужно соглашался. Я прочел „На новый колокол“, как пример; он хвалил; я с яростью должен был пригнуть голову, словно в благодарность, ибо что же было возражать. Бальмонт спросил, прочел ли он мою книгу. — Прочел. — А какое впечатление? — Я ожидал более революционной... — Наконец, он ушел.

Сологуб, как всегда, больше молчал, но потом, когда мы остались без Минского, немного ожил. Потом, возвращаясь с ним домой, мы беседовали. Он говорил о Добролюбове: „О, узнаю его! это все тот же змей, очаровывающий, но глубоко живой!“

Дек., 10.

Как-то раз был у Перцова с Курсинским. Потом Перцов был у нас.

Вечером был у В. Гиппиуса. Там был Я. Эрлих. Беседовали довольно вяло часов до 12. Гиппиус переменялся, но внешне; он говорит о простоте, смеется над мудрствованиями немецких философов, но в сущности он все тот же автор „Ворона“. Стихи его любопытны. Эрлих студент, хотя голова его лысеет, говорит о своей системе метафизики, где примирится Спиноза и Лейбниц, но говорит скромно. С ним мы сошлись на любви к Добролюбову. О моей книге разговоров почти не было.

Дек., 11.

На похоронах Полонского собрались все поэты. Им сказал Случевский: „Вот умер тот, у кого мы собирались по пятницам, будемте теперь собираться у меня“. Эти пятничные собрания у Случевского поэты называют своей академией. Был там и я 11-го вечером, пришел с Бальмонтом и Буниным, — согласно с обычаем, поднес хозяину свои книги стихов, сел и стал слушать... Было сравнительно не мало народа — из старших был дряхлый старец Михаловский и не особенно дряхлый Лихачев, был издатель „Недели“ — Гайдебуров, цензор и переводчик Канта, Соколов, позже пришел Ясинский; из молодых были здесь Апполон Коринфский, Сафонов, Мазуркевич, Грибовский... Мы трое декадентов — Бальмонт, Сологуб, и я, тоскливо укрылись в угол.

Прежде всего нам воскликнули: „Ах, какие дивные стихи прислал для сборника (в память Пушкина) Голенищев-Кутузов!“ Стали читать стихи о Кипарисе, и мы печально молчали... Потом нас забыли, кроме самого Случевского, который счел

себя обязанным сказать каждому несколько приветствий. Бальмонт, правда, разговорился с кем-то, Сологуб и привык молчать по целым вечерам, но мне оставалось, чтобы быть живым, выражать свои настроения складками губ и легкими жестами; выражал я томление, да иногда негодование — и, кажется, это заметили.

Когда все собрались, начали читать стихи. Мазуркевич читал то приветствие, которое написал он для вечера в память А. Толстого. — „Алексею Толстому же слава... Слава Алексею Толстому“... Бальмонт читал „Майю“, и ее не поняли совершенно, Гайдебуров пробормотал что-то о богатстве образов... Еще читал Бальмонт свои стихи к Случевскому; тот был польщен и „отклонял от себя честь“... Я прочел „На новый колокол“, а так как полагалось, что я декадент, то все и нашли, что это стихотворение архи-декадентское. Едва я кончил, Сафонов дико вскочил с места и закричал: „Господа! вот вопрос, что это искание новых путей или что иное?“

Тут все что-то заговорили. Я попытался было вставить два слова, но перекричать Сафонова не так-то легко. — „Я — говорит он — поэзии поклоняюсь! Я здесь не уступаю ни шагу!“ Я махнул рукой и замолчал. К тому же тут подползла ко мне некая фигура на двух ногах и заговорила.

— Я много читал о вас и слышал, очень рад познакомиться. У меня есть альбом, который украшен автографами многих замечательных лиц, не согласитесь ли и вы украсить его этим стихотворением.

Я согласился и украсил, а едва кончил, владелец альбома, оказавшийся немецким поэтом Фидлером, спросил меня:

— А есть ли с вами ваш портрет?

Моего портрета со мной не оказалось.

— Будьте любезны прислать мне с автографом, у меня портретная галерея замечательных лиц.

В конце концов, он вручил мне свою карточку, где написал: Friedrich Fiedler. 1) портрет, 2) книги со стихами. (Все с автографами)!

Вернувшись я в залу. Там еще читали стихи.

Гайдебуров убийственным голосом читал убийственные сонеты. Н. Соколов носовым голосом читал какие-то стансы о Клеопатре. После каждого чтения Случевский говорил — „Мило, очень мило“, кое-кто одобрительно мигал, и новый кандидат спешил прочесть свои стихи. Под конец читал сам Случевский, читал удивительно плохо, но стихи иной раз любопытные. Кроме него и того же самого Сафонова, стихи всех были ни на что ненужные (говорю о мне незнакомых).

После пришел Ясинский, красивый, могучий зверь, с красивой длинной, остроконечной бородой... Он сказал со мной

два-три слова о моей книге: „Смело, очень смело“... Оказалось, он тоже вегетарианец и на этой теме мы еще повертелись минуты две...

Потом начался ужин. Это уж было нечто совсем томительное. Старец Михаловский уселся близ Бальмонта, дрожащими от дряхлости руками резал огурцы и упрекал его за то, что он примкнул к декадентству. Молодые вели какой-то частный разговор, а старики заговорили о шуточной и юмористической поэзии. Сначала читали еще сносные вирши Курочкина и Минаева, потом дошли до самых грубых и глупых cri-cri из „Будильника“... И все на всё считали нужным смеяться... даже на „Поп-пугая“ Ясинского, написанного, по заявлению автора, с целью осмеять потуги на остроумие.

После ужина Сафонов еще пел что-то, но я уже торопил Бальмонта уходить...

И говорят, это еще лучший вечер, ибо не было Мережковского. А то он терроризирует все общество.

О! слова! Слово не может быть лживо, ибо оно свято. Нет низких слов!

Старики молчат, боясь, что он их забьет авторитетами и цитатами, ибо они не очень учены, старички-то; молодежь возражать не смеет и скучает; одна Зиночка Гиппиус торжествует¹⁾.

От Случевского вышли мы впятером — я, Бальмонт, Сафонов, Коринфский и Мазуркевич. Но Мазуркевич со своей глупо самодовольной физиономией, со своей бобровой шубой был так нестерпим, что поспешили мы от него отделаться. А вчетвером пошли в некий трактирчик (Немчинского, кажется), где пили пиво.

Сафонов сел против меня и спросил будто бы проницательным голосом.

— Скажите, Брюсов, шарлатан вы или искренны?

Я сказал что-то о странности вопроса.

— Э, нет! если бы я знал, что вы вилять будете, я бы и не спросил. Можете ответить прямо?

Пришлось улыбнуться и ответить прямо.

Потом читали стихи. Сафонов играл роль ментора и почти все одобрял, не всегда впрочем метко и не все понимая. Часто заговаривал он о себе.

— Я жил, как принц, и все бросил для поэзии.

— Ну, Сережа — возразил Коринфский — как принц-то ты не жил.

¹⁾ На первом собрании был и Фофанов, но своими остротами и шутками оказался он невозможным для общества петербургских дам, ибо бывают там и таковые.

— Как! а в № таком-то на Невском!.

Бедняк! на деле не он все бросил, а жена его бросила, которую он любил очень, и с тех пор он сбит с пути. Он и сам чувствует, что мог бы много больше.

Когда мы с Бальмонтом начинали хвалить его стихи, он резко кричал:

— Э! к черту! не надо говорить о моих стихах!

Расстались часа в три.

Дек., 12. Суббота.

Вечером занес книжку стихов Сафонова. Живет он на пятом этаже, в крохотной комнатке, все убранство которой кровать, комод и стол. Он немного стыдится этого, ибо часто говорит о своей комнате. Застал у него Медведского и некоего Мессароша, полустаричка. Они пили водку и пиво и говорили, много говорили. — У нас тут кабак, а тут и храм. Рыло у нас в навозе, но мы моемся. Мы поэзии поклоняемся.

И сейчас же после этого повествовали, как они обманывали издателей и редакторов, брали построчные деньги за ненаписанные стихи, писали стихи наскоро спьяну, побольше бы вышло. — Тут кабак, а тут и храм... Кажется, впрочем, для Сафонова действительно храм существует.

От Сафонова попал к Ф. Сологубу. Были там разные люди — Гиппиус, Минский, Коринфский, Лебедев (человек дикий и угрюмый), и молоденький студент Ореус. Мы с Бальмонтом держались в стороне. Самым замечательным было чтение Ореуса, ибо он прекрасный поэт. Хорошие стихи читал и Гиппиус. Минский посмеивался смешком и говорил не очень глубокомысленные шуточки. Сологуб молчал по, обыкновенно, и не читал ничего, хотя у него есть стихи замечательные, особенно его „Заря Заряница“.

О Минском верно сказал Добролюбов:

— И не грустить не суждено, кто радуется вечно.

Его характер верно выразился в следующем его изречении по поводу моей книги.

— Ждешь появления приведения, а выходит дядюшка и говорит „здравствуйте“.

От Сологуба мы трое — я, Бальмонт и Коринфский ушли в ресторан и пропадали до 7 ч. утра. Коринфский робко извинялся за свои рецензии: „Странно бывает читать, что писал прежде, не понимаешь себя, как мог...“ Я предложил за новую поэзию, он выпил.

Дек., 14.

Утром был у Ореуса. Болезненный юноша, с нервными подергиваниями; немного напоминает Добролюбова былых дней, но менее привлекателен. Весь занят новейшими фран-

цузскими поэтами, Vielé Griffin, Régnier, Verhaeren... Мы не очень-то сошлись с ним. Взял у него рукописи А. Добролюбова.

Вчера обедали с Бальмонтом и Буниным. Бунин на меня сердился. Еще раньше у нас был полуспор по поводу стихов Гиппиуса.

Снова зверь в лесу возникнет,
Птица в чаще леса крикнет...

Бунин не признавал, что можно сказать „зверь возникнет“, я над ним смеялся, а он сердился: „Не понимаю, не понимаю... надо говорить человеческим языком“... Сегодня в том же роде мы спорили. Но при всем том Бунин из лучших для меня петербургских фигур, он — поэт, хотя и немудрый.

Совсем вскоре должен был ехать с Перцовым, но так устал ото всех впечатлений Петербурга, что не поехал (да и где-то далеко живет он, на конце Васильевского острова). Наскоро собравшись, поехали мы на вокзал и покинули Петербург. Провожал нас Бальмонт. На прощание мы обнялись и поцеловались...

„Мерный шум колес“...

Дополнение.

Смотрели музей Александра III. Любопытен, обстановка прекрасная, и есть картины, которые стоит видеть, но как много, как много томительного. И какие есть ужасные ненужности, до последней степени позорные бездарности.

Несколько раз были в Эрмитаже. Античный отдел попрежнему дает настроение бодрое, люблю его. В первый раз почувствовал и понял Рубенса. Попрежнему лучшее — Мадонна Рафаэля.

Питались в Петербурге мясом, что оказалось неприятнее, чем я думал. Бальмонт пригласил нас на вегетарианский обед, но приготовили нечто мало съедобное. Были раз в столовой О-ва etc, где есть вегетарианские обеды, но и они оказались достаточно плохими.

Дек., 18.

Москва. Нашел дома множество писем. Среди них из „Знамени“. Н. Д. Облеухов извиняется, что не может напечатать „Ассаргадона“. Я рассердился и потребовал назад все мои рукописи. Мне вернули при письме с разными приветами.

Дек., 24.

Бальмонт переслал мне письмо Случевского, где тот „выражает желание побеседовать со мной“. Жаль, что я уехал поспешно из Петербурга, сия беседа могла быть любопытной.

Ссорился с „Русскими Ведомостями“, которые упорно называют мою книгу „об искусстве“. Добился от них еще одного бесплатного поправочного объявления... Но, увы!.. — и там напечатано то же „об“.

Рождество.

Был у Бахмана; там много дам, я под конец рассердился и упорно защищал вещи нелепые, что Бальмонт выше Шекспира, что правда в искусстве не нужна etc.

Был у Дурнова, смотрел картину „XIX век“; на меня она не произвела впечатления; хорош галстук у Гладстона, хороши брови у Толстого. Больше очаровали меня его маленькие картины — „Ночь“, „Лебеди“, „Мойен Аге“, „Три пальмы“, „Лесбос“, „У синего моря“...

Оба раза видел датского консула и лирика Тор Ланге; указывая на некий перстень, он говорил мне на скверном русском языке: „вот это, я ведь доктор в Копенгагенском университете за диссертацию по русской литературе о Алексее Толстом“...

У Саводника видел Д. Викторова и Е. Жураковского. Вяло говорили о философии. Я настаивал, что нет критерия, как отличить призрак от действительности. Викторов приводил в пример разных сумасшедших, коих он наблюдал.

Был у нас мудрец Лапшин, говорил изречения вроде: „Поэты, Пушкин — так это, ведь, скоморохи“ или „Мы вот здесь с вами о философии говорили, это ведь тоже, что подсолнухи грызть“...

Пятого января устроил я у себя вечер, где собрались поэты: Бахман, Бунин, Дурнов, Курсинский, Саводник, Ланг... Были внешние неудачи, вроде вина, оказавшегося кислым, но в общем гости мои, кажется, остались довольны. — Мы так одиноки, — вздыхал Бахман, — что иметь возможность говорить о поэзии уже счастье.

Но это уже новый год. Надо проститься со старым. Для меня он был совсем хорошим, и я могу его проводить только благодарностью.

Совсем светлый год моей жизни! Крым, статья о искусстве, встреча с Добролюбовым, статьи о Тютчеве, поездка в Петербург, много хороших стихов — все это запомнится. Каков-то будет новый, с угрюмым названием „девяносто девятый“ — не знаю. Только в ночь его наступления, когда мы на „другой половине“ чокались бокалами и поздравляли друг друга в домашнем кругу „с новым счастьем“, — „неизвестные злоумышленники“ проникли к нам в переднюю и похитили 5 пальто,

в том числе совсем новые, которые мы с женой только что сделали себе... Нельзя сказать, чтобы начало было благополучным.

1899 г.

Январь.

Предался я совершенно мирным занятиям. Готовлюсь с подобающей медлительностью к „государственным испытаниям“, обучаю сестер, вечером мы трое — я, сестра Надя и Эда — читаем Шекспира; иной раз захожу к Лангу „писать с духами“, да еще заглядываем в театр („Антигона“) — ничего больше.

Январь.

Приезжал в Москву Бальмонт. Виделись много раз, но ни на мгновение не были близки. Сначала все возлагали надежды на будущее, когда Бальмонт вернется из Шуи, а, вернувшись из Шуи, он в тот же день уехал в Петербург...

Много было речи о Пушкинском словаре. Екатерина Алексеевна Бальмонт ездила упрекать prince Урусова за похищение чужой мысли, я купил за 10 р. изд. Литературн. Фонда, были мы у некоего Вяч. Н. Щепкина, да еще какой-то бедный рисовальщик „пейзажист“ приходил ко мне с рекомендацией от Сабашниковых, чтобы заняться в будущем перепиской Словаря... Были еще толки о 300 рубл. субсидии, которую даст нам Академия Наук, но затем все затихло.

Бальмонт читал лекцию о Кальдероне. В зале Исторического Музея, где может поместиться 600 человек, собралось человек 50—60, все свои, Бахман, Курсинский, Курсинская (мать), Саводник... После лекции был ужин у Сабашникова, я видел вновь милую поэтессу 15 лет...

Были мы еще у Бахмана. Comme de raison я читал „Ассаргадона“, Дурнов уклонялся от чтения своих стихов, Бальмонт читал „Майю“, а Саводник свою „Катилину“...

День отъезда Бальмонта провели мы вместе весь...

Любопытнее всего были три тетради Ореуса, которые привез с собой Бальмонт. Мы все были увлечены, читали, перечитывали, переписывали, выучили наизусть. Я написал ему восторженное письмо, хотя и знал заранее, что получу сдержанный отзыв. Бальмонт задумал издать книгу стихов Ореуса, моих и других. Сначала было много участников, но Гиппиус и Сологуб потом отказались, их, видимо, покорило соседство со мной и с Ореусом. Теперь участников четыре — Бальмонт, Ореус, Дурнов и я.

Не знаю, выйдет ли этот сборник. Вспоминаю анекдот о Маллармэ. На картинной выставке встретил его некий изда-

тель журнала, был поражен его суждениями и просил писать у него художественные обозрения. Но, когда Малларме прислал такое обозрение, издатель возвратил рукопись с негодующим письмом, говоря, что не знает, чем заслужил чтобы над ним смеялись. То же и со мной. Стихов мои просил (и очень просил) Облеухов, но, получив, не напечатал. Потом просил Бунин для „Южного Обозрения“ и, видимо тоже не напечатал. Напечатает ли теперь Бальмонт?

Кстати, кто-то говорил мне недавно, что в „Знамени“ кризис; марксисты покинули его.

Февраль, 9.

Недавно устроил у себя вечер, но пришли только двое — Дурнов и Курсинский, да и то Дурнов спешил еще куда-то. Курсинский говорил глупости о стихах вообще и о стихах Ореуса в частности. Дурнов удачно сравнивал Ореуса с Нестеровым; у них у обоих не исполнение, а лишь указание, что можно было сделать.

В конце февраля читал в обществе Фохта свою статью о Баратынском. (Были Жураковский, г-жа Кельчевская и еще два-три).

Перевожу упорно для „Русского Архива“ письма Тютчева (1856, 57, 58 г.г.)

Из письма к Самыгину.

Занят работами к экзамену, настроение будничное, бесцветное. Мелькают перед взорами императоры, века, народы... Если б можно было замедлить, обдумать, но некогда, спешишь. Печально, но эти месяцы будут просто потеряны. Вынес только одно сознание: если история — наука, то господствуют в ней не личности, и нельзя отвергнуть в ней необходимости. Без рока нет науки нигде. Но знаю я и иную правду, к которой пришел иным путем. Истинно и то, и это. Истин много и часто они противоречат друг другу. Это надо принять и понять... Да я и всегда об этом думал. Ибо мне было смешным наше стремление к единству сил или начал или истины. Моей мечтой всегда был пантеон, храм всех богов. Будем молиться и дню и ночи, и Митре и Адонису, Христу и Дьяволу. „Я“ это — такое средоточие, где все различия гаснут, все пределы примираются. Первая (хотя и низшая) заповедь — любовь к себе и поклонение себе. Credo.

Февр., 22.

Да! я знаю науку, вижу ее лицом к лицу, ибо вот недели и недели я с ней. О, мир обманчивой неподвижности и призрачного покоя! Не ледяной, ибо во льде жизнь ручьев и океанов. Но как карточный домик. Неужели есть смысл

извивать мысль свою, чтобы всякую идею оплести со всех сторон. И воображать будто истина одна! О! если наука достойна поклонения, то была только схоластика. Это торжество всего, что есть в науке. Надо быть бессмысленными Баконами, чтобы низвести ее в круг низший...

Февр., 23.

Прочел рецензию о себе в „Русском Богатстве“. Разве не удивительно, что еще существуют серьезно и важно зовущие на „торную дорожку“ (ведь это выражение буквальное!) и негодующие, что кто-то по ней не идет. Подлинно: „Куда, куда, дорога тут...“

Февр., 24.

Из книжного магазина Карбасникова прислали купить еще 15 экз. „О искусстве“. Когда-нибудь я посмеюсь о таком нищенском числе¹⁾.

Конеч февр.

Масленица... Занят историей... Для „Русского Архива“ переводим из „отзыва“ Бильбасова депеши Гольца...

В университете беспорядки, но я мало имею сведений.

Смерть Льва Ивановича встретили все довольно таки сочувственно. Были статьи Лопатина, Вл. Соловьева... Жалею, что не пошел на похороны.

Письмо к Бальмонту.

Март.

Друг мой! Знаю, что Вы близко. И если бы год странствия пришел, он прожег бы душу до дна, открыл бы ей и всю ненависть и всю возможную силу. Знаю или, вернее, угадываю, „шорох приближения“, ибо все жизненное только угадываю. Не живу никогда, не дышу мгновением. А после, его вспоминая, постигну. Все — в воображении и в мечте. Но Вам старый гомеровский завет: *ἄρρε!* — мужайся.

Стихи, посланные мною Бунину, напечатаны (варварски) в „Южном Обозрении“ № 727. Конечно, газета пойдет на разные домашние нужды, и если я сам решаюсь там печатать, то только ради того, чтобы быть где-нибудь напечатанным.

Сегодня был в университете. Затихшие было беспорядки возобновились. Нас было только двое у Лопатина, но он с обычною сердечностью повествовал нам о устойчивом во времени, о Мальбранше и Берклее. Я пытался было сказать ему о безобразии всего человеческого, но он не понял.

¹⁾ Позднее, когда я был в Петербурге, купили оттуда еще 20 экзempl.

Был еще у Бартенева. О, живой архив! Мертвецы для нас, — Аксаков, Хомяков, Вяземский, Тютчев, — это все для него знакомые, приятели, или, по крайней мере, современники. Если бы записывать все, что он говорит, — были бы богатейшие материалы.

17 — 22 марта.

Поездка в Петербург.

Первый раз расстались мы с Эдой на несколько дней; чувствовал это живо. В вагоне попал в общество интеллигентов (*intellectuels*), которого не выношу. Только вошел, слышу: „А вот у Михайловского „В Перемежку“... Я окончательно на весь путь углубился в русскую историю, в Изяславов и Мстиславичей.

Встретил меня Бальмонт радостно; давно уже удивляет меня его любовь ко мне, но будем верить в себя! Поселился в каких-то странных №№ на Пушкинской, 2, но почти все время проводил у Бальмонта. Устроил он для меня вечер, приглашением всяких знаменитостей, кормили меня завтраками и обедами, и иначе всячески заботились...

На этот раз не был ни на каких выставках. Только с Бальмонтом зашли мы в Эрмитаж, посмотреть Рубенсову „Вакханалию“. Да, это вещь замечательная, именно замечательная, другое слово! Еще искали немецкую рыжеволосую мадонну, но она была отправлена в Дрезден, временно. Зато видели прекрасную египтянку, внизу на гробнице. Еще смотрели там же андрогину и Коэльо наверху.

Дважды был у Ореуса. Он все тот же и стихи пишет все же, все такие же. Это хорошо, но и скучно. Говоришь с ним, вдруг он прерывает: — А вот я вам прочту одно глубокое стихотворение. И даже не добавляет, что свое. Это так понятно. И читает, читает, читает.

Бальмонт принес ему своего „Освобожденного Прометея“. Ореус, прочтя, возвращает книгу. — Если хотите, можете оставить ее у себя, — говорит Бальмонт. — Нет. Скажу, это даже и из ваших переводов не лучший.

Затем был еще у Перцова... Весь же „литературный свет“ сидел на двух вечерах, в четверг у Бальмонтов, в пятницу у Случевского.

К Бальмонту собрались не все, кого звали. Так, не пришел Боборыкин. Многие ушли рано. Иных не запомнил я имен. Был адвокат и *ci-devant* поэт Андреевский. Говорил он глупости о русском языке; я начал ему объяснять что это глупости (будто, например, в Москве говорят „сейчас“ вместо „теперь“), — он рассердился и перестал со мной говорить.

Мережковский и Зина Гиппиус были такие же, как всегда. Напр., Гиппиус просила Бальмонта прочесть его стихи к Случевскому. Он прочел. — Странно, говорит она, — во второй раз они мне менее нравятся. И так все ваши вещи, Константин Дмитриевич. А Мережковский вопил „банально!“ З. Гиппиус читала стихи Минского „Я цепи старые свергаю“, Мережковский уклонился от чтения, говоря, что ничего наизусть не знает.

Я читал Павловой „Огонь“, Добролюбова „Утром-ли“ и Метерлинка (свой перевод) „Et s'il revenait un jour“. Первое прослушали со вниманием и говорили: „романтизм“, „красиво“, „невыдержанно“, „реторика“. По поводу моего перевода Зина заволновалась. — Посмотри, посмотри (это мужу), здесь одной строфы нет и одна прибавлена. — Да, да, — уверял ее Бальмонт — это дурно, очень дурно. По поводу стихотворения Добролюбова поднялся шум. Мережковский завопил: „И как это банально!“ Бальмонт бросился с ним спорить, что такое банально. „Неинтересная обыкновенность“, — поясняла Зина Гиппиус. Но больше всех взволновался переводчик Вейнберг, старец. — Не понимаю! не понимаю — „Юноша я иль звезда“ что это такое? — „Умер давно или жив“. Что это? не понимаю.

Я пришел в ярость и обрушился на него.

— Не понимать тут нечего! Можно сказать, что это банально, но что непонятно, нельзя. Это самая элементарная философская мысль, что нет грани между действительностью и грезой, между жизнью и смертью. Простейшая мысль!

Я начал так ожесточенно, что Вейнберг залепетал:

— Ну, а вот я не понимаю, значит, я так туп.

Случевский сказал:

— Я бы сделал из этого великолепное стихотворение.

И он прав. Он бы сделал. Ибо он многое может.

Он читал свои новые стихи и то было нечто очень замечательное, только читал он уже очень плохо, голосом деревянным, словно доклад. Но потом попросили его прочесть „Когда я был жрецом Мемфиса“, — из его юношеских стихотворений — он встал, выпрямился и прочел голосом как молот. — великолепно. Он умел читать.

У Бальмонта есть собрание стих. Случевского, там есть вещи удивительные и дерзновенные — напр., „Элоа“. На другой день на его вечере Бальмонт, выпив больше трех рюмок, подсел к нему и стал его восхвалять. — У вас есть великие вещи, вы сами не подозреваете, что вы создали. Вот мы читали „Элоа“, и Брюсов сказал — да! это не Лермонтов!

Случевский покраснел, заволновался, потерялся, не знал, что говорить. Я уже должен был вмешаться и объяснять, что действительно все это так замечательно.

— Просто демон нынешних дней умнее, сказал Случевский, — и он прав.

На этой пятнице должен был Бальмонт читать свой перевод „Фауста“ Марло, сделанный им в 9 дней (так что у него от усилия разболелась рука и грозил ему паралич руки). Но только что мы пришли, вдруг видим некий человек, худой, с одутловатым лицом „обрамленным“ (именно так) рыжеватыми волосами. То был Фофанов. Он принес с собой поэму.

— Вот, — говорил он, махая руками — вот 101 октава, т. е. 808 стихов. Октавы это форма забытая. Я ее воскресил. Ведь если ничто не воскрешать, что бы было. Я воскресил.

Его усадили на диван, но там к нему стоял спиной чугунный Пушкин.

— Что ж это, что ж это, — заговорил Фофанов, — Пушкин ко мне будет стоять ж...

А там были дамы (Лохвицкая, Чюмина, Allegro).

Пушкина повернули задом к дамам, и Фофанов начал читать. Боже мой! что это была за поэма, 101 октава о бедном кантонисте, который переодевался девушкой... 808 наивнейших стихов! Все были убиты. И весь вечер был убит. Боже мой! неужели ж это он, тот же Фофанов! Прав, кто называет его „гальванизированным трупом“. Он умер и давно.

После чтения Фофанов быстро уехал...

Все стали разминать ноги после полуторачасового сиденья, заговаривать друг с другом. Лохвицкая все извинялась, что не нашла мне своей книги. Подошел ко мне поговорить и Мережковский, видимо, чтобы загладить свои былые выкликания. Сказал, между прочим, как некое откровение:

— Труднее всего жить так, как все живут.

Я бы с полным правом мог завопить: „И какая эта банальность!“

Потом просили меня прочесть „Демоны Пыли“. Я читал, правду сказать, без желания. К удивлению моему, стихи имели громадный успех. Все стали восклицать, что хорошо, что интересно, а Мережковский сказал: — „есть оригинальные образы“, и вступил со мной в прения, почему я считаю демонов пыли багряными. Я долго возражал, наконец, сказал упорно: — Да не верю я в их серость.

Мережковский сказал: „Это хорошо сказано“, и успокоился. Меня просили повторить. Я повторил. Случевский взял у меня эти стихи для „Пушкинского Сборника“. Это с его стороны неразумно, ибо там немало слишком смелого. Впрочем, кроме Случевского, есть еще два редактора.

После меня читала еще г-жа Лохвицкая („Шмель“ — не очень хорошее стихотворение). Бальмонт читать отказался.

— Почему он не читает? — спросила меня Лохвицкая.

— Вероятно, из скромности, — говорю я.

— Почему же я читала?

— Видимо, вы менее скромны, чем он.

Перед ужином Сологуб обнаружил вдруг некоторое оживление. „Надо думать, что сегодня будет скандал“, вдруг предрек он...

— Почему! Что вы?

— А это такая теорема: „Где люди, там скандал“. Обратная: „Где скандал, там люди“. Противоположенная — „где нет людей, нет скандала“. Обратная противоположенной — „где нет скандала, нет людей“.

Позднее он сообщил еще теорему: „Где люди, там водка“, и нашел к ней обратную, противоположенную и обратную противоположенную...

За ужином предложили писать экспромты на тему „Весна“. Писали, хотя и плачевно. Бальмонт написал и прочел злобные строки, яростно глядя на всех присутствующих:

Я был среди толпы бессмысленных людей,
Пустые, пошлые... это ли поэты!
И я подобен им?... и т. д.

Большинство писали на злобу дня (о студенческих беспорядках etc.). Сологуб прочел три прекраснейших стихотворения:

Горькой укоризне
Верьте иль не верьте,
Есть весна у жизни,
Есть весна у смерти.
Если розы красны,
То купавы бледны... etc.

К концу вечера Бальмонт немного выпил и делал много странностей. Напал на Гайдебурова, который куда-то скрылся. „Нет! это подлость!“ Затем стал превозносить Случевского, смутив его очень.

Из новых лиц, кроме Чюминой и Allegro (сестры Вл. Соловьева), — дамы уехали до ужина — видел я там Шуфа. П. Порфинова, П. Быкова, кн. Барятинского (мужа Яворской) и ген. Черниговца, автора неприличных эпиграмм. Лихачев зашел на мгновение и скрылся. Он ждет своего юбилея, который должен быть во вторник. Мережковский по этому поводу сообщил, что скоро будет и его юбилей, ибо он начал печататься 13 лет (в „Жив. Обозрении“), а теперь ему 33 года, „хотя Буренин и делает вид, что мне больше“. Мережковский тоже не оставался ужинать.

После вечера мы трое — я, Бальмонт и Коринфский блуждали еще до 6 час. утра. Как все „повторения“, это было

несудачно. Постыдно было, что я забывал поднесенный мне Коринфским „Гимн Красоте“ во всех притонах, и Коринфский должен был сам напоминать мне о нем. Бальмонт едва не потерял „Фауста“, уподобляясь Лео Левборгу из „Гедды Габлер“¹⁾).

На вечере не было Льдова, но он прислал телеграмму в стихах:

Соратники, соратницы!
Шлю тост на берег Невский:
Да процветают пятницы,
Да здравствует Случевский.

Не было и Ясинского, ибо он куда-то неведомо никому исчез. Не было и Минского, он уехал.

Следующий день вечером должно было быть у нас собрание деятелей Словаря, но оно не состоялось, ибо Сологуб не пришел, а Шахматова посоветились приглашать. Вместо них был Шуф, проездом; без особой причины спросил он меня, могу ли я писать юмористические стихи. Я сказал, что могу.

На другой день утром пробуждали немного с Бальмонтом, прочитали в „Знамени“ нападки на перевод „Прометея“, обличающие, что рецензент английского подлинника не знал, и я уехал...

Конец марта.

Москва.

Обежал своих знакомых. Саводник болен, встретил меня радостно, все тот же, говорил о идеях-силах и о пустяках. Курсинский на меня в обиде, спорил из-за Ореуса, читал мне свои плохонькие стихи и осуждал Китса; — Курсинский идеальнейший герой „Записок из подполья“. Бахман экспансивен, машет руками, волнуется и делается счастлив как $\frac{1}{2}$ дитяти, если похвалишь его стихи; впрочем, новые стихи его хороши, он идет вперед.

В „Вопросах Философии“ есть заметка о моей книге, такая, которую терпеть можно. Случевский прислал мне письмо, что мои „Демоны Пыли“ „не пойдут“, ибо в них „фактура стиха“ невозможная. Отвечал ему поучением о том, что такое стих.

¹⁾ Кстати, анекдот из жизни Бальмонта, рассказанный им самим. В юности думал он переводить Ибсена и деятельно изучал для этого шведский язык, потратив на то около года. Впрочем, впоследствии изучил он и норвежский.

М а р т, 29.

Ходил сегодня к университету. Там бродят студенты. Идет речь о том, чтобы бить тех, кто вздумает держать экзамены. По пути встретил Фохта. Он просит позволения перевести на немецкий язык мою книгу „О искусстве“

Потом был у меня Емельянов-Коханский, у которого просил я письмом „Обнаженные Нервы“. Сообщил, что книга его распродалась совсем, что даже у него нет второго экземпляра. Читал мне свои новые стихи. Явно, что он не поумнел, а оригинальности поутратил много. Служит он кассиром на бегах.

А п р е л ь.

Был опять около университета. Студенты бродят унылые, ибо главарей забрали. Полиции — тьма тьмущая, ездят казаки и, ухмыляясь, ждут, чтобы им позволили взяться за нагайки. При таком настроении народа и войска (ведь они презирают студентов), какой смысл в этих „интеллигентных“ волнениях!

Вечером был у Юрия Бартенева. У него больны дети, и на его „четверге“ никого не было. Беседовали вдвоем и втроем (с его женой) о науке, о смысле жизни, о стихах. Он оживляется иногда, когда речь касается иных тайн метафизики и иных стихов, которые он любит. Очень ликовали мы, перечитывая „В начале жизни школу помню я“.

А п р., 8.

Два дня ушло на то, чтобы подать прошение о экзаменах. Профессора, которым я роздал свои сочинения и рефераты, то растеряли их, то не знали, кому передали. Заезжал к Лопатину и беседовал с ним о категорическом императиве; заезжал к Виноградову, тот был изысканно вежлив, заезжал к Роману Брандту, принявшему меня сначала слишком сурово, но на другой день болтавшему очень приветливо.

А п р е л ь — м а й.

Экзамены.

Скажу, что экзамены, „испытания“, стоили мне труда большого. Обычно учил с утра, часов с 10 и раньше, до ночи, до 12, до часу. И за чаем и за обедом. Каждый курс проходил раза два и все это рассказывал сам себе. Но так как все это было или пресно и знакомо, или ненавистно по складу мысли — то экзамены были для меня и мучительны. Эти дни в письмах любил я изображать стихом Ореуса:

Рыхло, сыро сыпется песок...

Мучительна была уже „подача прошения“, где сочеталось Валерий Брюсов и Роман Брандт, насмешливо соединенные в заметке „Русского Богатства“. Затем две недели я учился

напролет. Ходили кругом тревожные слухи. Студенты бунтовали и грозили избить всех, кто будет держать экзамены. Наши ходоки бывали у профессоров и те их пугали строгостью требований, особенно Герье. Я переписывался о этих бедствиях с Саводником и мы оба очень печалились. Два раза собирались мы все (у меня) для совещаний; сходились человек 10—12, друг другу незнакомых или почти, готовили программы...

Первыми были „письменные испытания“ (26 и 28 апр.). Ходоки ходили узнавать темы. Герье раскричался: — Это ведь экспромты? не так ли? Но позволил прислать список, чем каждый специально занимался, так что все мы были более или менее готовы. Я на тему „Руссо“ написал нечто, очень мило, с характеристикой XVIII века, обзором состояния Франции до революции и влияния Руссо на революцию... Были у меня два эпиграфа:

Je n'avais rien conçu, j'avais tout senti.

(J. J. Rousseau)

Lascia le donne e studia la matematica.

(Сказано ему).

Ключевский, напротив, встретил наших ходоков очень ласково и намекнул, что тема будет или „Влияние степи на...“ или „Смутное время“. Но когда мы пришли на испытания, он дал единственную тему (у Герье их было 7) — „Влияние реформ Петра В. на хозяйственный быт и политическое устройство России“. Мы были поражены. Никто не был готов. Пошли просить о другой теме. Ключевский после долгих молений сжалился, дал тему: „Явления русск. истории XIII и XIV в.“. Это я и писал, писал плоховато, по казенному.

Затем была неделя подготовки к Новой и Средней истории. То было самое тяжелое время. Никто не был уверен, что выдержал письменные испытания, все боялись Герье, рисовавшегося нам все же тираном. У меня вдобавок ко всему не было лекций и пришлось учиться по истории Кареева. К тому же меня мучили гости.

Заезжал Вл. Гиппиус и сидел у меня часа 3, читал много стихов и удивлялся, по какой причине печатают в журналах те стихи, которые там печатаются. Потом заезжал Бальмонт. Все же страх перед Герье был таков, что я знал Новую историю блистательно. Похуже, но все же хорошо — Среднюю.

После однодневного отдыха были классики. Это было трудно. Для меня самым неудачным экзаменом был греческий. Единственный раз тут получил я отметку „удовлетворительно“. Дело в том, что я не перевел последней главы, понадеялся,

а ее то именно и спросил Соболевский. Зато по-латыни я блистательно сообщал даже разночтения. Общие несчастья сблизили нас, держащих. Мы искренно печалились о проваливающихся. Жалели одного из Шаблиовских, которого загубил Виноградов за то, что тот не знал Генриха Льва. Особенно же жалели Транквилицкого. То господин лет за 30, быть может, под сорок, служащий где-то (почтамтский чиновник?), державший экстерном. Ко всему приготовился он удачно, но к классикам — не мог. Шеффер, Соболевский и председатель наш Никитин терзали его по три четверти часа, вздыхали, что у него незаметно „знания языка“ и, наконец, провалили. Совсем „несправедливо“, ибо для нас, студентов, экзамен по классикам не был серьезным, а полукомедией, что же — спрашивали перевести 5—6 строк!

Трудный был еще экзамен по русской истории. Учить пришлось много, ибо „с полукурсового“ все перезабыли. Выучить учебник Соловьева не легко, я жалел, что не попробовал выучить его наизусть, что было бы легче всего. Когда учил я князей удельных, приходил Перцов, проездом в Казань, но я уклонился от свидания с ним.

Все остальное было много легче. Экзамен по церковной истории был немного смешон. Лебедев роздал свои брошюры, зачастую очень потешные. Ходил к нему за ними Викторov. Лебедев, оставляя его среди беседы, уходил в соседнюю комнату и начинал петь псалмы. — Очень приятным был для меня экзамен философии, но поучиться пришлось все же, ибо стыдно было бы не знать чего-либо.

Как раз умер Грот перед этим экзаменом и потому он прошел под некоторым трауром. Я считаю Грота бездарнейшим существом, но человек он был дельный, нужный, хороший. Заходил ко мне за это время Ореус, читал много стихов и похвалялся много. Стихи хорошие. Жду от него много.

Последними стояли Римляне и Славяне. Римляне были мне знакомы, а Славян пришлось учить совершенно заново, (хотя программу и составлял я)¹⁾. Держали эти экзамены вместе (а то Герье был болен). По Риму спрашивали много и по-славянски много (Соколов), но Соколову больше всего хотелось не узнать, что знает студент, а свои знания показать (как раньше Шефферу, похвалявшемуся перед Никитиным). В дни подготовок к этому экзамену пропали для нас пушкинские празднества, которых я так и не видал. Лишь Бальмонт заезжал и рассказывал. Любопытнейшее в его рассказе было, как Гольцев на обеде предложил устроить „пушкин-

¹⁾ Как и по философии, на которую (программу) иные сердились.

скую богадельню для престарелых поэтов“, а Фофанов не выдержал и закричал с другого конца стола: „Не хотим!“.

После испытаний были мы все измучены. Из 19 человек выдержали по 1-му разряду лишь 8, по 2-му — 5, а 8 провалилось (у словесников из 22 — 20 по 1-му разряду и провалился лишь 1; а у классиков из 5 провалилось 2, а из 3 выдержавших 1 передерживал историю искусства; я сам видел, как он плакал, получив „неудовлетворительно“ и разводил руками, плотный такой, полный, с красивыми усами. Вот кто кончил у нас: А. Андреев, Брюсов, Д. Виктор, Е. Вишняков, Вас. Извеков, С. Исполатов, Львович, В., Покровский, Г., Романовский, Вс., Саводник Вл., Сперанский, Мих., Шаблиовский 2-ой.

Мы, кончившие, устроили ужин и оргию, кончившуюся довольно позорно. С Извековым пили мы за анархизм, после бродили по самым отреченным пристанищам. Два дня после у меня болела голова.

После экзаменов оправлялся я медленно. Ездил к Лангу в Кусково, ездил к Бальмонту на Баньки (по Ильинскому шоссе), где с ним сидели и бродили мы и пили до 5½ час. утра... Впрочем, беседовали все о том же, о Клеопатре, о боге, о лилиях... Теперь собираемся в Крым.

Июнь.

Вторая поездка в Крым.

Как все повторения, наша вторая поездка в Алупку во многом нас разочаровала. Не было уже прежней радости перед зелеными склонами гор, перед ширью моря, каменными тропами, перед красивыми лицами татар. Прогулки пришлось совершать по знакомым дорогам. Все удовольствие было в том, что мы встречались со знакомыми, как со старыми друзьями. Но в крымских видах слишком много однообразного, — все тот же амфитеатр гор, обрыв книзу и полоса Южного Берега, а дальше море с пароходиками; все та же утомительная форма горы в виде гребня, нет острых пиков, нет пересекающихся цепей, светлых зубурин, узких пропастей... или если есть, то в очень уменьшенном размере... Поднялись два раза на Яйлу, два раза ходили на Ай-Петри, ездили к пересохшему от зноя в 40° Учан-Су. Конечно, много мешало нам, что мы были не одни, с нами жили все наши домашние; сначала мать с сестрами, уехавшие раньше нас, а потом внезапно приехал и отец, истомившийся в одиночестве. Новым наслаждением в этом году было только купание. Это сладко — отдаться морю. Встретился здесь и с Бальмонтовскими знакомыми: девица со змейкой (у нее есть живая змейка, с ней она и спит) и с ее, кажется, компаньонкой, Анной Рудольфовой, довольно странной пророчицей, поклоняющейся стихам...

Концом нашей поездки в Крым и венцом ее было путешествие пешком в шесть дней. Впечатление этих шести дней затуманили совершенно весь прошлый месяц. Мы вышли 11-го июля на Учан-Су; провожали нас наши; от Учан-Су пошли в Ялту, где, наконец, остались одни. Отсюда в два дня добрались в Алушту. По пути, в изящном Гурзуфе, лакеи не хотели дать нам № в гостинице, так были мы запылены, так загорели. Из Алушты пошли в Корбексы, сыскали проводника, и этот Мурат-охотник провел нас какими-то очень близкими, но очень трудными путями на Кельсий - бруп (т.-е. Эклизы) Чатырдага и далее к пещерам. Около пещер мы ночевали в убежище Горного клуба. Утром рано опять пустились в путь уже без проводника, и в полдень пришли в Косьмодемьяновский монастырь. Там приняли нас если не особенно услужливо, то все же приветливо. „Можно“, отвечали монахи на всякую нашу просьбу. Мы в монастыре провели весь день, пили чай, обедали и ужинали, стояли все-нощную; там и ночевали. Нашелся и новый проводник, продавец груш Ибраим; вечером пришел он в монастырь торговать, а толстый дьякон прогнал его, говоря, что он торгует водкой. Так Ибраим и провел ночь у костра, на холоде (на этой высоте ночи сырые и холодные). Впрочем, это исключение; кажется, в монастыре принимают всех, всем дают и чаю, и поесть, и ночлег.

Ибраим провел нас по мало известной тропе мимо казармы Чугель на Кизильташ. Это дивная тропа, одна из замечательнейших в Крыму, между двумя стенами гор, по вековому лесу, по местностям совсем диким. С проводником расстались мы на яйле, а сами пошли искать путь на Гурзуф, нашли и, хотя вымокли под дождем, но в этот же день добрались до Ялты. В этот последний день мы сделали верст 50, и из них 40 по горам.

Мало в моем прошлом воспоминаний столь же радостных, как это путешествие. Жить под широко открытым небом, быть без „дома“, не быть обязанным вернуться, если не сегодня, то уже завтра, итти все вперед — разве это уже не счастье!.. А ночевать в горах на скверной скамье, с двумя татарами, не будучи вполне уверенным, что они не убьют тебя ночью, хотя бы ради твоих золотых часов и револьвера, и не бросят в 30-саженный колодезь в пещерах... А сладость пустынных тропинок, на которых свежие следы лежавших диких коз, итти и слышать крики этих коз, слышать шорох от их бега. Даже видеть мельком, как скачками убегают они вспугнутые шумом. Потом близость с жизнью полудиких туземцев, часто

не понимающих по-русски ¹⁾), дружеские беседы с проводниками, встречи у кóша с угрюмыми и добродушными чабанами, угощающими своей язмой; из казармы Чугель присоединился к нам юноша-объездчик, пошел он ловить браконьеров, а вместо того, сам увлекся охотой на диких коз; его волнения, его охотничий трепет — что за дикая, что за неведомая нам жизнь!..

Кругом же всего этого, всегда, каждый миг — роскошь крымских картин, ущелья, отвесы гор и уступы, горные ручьи, сталактитовые пещеры, бесконечная даль вида с вершины до Симферополя, до Азовского моря, и широкие, полукаменистые яйлы.

К о н е ц к н и ж к и .

Этим пусть кончается двенадцатая книжка, в которой одной затаено больше счастья, чем во всех одиннадцати прошлых, с их мечтами детства и юности. Да, этот круг моей жизни дал мне слишком много счастья и удачи! Говоря в общем, мне удавалось едва ли не все, что я начинал, исполнилось многое из того, чего ждал давно, долгие холодные годы.

И многие из светлых грез свершились,
И на судьбу не смею я роптать...

И еще одно „да“. Все это с тех дней, как мы живем с Эдой. Вот скоро два года, как я не знаю тех безумных, бесконечных приступов тоски, которые на целые недели выбрасывали меня из жизни, не позволяли мне вписывать в этот дневник ничего. Бодрость, уверенность, надежды — вот мое обычное настроение теперь. Я верю, я спокоен.

Пробегаю наскоро все удачи этой книжки, или лучше раньше, от дней нашей свадьбы.

Неделя в Петербурге, наш семидневный медовый месяц, что то уже далекое, но светлое, веселое, радостное...

Жизнь в „Тулоне“ и моя болезнь впервые без мамы, и вернувшиеся ко мне стихи, „Ассаргадон“, „Сибилла“, весь круг „Corona“...

Первая поездка в Крым, когда впервые я подошел к природе, впервые понял, что значит ее любить, ею дышать, ей отдаться. А как трепетал я в нашу первую поездку к Учан-Су. Я не стыдился восклицать восторженно, ...„Как хорошо! как прекрасно!..“

Томительные дни в Останкине, где, однако, я написал свое „О искусстве“, и где я вновь встретился с Добролюбовым, то тоже было событие в моей жизни.

¹⁾ В Карбексах есть русская школа, но учитель татарин, по-русски говорящий плохо.

Осенняя случайная удача с моей статьей о Тютчеве. Ведь после детских пустяков это моя первая статья, появившаяся в журнале.

Поездки в Петербург, знакомство с миром поэтов, которого хотелось мне давно. Можно упомянуть и мои стихи, печатаемые Буниным в своей газете. Что бы там ни было, все же это первые мои стихи, напечатанные не мною самим.

Удача на экзаменах. То была опасная игра, на которую я решился. Начиная экзамены, я далеко не был готов и мог потерпеть неудачу. Я рисковал очень многим, потому что неудача значила для меня нечто очень постыдное; все, все знающие меня и понимающие в чем дело и не понимающие отнеслись бы к ней, как к моему падению; не знаю, как мог бы я встретить моих знакомых, моих близких и дальних, если бы я „провалился“. То была большая удача.

Наконец, последняя радость, это блуждание пешком по горам Крыма.

Нет, как Поликрат, я испуган избытком счастья. Где молитва, чтобы сохранить его дольше, дольше, чтобы боги мое блаженство *comiter conservent*... Страшно за завтрашний день. Сегодня же да будет моим последним словом молитва: благодарю.

Июль — август.

Для меня началась осень. Мы вернулись в Москву, к книгам, к занятиям, только в воспоминаниях промелькнул нечаянно ущелья, пенные волны или дикие козы.

Для начала быстро обегал знакомых — Самыгин, Курсинский, Ланг... Самыгин напечатал свою книгу „Цветы репейника“, где собраны мне хорошо знакомые вещи, удачные замыслы, но мучительно плохо написанные рассказы. Видел я Самыгина в день для него неудачный (у него очень болен был ребенок), и был он вял, неинтересен... Ланг все тот же, вечно в сношениях с духами, тоже готовит книгу. Курсинский, несмотря на отчаянную жизнь среди своих, у себя дома („где, как в домике мещан, все мучительно знакомо“), словно немного более жив, пишет, думает что-то.

Потом приехал Бальмонт и сразу выбил из колеи мою жизнь. Он явился ко мне втроем с неким Поляковым и с литовским поэтом Юргисом Балтрушайтисом. Пришел еще Бахман. Бальмонт читал стихи, все приходили в восторг, ибо все эти вещи действительно удивительные („Джен Вальмор“ „Закатные цвета“, „Я на смерть поражен своим сознанием“ „О да, я избранный“...). Вечер закончился в „Аквариуме“..

Август — сентябрь.

Несколько дней шло медленно и тихо; я изучал дифференциалы, чертил графики и ходил в библиотеку Исторического

музея читать старые журналы и альманахи для статьи о Баратынском.

Возвращаюсь однажды домой — ждут меня Бальмонт и С. А. Поляков.

— Надевайте сюртук, едемте — вы будете шафером.

Повинуюсь. Едем. Это на станции. Венчается Балтрушайтис с М. И. Оловянишниковой...

Вернувшись в Москву, поехали еще в Эрмитаж, на состязание писали стихи (я — „Металлы“, соперничал с драгоценными камнями Бальмонта), но потом я пошел домой, а они поехали еще куда-то.

На другой день видел Бальмонта мельком. Он получил деньги по английскому чеку (гонорар за свою статью в *Athenaeum*'е.)...

...Но потом получаю записочку: „приезжайте, ради бога приезжайте“... Иду... Бальмонт утверждает, что опоздал на поезд. Едем опять на станцию. Бродим, ждем С. Полякова, ибо без него Бальмонт ехать не решается, с Григорием Александровичем он почти незнаком. Сергей Александрович не приехал. Второй звонок.

Я предлагаю Бальмонту ехать с ним. Берем билеты, садимся. Уже 11 ч. ночи. Путешествие длится час, с мелкими приключениями, вроде жестокого кровотечения у Бальмонта. Приезжаем в полночь, нет извозчиков. Случайно находятся чьи-то лошади, которые и доставляют нас на фабрику. Там все спят, на нас смотрят подозрительно, а я то уже совсем незванный.

Наконец, разбудили хозяина. Он принял нас любезно очень. Сидел с нами до 3 часов... Спать уложили нас в комнате с решетками и мы долго переключались с кровати на кровать, отрывочно поверяя друг другу свои замыслы...

Утром опять нас обласкали. Мы читали стихи, хозяин слушал, показывал нам картины и старинные вещи, показывал фабрику и очень поил вином...

К вечеру приехал и С. Поляков. Это человек любопытный, по образованию математик, написал несколько статей о числах (не знаю, изданы ли), а по любви — поэт; пишет стихи, читает Verlain'a, Verhaeren'a, R gnier... Мы еще сидели до ночи. За шампанским разговорились и, чересчур оживленно, произносили тосты; я — за рифмы. Уехали опять в 11 ч.

Но на станции, где надо было пересаживаться (из Щелкова, в Мытищах), оказалось, что поезд сошел с рельсов. Пришлось поместиться на товарном. Бальмонт угрюмо молчал. Мы с Поляковым толковали о бесконечно малых и многомерных измерениях. В Сокольниках пришлось слезть и идти пешком через огороды по лужам, под мелким дождем, в темень.

Так, наконец, вернулся я к жене, которая было очень затревожилась, ибо телеграмму я послал лишь утром...

Был я в Думе по поводу военной повинности. За последнее время я так свыкся с мыслью о казармах, что даже желал их. Но меня признали „совершенно неспособным“. Это, пожалуй, все же удача, одна из удач 98—99 годов. Gratias ago.

Сентябрь, 21.

Две недели был в Москве Ореус. Первые дни мы проводили с ним напролет, что было и томительно. Ходили в Сокольники и Богородск. Переговаривали о всех стихах и стихотворцах.

Неприятнейшая его черта — излишняя докторальность, учительность речи — но это от юности. Он уверенно говорит и решительно даже о том, что, видимо, знает поверхностно. Спорили с ним много о Бальмонте, которого он отрицает. Были с ним у Бахмана, у Ланга. Бахман Ореусом был очень зачарован; Тор Ланге менее. Звал Тор Ланге меня к себе, но быть у него мне не пришлось. Неожиданно Ореусу прельстились многие стихи Ланга, — „Смерть“, напр.:

В нас одинакова сила...
Много судьба мне дарила
Стрел своих дивно каленых.

Потом я устроил у себя маленькое собрание поэтов — Бахман, Ореус, Саводник, Ланг. Опять спорили о Бальмонте, о романе, возможна ли такая форма, о размерах, откуда они, и рифмах. Уезжая, Ореус совсем умиленно прощался со мной.

Был еще у Викторова. Он все такой же, все ищет везде психиатрических элементов. Фохт перевел на немецкий язык мою книжку „О искусстве“, но своим переводом недоволен и потому не хочет издавать его.

Сент., 28.

В городе только и говорят, что о двух громких делах: о Кредитном обществе и о С. Мамонтове. Директоров Кредитки общественное мнение считает грабителями, о Мамонтове все жалеют, говорят, что его недочеты — это взятки, которые он дал в высоких кругах.

Был у меня Курсинский. Он скучен, как и прежде. Готовит книгу стихов...

От Ореуса получил восторженное письмо. Все его прельстило у нас — и Москва, и мои стихи, и Ланг, и общество у Бахмана. „Zeitgedichte“ в его книге запрещены.

Октябрь.

Был у меня Перцов. Рассказывал старые новости, как шесть месяцев тому назад, в ночь под светлый праздник. Дягилев побил (т.-е. ударил по лицу) Буренина. Мережков

ский пишет о Толстом и Достоевском. Напрасно. Все, что он может сказать о них, им уже сказано ¹⁾). Погружен в XVII век.

Бальмонт уехал в Париж. Уехал за границу еще Викторов. Он был у меня перед отъездом (с ним Фохт и Саводник). Человек скучный и узкий: слишком многое вне его.

Затем предался я библиографии. Баратынский и Пушкин, вернее, издатели их, заняли все мое время. Я понял верность несколько смешного стиха:

Мы иссушили ум наукою бесплодной.

Я чувствовал, как мой ум иссыхал.

Н о я б р ь.

Случилось мне быть у художников на „Среде“. Это те самые, которые образуют „Общество Московских художников“: Синцов, К. Коровин, Врубель, Калмыков, Н. Клодт и т. под. Люди убогие и недалекие. (Это, конечно, с виду). Картины, завесившие стены — плачевные, да и те наброски, которые они пишут по средам (впрочем, не лучше подписанные к ним стихи Балтрушайтиса)...

(Р. С. Читал еще Балтрушайтиса очень хорошие стихи о старине).

Занимаясь в Историческом Музее старыми журналами, читал „Что делать“ Чернышевского. Во всяком случае, повесть незаурядная, стоящая, чтобы ее прочесть.

В общем, мирная жизнь с женой и с сестрой, размеренность занятий...

„Владею днем моим, с порядком дружен ум“...

Пока мне это нравится.

Из библиографических изысканий: то обстоятельство, что человек не может без ошибки переписать страницу (а это так! ошибаются — Анненков, Е. Якушкин) — есть ли это позор человека или в том его величие?

О п я т ь н о я б р ь.

Вышла, наконец, „Книга Раздумий“, которую ждали долго и томительно. Вышла, но что дальше, не знаю. Отвез ее Бахману, слушал его русские стихи о Ашинове:

Как при нем для разных миссий
Состоял отец Паисий...

¹⁾ Я ошибался. 1901.

Н о я б р ь, 17.

Был у меня Дурнов. У него все разные недоразумения с художниками. Рассказывал, как он когда-то ходил к Репину. Репин произвел на него впечатление ума до крайности бесвязного. Еще много говорил о своей теории гениальности; гений не есть степень таланта, а особый дар (по его терминологии „сочетание“), который может достаться каждому. Обычно ценят лишь гений, подкрепленный умом и выдержкой.

Я напомнил стих Баратынского:

Глупцы не чужды вдохновенья.

Н о я б р ь, 19.

Вообще: Последние месяцы упиваюсь Верхарном.

Был у меня Поляков (и Балтрушайтис) и очень проповедовал Стриндберга. Надо прочесть „Inferno“, „Nach Damaskus“ etc.

Н о я б р ь, 30.

Был на заседании городской Думы. Похожего на парламент мало. Наиболее отделанные речи — это пустозвонство либеральных гласных... Дело ведется очень спустя рукава. В полтора часа почти без прений провели бюджет в 22 миллиона. Голосуют вставанием; кой-кто привстанет было, махнет рукой и вновь сядет. Считает на глаз писарь, который и шепчет цифру кн. Голицыну. И при таком счете дело решается большинством одного голоса.

Д е к а б р ь, (к концу ноября):

Занятия мои библиографией навели меня на мысль, почему человек не может переписать даже страницы без ошибок, так чтобы было точно! позор ли это человека, или его величие? бессилие даже внимания или вечное своеобразие личности, которая не может только повторять?

Ореус напечатал „Мечты и Думы“. По внешности издание плохо. Поэзию Ореуса считаю одной из замечательнейших на рубеже двух столетий.

Д е к., 4.

Вчера вечер у Балтрушайтиса. Он читал свой рассказ в духе Э. По. С Поляковым беседовали о математике и отражениях. Я читал „К Скифам“, „Аганатис“ и неизменное за последнее время „Царю Северного Полюса“.

Д е к., 18.

В „Русском Архиве“ досадная ошибка со стихами Некрасова, которые мы приписали Тютчеву. По этому поводу написал заметку, где уверяю, что Некрасов гораздо более похож на Тютчева, чем обыкновенно думают.

Дек., 19.

Бальмонт прислал Бахману письмо; его сущность:

„Милый Георг! я счастлив; ресницы мои опускаются от счастья; Георг, имя твое красиво, как твои стихи“... Мне в тот же день послал письмо: „Если бы вы знали, как я вас ненавижу“ и т. д.

Дек., 26.

Устроили как-то недавно поездку за город. Я, Балтрушайтис, Поляков и г-жа Ш. Объехали все Сокольники, ходили по снегу. Я пожимал пальчики г-жи Ш. и она благосклонно отвечала.

Если бы у меня осталось хоть немного прежних стремлений, прежней души, родственной великому испанскому обольстителю, я мог бы продолжать... Но мне скучно.

У Курсинского умерла мать, мы ее похоронили.

Встреча Нового года.

Поляков давно звал нас на праздниках в деревню. Под Новый Год зашел Балтрушайтис и стал особенно убеждать. Я уступил. Наняли лошадей и поехали...

Вечер 1-го пришлось провести на фабрике Ал. Ал., где давали спектакль, после которого был бал, деревенско-купеческий, достаточно дорогой.

Но все это искупали две вещи: во-первых, — зимний лес, что я видел едва ли не впервые; зимний лес и блуждание в нем на лыжах. „Поспешай на быстрых лыжах“. — Я, наконец, испытал это, знаю. Да, где-нибудь в более дикой местности и в большом одиночестве это было бы прекрасно. А во-вторых, драма „Царь Максимилиан“, которую разыграли фабричные. Те места, которые уцелели с давнего времени, прекрасны. Наивность и торжествующая условность производят сильнейшее впечатление; „за сердце хватает“ (как говорили прежде) при сцене, когда окованный „непокорный сын Адольф“ поет:

Я в пустыню удалюсь
От прекрасных здешних мест...

Впрочем, песня эта явно позднее вставлена. После ставили еще „Атамана“

А когда (я) в совершенный возраст пришел,
На ужасный кинжальный промысел пошел.

Думали мы было вечером 1-го разыграть „интермедь“, и „ее тут же за ужином написал, но это не состоялось.

Январь.

Начало года провел с Ореусом и его товарищем, И. Билибиным, студентом, сделавшим рисунки к сказкам. Виделись, бывали у Ланга, у меня собирались. Потом с Ореусом осматривали древние церкви — св. Владимира на старых садах и особенно „Живоначальной троицы“, где икона грузинской божией матери и где четыре удивительнейших образа, писанных Ушаковым, изографом царя Алексея. Осматривая, часа полтора простоял в „холодной“ летней церкви и простудился, теперь болен.

Янв., 12.

Прочел „Воскресение“. Хорошо, несомненно. Это свод всего, что в разное время Толстой говорил, его завещание. Начало более обработано, в конце он изнемог под громадностью материала. Есть мелкие противоречия (не говоря уже об одной временности „декадентства“ и „Тонкинской экспедиции“ с „Отечественными Записками“).

Конец января — февраль, начало.

Писал я упорно статью о Тютчеве, а меня тревожили разные приятели.

Видел Калашникова; он потолстел, но не поглупел. Был у И. Любича (с Лангом). Живет Любич на окраине, в громадном доме, разделенном на каморки, живет с Фаиной и платит за комнату 5 р. в месяц. Читал он не плохие свои рассказы. Потом он провожал нас, сначала заходили мы в недостроенный дом, потом в „Собачий Зал“, где собираются карманники и форточники.

Смотрели еще „Одиноких“ Гауптмана. Написано по-детски. Герой — младенец, лепечущий глупости. Сочувствие возбуждает лишь жена. Художественный театр имеет успех громадный; заслуга его — отсутствие кое-чего из рутины, его величайший недостаток пошлый реализм.

В Москве Бунин и Перцов. С Буниным видался раза три. Он гораздо глубже, чем кажется. Иные размышления его о человечестве, о древних египтянах, о пошлости всего современного и позоре нашей Науки — даже сильны, производят впечатление. В жизни он кажется очень несчастен; печатает сборник стихов в 4000 экз. Перцов переиздает „Молодую Поэзию“; меня, кажется, исключил, а спрашивает моего совета о других. Мы ходили к нему с Буниным; он еще спал, и мы поджидали его в ресторане (остановился он в „Большой Московск.“). Сидя за блинами, в пошло-пышной обстановке,

было так хорошо говорить о ассирийских надписях и ледовитых льдах.

Февральская книжка „Русского Архива“ арестована за воспоминания Саккена. — „Не посылайте ваших стрел на кладбище“, — писал Бартенев министру в ответ на его письмо. И какую опасность может представлять журнал, выходящий в 1440 экз.? ¹⁾ Победоносцев писал ему, что выражения из „Русск. Архива“ будут перепечатывать газеты, но Бартенев отвечал, что особым распоряжением запрещены перепечатки из исторических изданий. Кто забыл это распоряжение, где? в Москве или в Петербурге, сами его издавшие?

По рассказам Бартенева, государь принял Павлова, посадил его, беседовал с ним 25 мин. и просил продолжить его русскую историю: „У вас все понятно, — сказал он — а у Соловьева ничего понять нельзя; я было взялся за летописи, там проще“.

Сестра Надя сдает экзамены „при комитете“. Езжу с ней. Сдают до 300 девиц. Любопытно смешаться с ними. Словно в зале пансиона, словно заглядываешь во вражеский стан.

Масленица.

Некто Лев Ал. Амозов устраивал Вечер Нового Искусства (в Охотничьем клубе) и явился ко мне, пригласил меня читать. Впрочем, все, что я предложил из своего, было запрещено особой цензурой. Я читал из Бальмонта. Зал был полон, собрались (и без моего приглашения) почти все мои знакомцы. Когда я вышел на сцену, мне хлопали. Я прочел „Пустыню“ при довольно безразличном отношении публики, но „Я горько вас люблю, о бедные уроды“, кажется, произвело впечатление. „На бис“ читал я „О да! я избранный, я мудрый, посвященный“.

Впрочем, правду сказать, вечер был плох. „Втирушу“ играли скверно, Бальмонта читал Росинский („Эльза“) — слащаво, а больше почти ничего и не было.

Это было в сущности мое первое чтение с эстрады (не считая юношеского в „Прозе“) и первая встреча лицом к лицу с толпой.

В музее подошел ко мне некто В. Каллаш, изъявляя желание познакомиться, поднес свое издание стихов о Пушкине; говорили с ним о библиографии ²⁾.

На вечере у Ланга видел Л. М. Медведева. Замечателен он лишь тем, что у него „все волосы на всем теле повывлезли“.

¹⁾ А в 1901 г. было 943 подписчика. Примеч. — 1902 г.

²⁾ Он обругал меня в „Курьере“ летом за книгу „О искусстве“. Теперь мы обменялись изданиями: он дал мне „Поэты о Пушкине“ с надписью об уважении, а я ему „О искусстве“.

Говорил он нелепости, рассказывал небывлицы о С. Бердяеве, пушущем стихи на 8 языках и читающем по 8 книг в день, и привирал еще больше о своих злоключениях, как политического ссыльного. Впрочем, я ему очень понравился, что он мне и высказал:

— Я вас воображал в мантии, а вы добрый малый.

Чтобы не ругаться, я удовольствовался улыбкой.

Февр., 27.

Сегодня на Германской выставке картин встретил Вл. И. Герье. Он со мной стал беседовать, потом взял меня в гиды, и я показывал ему выставку, конечно, прежде всего Штука и все декадентское. Перед картиной „Петр Великий в Альтоне в 1714“ спросил он меня: — Да что же там произошло? — но я не знал. На прощание же совсем поразил меня: „Пожалуйста заходите ко мне, я дома по пятницам после восьми“.

Март, 4.

Был у Герье. Там встретил Коваленского и еще кого-то из знакомых. Были в семье. Беседовал с дочерью Герье о картинных выставках и современной поэзии. Говорили и о бурах. Подарил им мою лубочную картинку, изображающую бегство Буллера и Метуэна.

Любуюсь определенно весенними тонами неба, всей городской весной с ее грязью и первыми колесами.

Март, 5.

Вчера приходила ко мне какая-то моя поклонница, читала рассказы, вроде стихов.

Март, 8.

Вчера Надя сдала последний экзамен по истории. С ней я опять переживал волнения экзаменов. Лучшее мое воспоминание из этой области таково:

Герье спрашивает меня на экзамене Римской Истории.

— Что вы знаете о Феодосии Великом?

Я отвечаю:

— Нам о нем ничего неизвестно. Книги Аммиана Марцеллина, говорящие о нем, потеряны; рассказы христианских писателей недостоверны...

Он промолчал.

Кстати еще анекдот о Герье, рассказанный им самим в пятницу. Во время голосования в думе о высших женских курсах просил он кого-то поддержать проект.

— Эх! Владимир Иванович! — отвечает этот кто-то — опять у нас стриженные пойдут! Намедни приходит ко мне в попечительство одна такая, пособия просить, а у самой книжка под мышкой. „Позвольте, говорю, полюбопытствовать“. Смотрю.

а это „Вестник Европы“. „И вы, говорю, после этого за пособием ко мне идете!“

— А знаете ли — возразил Вл. Ив. — что я всегда в „Вестнике Европы“ пишу.

— Что вы! что вы! Вл. Ив.! Не может быть! Я на-днях купил у Сухаревой „Русск. Вестник“ 60-х годов — вы там пишете.

Забыл записать, как был в Археологическом Общ. на реферате Самоквасова о славянском элементе в языке скифов. Ister производился от с т р у я, Дон, Danaper — от „Дно“ и „переть“ и т. д. Самоквасов ссылался на почтенных сотоварищей своих, между прочим на Иловайского, бывшего тут же. Когда потом его (Самоквасова) слишком засмеяли, — он оправдывался, что все это было в шутку, чтобы высмеять методы Байера. Но Щепкин коварно спросил его: — А почтенных сотоварищей своих вы упоминали тоже в шутку?

М а р т, 11.

Получил письмо от А. Добролюбова; он в Оренбургской губ. (Верхнеуральский уезд, Кизильская почт. ст., Варшавская станица, Каубахский поселок, у П. Орлова), просит прислать ему книг, просит денег для Орлова.

В четверг 9-го были у меня — Бахман, Дурнов, Поляков, Балтрушайтис, Ланг; много пили; смеялись; дельного мало.

Был на выставке „Московск. Товарищества“: плохо; грубое и детское декаденство; Дурнов, говоря со мной о портрете Шестеркиной, сказал: „Сидит какая-то кухарка в люльке“...

Был на выставке акварелистов; недурно, гладко, все импрессионисты, но н е т м ы с л и. Дурнов среди них великое исключение; его „Призраки“ очень хороши.

В субботу был у Бахмана, а после как-то раз у Дурнова. Все вновь им написанное — замечательно, особенно портрет Бальмонта на высоте, над городом, в час луны. От Дурнова пошли в ресторан, Бахман был неподражаем в своем гастрономическом услужении.

Вышел Ибсен и первое издание почти распродано. Много хлопот о издании Добролюбова.

В Москве опять был Бунин. Заходил ко мне. Потом я был у него в каких-то странных допотопных мебл. комн. с допотопными услужающими. Бунин только что вернулся с Михеевым от Васнецова. Восторгались оба безумно его новой картиной „Баян“. Михеев говорил вещи не очень глупые. Осуждал строго Мережковского и Дурнова.

Снимок с картины Дурнова „XIX век“ выставлен в художественных магазинах. Ее очень смотря, я часто даю объяснения.

Апрель.

Вышла книга Добролюбова. Все восхищаются изданием. Вл. Гиппиус просил меня сообщить, какие новые сведения получил я от А. Добролюбова. Переписал ему его письма без обозначения его адреса.

Вербь etc.

На „вербах“ встретил Каллаша и Черногоубова: кланялся с П. А. Ефремовым. Распродавалась прекрасная библиотека Ралля, но не дешево. Черногоубов опять извинялся за похищение несколько лет назад „Русских Символистов“. Звал к себе. Я был у него в тот же день вечером в воскресенье. Материалы, собранные им о Фете, бесконечны: полторы тысячи подлинных писем, несколько нигде не напечатанных стихотворений, много стихов, не вошедших ни в одно из изданий, да 10 приблизительно папок с вырезками из журналов старых и новых о Фете... Кроме всего этого, все издания Фета, подписанные и анонимные... Еще почти такой же подбор материалов о Апп. Григорьеве, и многое, очень многое о Тургеневе.

В понедельник был у Каллаша. У него прекрасная библиотека, не менее 4000 — 5000 томов; не мало ценного, прекрасная Pouschkiniana, где много неизвестного.

Во вторник я, Каллаш, Черногоубов и еще трое ездили в Сокольники, где у некоего Лисицына продаются старые журналы: в двух дачах сложено томов 20000 или (по его словам) даже 30000 — полные подборы „Современника“, „Библиотеки для чтения“, „Русск. Беседы“, „Слова“, „Маяка“... „Русск. Мысли“, „Вестн. Европы“, „Русск. Вестника“... Глаза разбегались. Впрочем, купили мы немногое. — На пути туда встретили Н. Чаева. Бодрый старик, но дряхлый, словно сейчас упадет и умрет. Говорят, он был в Моск. университете вместе с Фетом и кончил курс в 1844 г.

Посещает меня Любич; предлагает, между прочим, купить журнал „Муравей“ за 300 р.

В четверг Каллаш и Черногоубов (и Саводник) были у меня, смотрели книги. Из русск. издан. Каллаш любопытствовался лишь о двух: Баратынским 900 г. (в продажу не поступавшем) и Тепляковым, отчасти „Моск. Наблюд.“ 1835 г. Беседовали очень оживленно. Черногоубов, конечно, только о Фете. Каллаш производил от имени Фет слово фетиш.

Узнал я Ачкасова (автор стихов в книжке „Сумерки века“ и „Психографии“ П. Крота); был у него, а на 1-й день он у меня. Не слишком любопытный господин. Начитан, но не учен; диллетант. Намерен издать „Всемирную хрестоматию“.

На первый день я был: у Л. Медведева, у Бартенева, у Лазаревых, у Шестеркиных, у Бахмана. Бродил одинокий по лесу в Сокольниках.

Дурнов уехал, говорят в Палестину, другие — к бурам... Бахман издает „Das zweite Buch der Gedichte“.

Апрель, 19.

Был на Передвижной выставке (XXVIII), плохо и скучно; две вещи Нестерова, портрет Репина, кое-какие штрихи у Мясоедова, Левитана, Досекина, пожалуй, картина Шестеркина, ничего больше. Но импрессионизм вторгнулся властно и сюда.

Апр., 21.

Четверг вечером много скитался. Сначала был у Черногоубова и говорил о Фете. Потом у Ю. Бартенева. Там, кроме Кожевникова, видел Николая Федоровича (Федорова), великого учителя жизни, необузданного старца, от языка которого претерпевали и Соловьев (Вл.) и Толстой (Л. Н.) С самого начала разговора он меня поразил.

— Как-никак, а умереть-то нам придется, — сказал я.

— А вы дали труд себе подумать, так ли это? — спросил Николай Федорович.

Речь шла о Ницше и вообще Николай Федорович нападал на меня жестоко. Я остался очень им доволен и, уходя (я спешил), благодарил его. Юрий же Бартенев представил себе, что я был обижен, и прислал мне извиняющееся письмо. Конец вечера провел у Ю. Балтрушайтиса, где смушал девиц парадоксами.

Апр., 26.

В понедельник видел В. Каллаша, он подарил мне издание стихов Пушкина 1829 г. После скучал на заседании библиографического общества. Провожал меня Ник. Арк. Грен и томил своими откровенностями о себе самом, о своей родне, о деде, проигравшем 20000 р. и т. под.

Во вторник у меня были — Фриче, Черногоубов, Саводник. Черногоубов хорошо говорил о деле и безделии, о боге и смерти, о цели жизни. Фриче, видимо, ищет путей к старому, тяготится журнальной жизнью...

Идут наши ссоры с „Новостями Дня“.

Апр., 28.

Снег.

И в божьем мире то ж бывает.

И в мае снег идет порой.

Май.

Ссора с „Новостями Дня“ окончилась нашей победой. Цензурный комитет принудил их напечатать мое „письмо

в редакцию“ вторично и уже полностью. Это и для нас было неожиданностью. Когда мы с Поляковым подавали прошение, мы слышали споры г.г. цензоров. Вл. Вл. Назаревский отстаивал нас, но Соколов нападал жестоко, слышалось часто:

— Декаденты... Желают рекламировать...

Назаревский вынес нам такую предварительную резолюцию:

— Мы доставили ваше письмо „Новостям Дня“, но принуждать их не будем.

Однако, мы все-таки подали прошение, где я подробно расписал все несправедливости „Новостей Дня“, вплоть до произвольно вставленных слов: „Примите и прочее“. В результате письмо напечатано.

Я ездил изъяснить свою сердечную признательность Вл. Вл. Назаревскому; он, кажется, был обрадован этим.

Дурнов вернулся; он был в Персии. Поляков уехал в Крым и на Кавказ. Балтрушайтис уходит в лагеря. Он был у меня на чтении моего „Царю северного полюса“. Между прочим, рассказывал о смятении в казармах при вести о войне.

Видаюсь с Черногоубовым. Получил он от Сементковского корректуру изд. 94 г. с пометками и надписями Страхова и К. Р. — Заходил Черногоубов к князю Цертелеву, но тот принял его очень сухо, упомянул с неудовольствием и о моей статье о Тютчеве в виду упоминающегося там „heimlich vermählt“.

М а й, 23.

У Бахмана на вечернем собрании чуть не поссорился с ним за Лермонтова, которого назвал четвертостепенным поэтом и защищал это. Примирился после, написав сонет к Лермонтову. Был у Фриче, Черногоубова, Дурнова и опять у Бахмана.

Черногоубов разошелся с „Русским Архивом“, вероятно, запросил слишком дорого.

Три дня были на даче в Акуловке.

Переписываю старательно „Tertia Vigilia“.

Петербург — Ревель.

В Петербурге думал повидать Ореуса и Г. М. Добролюбова. Ни то, ни другое не удалось. Ореус уже уехал с отцом в Финляндию, а Г. Добролюбов был на судне „Полтава“ в Кронштадте.

Видел я у Добролюбовых младшего из братьев, маленького Константина, морского кадета, кажется. Пока я с ним беседовал, из-за двери высунулась женская фигура. То была мать его, Мария Генриховна; узнала, что я Брюсов и заволновалась.

— Ах, простите. Вы знали моего старшего сына. Я не одета. Видите ли, мои дочери сегодня выходят из института; сегодня бал. Мой старший сын так уважал вас. Ах, какое

это великое несчастье! С тех пор, как ушел он, ни я, ни дети ни разу не ложились спать без слез.

Говорила она с акцентом. Попросила меня остаться. Я из любопытства пошел в гостиную.

Приодевшись, М. Г. вышла ко мне, прогнала тотчас маленького Костю, который рассказывал мне что-то очень милое, и опять заговорила о „великом несчастье“.

— Я не очень хорошо говорю по-русски. Отец мой был поляк, а мать датчанка... Продолжали разговор, смешивая русский язык с французским.

— Вы знаете, я сама виновата, я его не сумела разгадать. А ведь я мать! Он всегда был такой необыкновенный. Знаете, у него не было нисколько понимания жизни. Что он там писал (я этому не сочувствовала, но не в том дело), то ведь это все на листочках! если уронишь, нельзя будет собрать! Деньгам он совсем цены не знал! В один карман положит, из другого вылетит, раздаст, накупит сластей. Вдруг мне прислали счет от переплетчика на 8 р., или выпишет книг из Парижа от Дейбнера, счет на 18 р.! Я говорю, что не могу платить, у меня вас восьмеро! И этого одного достаточно, чтобы он не говорил со мной неделю.

(Надо думать, что цифры рублей все же были преувеличены: стало быть, тратил Добролюбов очень немного).

— И все же, разве я на такую карьеру ему рассчитывала! Это такой был удар! Но я опять виновата. Я не сумела повести дело. Он бы мог пойти на уступки. Да? Вы заметили? Когда он был тем летом у нас, я пускалась на разные хитрости. Варила ему суп на мясе. Я это не считаю грехом. Обманывала его, говорила, что он кашляет, чтобы он пил мед... А то ведь сахару он не кушает. И все же — представьте! — он спал на голых досках. Ну, к чему это? ах!

Она подносила платок к глазам.

— Вы знаете. Я сделала большой промах. Вы ведь слышали, я поместила его в лечебницу умалишенных, в Преображенскую... Он был там совершенно отдельно... никого из больных не видал, только доктора... Но я сознаюсь, это был промах. Мои дети восстали на меня; дочь заявила, что тогда пойдет в монастырь... Он был там всего десять дней... Если будете ему писать, непременно скажите, что я сознаю ошибку. У нас есть маленькое имение в Польше... Я могу его обменять на землю где-нибудь по близости. Он может жить там. Все же мы будем знать, что он жив. А то вот восемь месяцев, как у меня нет никаких вестей... Что это за *juif errant*!

Когда мы прощались, она спросила:

— А скажите, денег он у вас не просил?

Я сказал, что нет. Опять она рассказала, как он требовал однажды у нее с пути денег и обиделся, что она не послала. Очень выпрашивала она у меня адрес, но я всячески уклонялся.

На прощание звала на завтра вечером пить чай. Говорила, что, может быть, приедет Жорж. Жорж, действительно, приезжал на несколько часов, но никого дома не застал, адреса моего не знал и уехал опять. Я, узнав об этом, уклонился от вечернего чая, извинившись неотложными делами.

Июнь — июль.

Ревель — северный Неаполь, eine Weltstadt, как говорил Бартенев. Немцы-ревельцы не надышатся на свой Ревель, для них лучшего города быть не может. Несомненно, что Ревель европейский город. Он самодовлеющий, в нем есть все, что ему надо; он мог бы существовать, если бы весь мир пропал. Во-первых, в нем есть всякие мастерства и всякие фабрики, вплоть до спичечных, парфюмерных и велосипедных, так что Ревель может обойтись без всякого подвоза со стороны. Но и все иное, чего может искать культурный человек, тоже есть в Ревеле. В нем свой постоянный театр, цирк, каждый год бывает обязательно выставка. Не мало книжных магазинов, где на окнах выставляют последние новости Петербурга, Берлина, Парижа, так что окна пестреют декадентскими обложками. В городе несколько музеев (один так называемый Provincial Museum, где собраны древности как местные, так и египетские, греческие etc, и кроме того, есть недурной отдел изящных искусств и прекрасная публичная библиотека; другой музей в доме Schwarzenköpfer'ов; третий в Ратуше). Но это уже само собой понятно, ибо Ревель старинный город, сам являющийся как бы музеем. В окрестностях Ревеля тоже словно нарочно все так подобрано, чтобы иметь все у себя.

В Катеринтале есть дворец и „домик Петра Великого“. Среди Катеринталя — горы Laasberg. Подальше — развалины древнего монастыря св. Бригитты, обычное место для всяких воскресных пикников, до которых такие охотники немцы. Близ Бригитты сосновый лес над речкой и роскошный парк, куда пускают гуляющих (по билетам). В другую сторону от города — песочные горы, Голубой Грот и, наконец, верстах в 30 знаменитый замок Фалль, принадлежащий когда-то гр. Бенкендорфу, со всеми пышностями современного устройства.

В городе очень много клубов. Есть спортивные, устраивают скачки, гонки велосипедистов, катанье на лодках, пешеходные прогулки. Очень много певчих обществ. Есть ученые общества,

особенно известное „Литературное Общество“. Затем клубы. В городе выходит 9 газет, это при населении в 100000 человек. Я уже не говорю о внешних удобствах жизни — конка, дилижансы, расторопные посыльные etc.

При всем этом прелесть моря и особенное оживление жизни, как большого порта.

Чем не Weltstadt!

Жили мы в Ревеле два месяца. Первую половину этого времени жили одни, ни с кем незнакомы, тихо, по-немецки. Утром я переводил Энеиду, после обеда мы читали, сидя в парке, вечером я писал автобиографию, — и так изо дня в день. Наконец, в начале июля приехал П. Бартенев, а с ним и его дочь, Татьяна Петровна. Мирная наша жизнь нарушилась. Полдня стало уходить на встречи (мы вместе обедали). Тотчас нашел нам Бартенев и работу: списывать письма Булгакова для типографии.

За этот месяц я впервые узнал Петра Ивановича в частной жизни. Морские ванны, летний отдых, прогулки ободрили его, сделали веселым. Он не только рассказывал бесконечные рассказы из запаса своей памяти, не только произносил целые страницы наизусть из Пушкина, Тютчева, Жуковского, Батюшкова, Державина, — но и выказал себя необыкновенно общительным. Он умел заговорить с каждым встречным и при том так, что те разбалтывали ему самые сокровенные свои тайны.

Рукопись „Tertia Vigilia“ побывала в цензуре и подверглась жестоким урезкам. Ю. Бартенев — только назначенный московским цензором — возвратил мне ее с любопытными пометками. Так, по поводу зачеркнутого „Сказания о разбойнике“ он написал: „Можно, но прошу тупости для ради дать другое соседство“. Зачеркнуто было и заглавие: „Книжка для детей“. Ю. Б. надписал: „Сами можете видеть, что за ребята?“ Еще вычеркнуто: „Антихрист“, „Рождество Христово“, „Ламия“, „Я люблю в глазах оплывших“, „Астарта Сидонская“ и строфы из „Аганатис“.

Июль — август.

Москва. Сразу и более властно, чем я ждал, охватили меня обычные московские впечатления, весь круг друзей. Прежде других предстал Ланг (который живет в нашем доме). Затем скоро, очень скоро (случайно) пришли Поляков, Балтрушайтис и сам Бальмонт.

Умер Вл. Соловьев. Бартенев знал его хорошо и мы были с П. И., на похоронах. Так суждено мне было встретиться

с критиком моих первых стихов. А я мечтал — и часто — о личных беседах. „Но он бы вас соблазнил“, сказал мне Бартенев. Я поцеловал в руку своего случайного врага и ценимого мной поэта и мыслителя. Бартенев предложил мне написать статью о поэзии Вл. Соловьева.

Бальмонт приехал в Москву на 2 недели. На второй же день он опять прислал за мной из „Аквариума“. Я пошел, хотя только что вернулся с Донской. Мы читали стихи и пытались говорить. Потом я повел его в „Собачий Зал“. Там мы пили со случайными посетителями и с наборщиками. Среди них один вспомнил мое имя, ибо служил у Лисснера и Романа...

Вступил я в трудовую жизнь. Распоряжаюсь домом и служу у Бартенева. Сюда относится:

Здравствуй, жизни повседневной
Грубо кованная речь...

К Бартеневу хожу ежедневно, слушаю добродушные глупости старика и претенциозные благоглупости Юрия Петровича. Это не значит, что оба они никуда не годятся. Но и тот и другой, вместо того, чтоб являть нам лучшее, что есть в их душе, упорно выставляют на вид самое нежелательное. Юрий Петрович что-то очень полюбил меня, увлекает по воскресеньям на прогулки etc. Работа в „Архиве“ пока сводится к бракованию глупых рукописей и к игре с П. Бартеневым в вист и преферанс.

Конец августа.

Был у меня вечер. Были: Бальмонт, Бахман с женой, Поляков, Балтрушайтис с женой, Ю. Бартенев, Ланг и случайно зашедший Бунин. Бальмонт читал стихи без конца („Художника Дьявола“). Ю. Бартенев, по его меткому слову, был гиеной, которая — по негрскому поверью — может иногда говорить по-человечески. Сидели до 4 часов.

Бунин продает рукопись своих стихов „Скорпиону“. Читаю их.

Читаю корректуры „Tertia Vigilia“.

Читаю множество корректур „Русского Архива“. Я журналист по призванию и мне сладостны все эти толки в типографии о сверстывании и т. под.

Бальмонта проводили.

Сентябрь.

Усердно посещаю спиритические среды. Проповедую, поучаю и имею некоторое влияние. Когда однажды вышли мы с такой среды, тамошние неофиты начали благодарить меня.

— При вас многое изменилось. А то ведь это было одна пропаганда христианства. Нам целыми часами твердили, что такое флюид, когда он отделяется от тела. А теперь вас боятся...

Были с Н. Н. Черногобвым у Ал. Фр. Филиппова, ред.-изд. „Русского Обозрения“. Где-то в антресолях барского дома помещается редакция... То великолепная мебель, то пустые горницы. Слова, слова, слова... Кончилось все ужином в „Эрмитаже“. Филиппов говорил мне, восхваляя дворянство: — Мы что? Разве мне что дорого? Да я могу и Москву и Кремль поджечь.

Черногобв жестоко обижается на Бартенева Петра Ивановича, хотел ему возвратить деньги полученные за статью. Бартенев обвиняет его в том, что он незаконно владеет письмами декабристов, а Черногобв рассказывает и похуже истории про П. Бартенева.

Сент., 28.

В Москве опять Бунин. Рассказывает, как в Петербурге Мережковский ругал „Скорпион“: — „Устал я, не могу! Это умственные онанисты, гробокопатели, не могу больше!“

Сегодня во сне приснилось мне окончание романа „Братья Карамазовы“.

Утром зашел ко мне К-кий, приятель юности. Он служил в „Одесском Листке“, был корреспондентом в Южной Африке.

Конец сентября.

Альманах, замысленный „Скорпионом“, прельстил почему-то Бунина и у него началась погоня за литераторами, стали мы „альманашниками“. Бунин писал Максиму Горькому. Тот отвечал: „Альманах? — могу“.

В субботу, кажется, мы виделись с Горьким в Большой Московской. Как всегда, он в рубаше. Усы мужицкие. Полунамеренная грубость речи. Обедали вместе. — „Только я общую не пойду, глазеть будут. В самой этой нашей славе утопаем, как лягушки в болоте“.

Говорил еще: „Пора репутацию нашу портить. Надоело!“ И еще: „Уж только про общественные вопросы не говорите!“

Мне очень руку пожимал, просил прислать книгу.

— О вас давно наслышан. Интересуюсь очень. Вот Иван Алексеевич читал. Прелесть.

Иван Алексеевич Бунин и Юрий Петрович Бартенев самые ярые распространители моих стихов.

Позже было собрание и у меня. Покупали у Черногобва разные бумаги. Но он дорожится. За стихи Фета просит 35 р. за 8 строк, за записку Пушкина 50 р.

О к т я б р ь.

Краткий перечень виденного.

У Шестеркиных видел М. С. Соловьева (брата Владимира) и жену его, Ольгу Михайловну, переводчицу Рёскина и Уайльда. Она интереснее его. Я умело изображал перед ними „афориста“ (от „афоризм“) и достаточно пленил их удивление. Она набивается работать в „Скорпионе“.

После представления „Накипи“ посетил нас, декадентов, интервьюер — Жданов. Я было принял его очень надменно и стал ломаться, играя роль „Валерия Брюсова“; но оказалось, что он больше, нежели я думал. Показываю ему Верхарна — „а, знаю—говорит—бельгийский поэт“. Показываю Агриппу—начинает читать по-латыни. Увидал „Parnaso italiano“ и заговорил со мной по-итальянски. Я был смущен. Это его книга под буквами Л. Г. Интервью появилось в „Русском Листке“. Лучшее сказано, конечно, Дурновым.

Дурнова видел дня через два. Он был в ударе, говорил афоризмы лучше меня и лучше Уайльда, так что я внутренне аплодировал на все его слова.

Много видался с С. Поляковым. За отъездом Балтрушайтиса он обратил свое свободное время на меня, да и общих дел у нас оказалось много. Кроме того, что видал днем, еще я был у него на каком-то семейном торжестве, потом он у меня

был с М. Шестеркиным, и, наконец, я, похитив его со среды, увез в Прагу; мы пили и толковали. Опять на миг он мелькнул сам собой — потусторонним, глубоким... но на миг...

Книга моя вышла, но странная лень не дает мне действительно заняться ею; она надоела мне. По поводу ее выхода Бахман устроил у себя собрание; были: Дурнов, Тор Ланге с женой, Варженевская Е. с матерью и обычные посетители Бахмановских суббот. Было очень скучно, толковали о театре, о Шаляпине и т. п. Я не выдержал и начал говорить злые вещи, что о искусстве не имеют право рассуждать не художники и т. д., и т. д.; обидел жестоко madame Варженевскую, сказав, что ее рассуждения „пустые слова“, обидел г-жу Бахман, попросив не шелестеть, когда я читаю стихи, и так всех заобидел, что Тор Ланге даже не пригласил меня. А! Надоели.

Был на литературном вечере у В. А. Морозовой.

Читал Саводник о Вл. Соловьеве. Присутствовали разные либеральные люди: Ермилов, П. С. Коган etc, затем молчаливые студенты, из числа которых нашлись мои читатели. Было еще несколько человек артистов Художественного театра. Конечно, Соловьева скоро забыли и, в виду моего присутствия, спорили о „символизме“. Я был достаточно умерен и больших резкостей, чем „это элементарная истина, если угодно,

могу ее вам объяснить“ или „если вы не понимаете, не могу вам помочь“ — не говорил. Кажется, мной остались довольны.

В спиритических сеансах испытал я ощущение транса и ясновидения. Я человек до такой степени „рассудочный“, что эти немногие мгновения, вырывающие меня из жизни, мне дороги очень.

Максим Горький.

Прослышали мы, что Горький в Москве, и, в виду альманаха, стали ловить его. Охраняет Горького Поссе и ни на миг не отпускает от себя. Юргис где-то видел поезд: едет Горький, за ним Поссе, Скирмунт и еще кто-то.

Думали видеть Горького в воскресенье в Большой Московской, но тщетно, просидели за бутылкой вина. Вино выпили, на мгновение разговор стал трепещущим... но что-то помешало, разошлись. Узнали наверное, что можно его будет увидеть в понедельник утром в 10.

Накануне Юргис был в Художественном театре и видел его. На Горького, действительно, все глазели. В коридорах не давали прохода. Студенты кричали, просили что-нибудь сказать. Горький, наконец, сказал:

— Я понимаю, что можно глядеть на Венеру Медицейскую, ну, или на утопленника... а на меня-то что? Я пришел сюда смотреть „Чайку“ — вещь несомненно духовной важности, а вы занимаетесь глупостями.

Там-то Юргису он сказал, что будет в воскресенье у Васнецова, а нас звал в понедельник. По жребию выпало мне идти искать его первому.

Встал утром для меня рано, пошел. Замедлил минут на 5, ибо заходил купить томик его рассказов, дабы доставить его Н. с надписью автора. Прихожу, спрашиваю лакеев:

— № 70 дома?

— Никак нет, сию минуту ушли.

Я в отчаянии браню себя, что опоздал.

— Я буду ждать.

— Да они, может, нескоро вернуться.

— Все равно, буду ждать до вечера.

— А как ничего не приказано. Они, может, и ночевать не вернуться.

— Буду ждать всю ночь.

Лакеи смутились и ушли. Вхожу в №, сажусь, сокрушаюсь, читаю „Новое Время“. Время идет. Проходят часы. Я все в отчаянии. Вдруг вспоминаю, что Горький не в 70, а в 90 №. Бегу стремглав, вламываюсь в №, вижу Горького, Чирикова, Поссе, Балтрушайтиса, г-жу Чирикову, кричу что-то и бессвязно начинаю объяснять сим малознакомым людям, как я

сидел час в № 70. Улыбаются. Иду за своими вещами. Лакеи ругаются.

Вмешиваюсь в общую беседу. Сначала говорил бессвязно. Горький говорил, что завидует людям, знающим много языков.

— А я (говорю я) завидую людям, пережившим много. Больше всего завидую вам, Алексей Максимыч.

Тот отнекивается.

— Можете ли вы прожить 20 лет среди книг и только книг? — спрашиваю.

Нет, что вы. Этого нельзя. Я не могу.

— Да и я не могу, а вот прожил же.

Зашла речь — я, конечно, завел ее — о разных тайнах нравственности. Горький оживился и стал рассказывать: то волжские предания о Стеньке Разине, убившем монаха, которого просил за себя молиться, то белорусские сказки... Я указал на свое „Сказание о разбойнике“. Горький прочел его вслух. Поссе и другие кривлялись.

Потом среди всеобщего разговора затеялась у нас с Горьким беседа а parte.

— Перечел я недавно „Фому Гордеева“, — говорил он — так случайно, странник зашел, ну я и стал читать... Эх, как плохо! Ненужности всякие, не просто сказано. До трети дошел и бросил... Что мерзко, это вот разные человеческие выдумки, начиная от мостовой и кончая понятием о боге. Конечно, и я грешный по мостовой хожу и иногда господу богу молюсь, да все это не то.

Говорил он еще много такого, что Чириков спросил:

— Стало быть, и искусство не нужно?

Горький стал ему доказывать, что это не „стало быть“. Потом из разговора а parte Балтрушайтиса с Поссе возникло чтение рассказа Балтрушайтиса. В нем он изображает круг горизонта, как нечто мучительное и губящее, как предел, из которого не вырвешься.

— Ну, я этот круг видел, — сказал Горький, — и чувствовал иное. Меня не пугало, что от него не уйдешь, а, напротив, радовало всегда, что я, вот я — в самом центре этого круга, а все кругом меня.

Говорили еще о Шекспире, о Пушкине, о Толстом, о Достоевском.

— Вот что мне дорого в Достоевском, — сказал Горький, — помните в „Записках из подполья“, в I-ой части — тот человек, который, когда настанет всеобщее благополучие, вдруг скажет: а что, не послать ли нам все это благополучие к чорту?

И Горький движением ноги изображал, как тот человек будет сбрасывать это благополучие в бездну. Он и сам способен на это.

Поездка в Петербург.

Нас ехало трое: я, С. А. Поляков и сестра. Сестра поместилась в другом отделении, а мы у столика на маленьких лавочках пили мадеру и играли... в орлянку. Собственно, мы хотели играть в кости и при этом „исследовать законы вероятности“, о которых была речь с С. П. Бартеневым, но костей не оказалось. Для прохожих и кондукторов то был большой соблазн, двое играющих за бутылкой.

В Петербурге пошли прямо к Бальмонтам. Бальмонта не застали, осматривали комнату. Довольно много книг, Royal Schakspeare, толстые томы испанцев, Shelly, Poe. На столе корректуры по истории искусства, книги для статьи о чудовищах и Паульсен о Канте.

Пришел и Бальмонт; словно обрадовался. Стал говорить о Скорпионах и изданиях. Решили в тот же день ехать к Минским. Но у нас с собой не оказалось моей книжки. Заехали в магазин. В „Нов. Врем.“ предложили „Chefs d'Oeuvre“, лежавшие на прилавке: видно, кто-то меня спрашивал. Нашли у Вольфа. Минского не застали. Г-жа Минская встретила меня довольно колко:

— Вот вы какой. А мне Константин Дмитриевич говорил, что вы белокурый.

— Никогда не говорил, — возражает К. Д.

— Да и лучше, что я не такой, каким вы меня воображали, — говорю я.

— Почему лучше? А вы окажитесь интереснее, чем я воображала!

Пришел Минский. Читал ему свои стихи: „Померкли ночи“, „Рассудка устои“, „Скифам“. Во втором смущали его рифмы. Всем он предпочел третье.

При прощании, когда я делал надпись на книжке, г-жа Минская сказала мне:

— Полюбите страшное.

Не поняв, я думал, что она говорит — полюбите „страшно“, — и выразил, что не способен любить никого.

Недоразумение досадное.

Вечером смотрели сиамок. Не достаточно дико.

На второй день был у Ореуса. Он находится в дурном периоде жизни и не интересен.

Позже были у К—х. М-те была больна, а он поил нас скверной мадерой и говорил пошлости. Назначили они для нас вечер на вторник. Я порешил не быть.

Вечером у Бальмонта были Мережковские (т.-е. Д. С. и Гиппиус), Минцлова, Ясинский и др. Говорили о всем и довольно оживленно. Дмитрий Сергеевич говорил мне комплименты.

— В Петербурге мало интересных людей. Вот бы Брюсов переселился в Петербург!

Говорили о сильных и утонченных. Я побивал Мережковского собственными доводами из его романа. С. А. Поляков беседовал с Гиппиус. Та рассказывала о своих приключениях в Италии.

Зашла речь о Горьком. Мережковский бранил его жестоко. Я защищал и не без успеха.

„Это что-то пошлое, что-то нужное толпе. Толпа признала его за своего. У Горького ничего нет личного, он за всех, он со всеми“... Вот речи Мережковского.

Говорил он, что редакторы его всячески отрицают. „Вы как туча, — говорил ему кто-то — мы знаем, что вы придете и нас смените, но когда“.

— „Пронеси подóле, не на мое поле“, — сказала Зиночка.

— Я бы много дал, чтобы писать фельетоны — говорил Мережковский — ну да, я мог бы напечатать два — три в „Новом Времени“, но ведь потом меня вытолкали бы в шею.

Я было заговорил о спиритизме.

— Это неинтересно, — возразил Мережковский, — просто неинтересно.

Под конец произошел маленький анекдот:

— Нравится вам это лицо? — спросила меня Зиночка, подавая какое-то воспроизведение портрета из „Мира Искусства“.

— Нет.

— А похож на меня?

— Нет.

— А это мой портрет.

Ясинский очень хвалил мои статьи в „Русском Архиве“ говорил, что ради них начал читать „Русский Архив“ и звал писать у него.

В воскресенье ездили втроем к Фофанову в Гатчино. Точного адреса не достали. Приехали, спрашиваем, где живет Фофанов, у городского.

— А на Александровской улице.

Пошли. На самой улице еще городского спрашиваю.

— Знаете Фофанова?

— Знаем-с.

— Ну что он?

— Пока покойница жива была, ничего. А то в зверином образе ходит, ровно как глупенький.

— А где живет, в чьем доме?

— Виноват, запамятовал. Впрочем, эй, малый! (это-с, извозите видеть, бань содержатель). Где Фофанов живет?

— Почем знаю.

— Да ведь бывает он у тебя в бане-то.

— Бывает, да редко.

Пошли в участок. Узнали точно дом, взяли извозчика, приехали. Фофанова мы извещали телеграммой, он выбежал к нам в сени. „А! очень приятно, очень рад.“

Попали к нему в час обеда. Мещанская обстановка, плохонькие фотографии и лубочные олеографии на стенах, детей содом и очень миловидная жена, хоть и не очень молодая (вовсе не умершая...).

Нас усадили обедать... Фофанов волновался, суетился. Одно время у него мелькнула было смутная надежда и он что-то залепетал жене.

— Водочки бы...

Та строго на него поглядела и он смолк. После обеда он позвал сына своего Борю, послал его куда-то.

— Принеси нам чего-нибудь жидкого...

Увы, Борю по пути перехватили и он принес лишь вод — ананасных, лимонных, смородиновых, квасу клюквенного. Всем этим нас поили сразу.

Мне хотелось всячески хвалить Фофанова, а он принимал это, как дитя.

— Константин Михайлович, вот у вас есть замечательное стихотворение (такое-то).

— О, да! А то вот еще у меня есть тоже замечательное во „Всемирной иллюстрации“, и т. под.

Говорил он, бедняга, что поэмы свои ценит гораздо больше, чем лирику. Говорил, что его поэму в октавах не печатают по цензурным соображениям. Дитя! он верит этому! верит, что редакторов смущает „кантонист“...

Стали мы торговать стихи у Фофанова. Он достал большую тетрадь и читал нам новые стихи и наброски, одни рифмы, одни стихи без связи; читал эпиграммы. Показывал при этом рецензию на обложке „Вестника Европы“; бедный, показывал с радостью, хотя рецензия очень сдержанная. По поводу платы за стихи осведомился: не благотворительный ли альманах. Узнав, что нет, охотно отдал, не спрашивая, что и кто. Цену назначил 50 коп. со стиха, но мы ему дали больше...

Говорил Фофанов о Добролюбове и Коневском.

— Прислал мне здесь один книжку, как его, Ко-Ко-Коневский. Перемудрил он. Сидел вот, да тут же и провалился в бездну.

Под конец разговор зашел о рифмах. Фофанов оживился, видимо, что это его стихия. Он говорил со вкусом. — Мы задавали ему трудные рифмы, он решал шутя.

— Окунь — конь ó конь. — Дьявол? — ну, конечно, плавал. Образ? — да много: „...раз“.

Когда мы собрались уходить, Фофанов вздумал нас проводить. Жена его страшно взволновалась, замолила его, в голосе ее раздалось что-то истерическое.

— Костя, милый, не ходи!

— Да что... да что... я только проводить, до вокзала.

— Не ходи!

Она почти рыдала. Побежала в соседнюю комнату. Мы стали тоже уговаривать Фофанова не ходить. Нас проводил Боря — мальчик милый и умный.

Перед тем, как ехать к Фофанову, утром заезжал к Сологубу. Живет он на Вас. Острове в здании, где воскресная школа.

Принял нас весело, но говорит, что печататься ему негде, а издать свои стихи — денег нет. Обещал участие в альманахе. На столе лежит немецкий перевод „Тяжелых Снов“.

Вечером были в „Медведе“ и ссорились с Бальмонтом.

В понедельник утром были у Билибина. Живет на Вас. Острове, в 8 этаже. В его комнате есть балкон и оттуда вид на две Невы и на весь Петербург. Хорошо. Вечером были у Мережковских.

Встретили нас, как скупщиков, любезно до нельзя.

У них был Андреевский, еще кто-то, но они занимались лишь нами. Дмитрий Сергеевич показывал мне свою библиотеку о Леонардо и о Петре, говорил мне разные комплименты: — Вы человек умный, Вы человек образованный, Ваши стихи мне начали нравиться...

Затем много проповедовал о том, что настало время единения. Все ищущие новых путей должны соединиться. Но выше всего — религия. То новое, что чуждо религии, недостойно жизни...

Когда остались мы одни, Сергей Александрович запросил Зинаиду Николаевну о рассказах. Она протянула:

— А что альманах бла-а-творительный?

— Нет.

— И там го-но-ра-ры платят?

— Да, и хорошие.

— Слышишь, Дмитрий, там гонорары платят.

Зиночка дала две вещи: „Святую Кровь“ и „Слишком ранние“.

Дмитрий Сергеевич заговорил о стихах.

— Вы знаете, я до чего дошел. Мне стихи чем-то лишним кажутся. Мне пишу для души подавай, а стихи что, детское.

Я возражал Верхарном.

За чаем еще говорили о многих вещах. Дмитрий Сергеевич делил писания на четыре разряда:

Понятное о понятном,
непонятное о непонятном,
понятное о непонятном,
непонятное о понятном.

Первые три — градации к лучшему, четвертое никуда не годится.

На прощание Дм. Сергеевич нашел нужным сказать:

— Я вас ругал, о как я вас ругал!

А З. Н. продекламировала:

Но милы мне кристаллы
И жала тонких ос.

И сказала:

— Это хорошо.

С Бальмонтом все время были очень недружественны. Ему не нравились мои новые стихи, мне его. Доходило до прямых сцен и до злобных слов...

Я уехал в понедельник. Сергей Александрович оставался еще на два дня, раздавал книги по магазинам.

Были они в „Мире Искусства“, видели Дягилева и Философова: и эти были очень любезны.

Были вторично у Минских и вторично у К—ких; сии последние очень жалели, что нет меня. Были у М. Лохвицкой дважды. Эта нисколько не жалела, что меня нет, и данную ей мою книжку за день не разрезала.

Проездом я потерял стихи Фофанова. Как могло это случиться, ума не приложу. Искал, ездил на станцию, осматривал вагон, — нет. Написал ему, и он прислал новый список.

Д е к а б р ь.

Москва. В Москве завертела меня обычная жизнь. Вторник пьяный, стиховный, с Дурновым... Четверг у Морозовой, где я читал о „новом искусстве“. Был там Ив. Ив. Иванов; его избрали председателем, и он нападал на меня жестоко. Мне почему-то лень было защищаться (стоит ли с ним спорить, да и устал я в Петербурге). А напрасно, он после везде разглашал, что разбил меня на всех пунктах и что жена моя чуть не плакала с отчаяния...

На наших вторниках упорно бывает Л. Жданов, человек не лишенный дарования, многое знающий, но все до предела.

На „средах“ видал Вл. Гиляровского, который говорил мне экспромты, где „Брюсов“ рифмовал с „трусов“, а Валерий с „полной мере“. С ним был сербский поэт Илич, „интеллигентный“ господин, переводивший Пушкина и Лермонтова. Беседуя с ним, отдавался я славянским симпатиям, воспитанным чтением Тютчева и Хомякова. Еще на „среде“ видел молодого композитора Померанцева, тоже человека, заключенного в пределах.

Ребиков написал музыку на мои слова (изд. Юргенсона. Музыкальные сцены).

У Бартенева видел Д. Иловайского (только что выпустившего № 9 „Кремля“). Пришел и долго беседовал с Петром Ивановичем вполголоса о современной молодежи. До меня долетали слова.

— Ничего цельного... разброд...

Петр Иванович сочувственно твердил: „да, да“...

— Представьте себе, прелестная девушка и вдруг: хочу учиться философии... Философия ведь это глупости.

— Да, да — вздыхает Петр Иванович — вот Грот, — идиот.

— Всех лучше из них Лопатин, семейное начало, что ли сказалося.

— Ах, не говорите, тоже не лучше...

Заходил ко мне Н. Д. Филиппов, сын булочника. Издаёт он новый журнал „Вега“, предлагал мне вести художественный отдел. После я у него был, но никого не видал, только заметил у него в углу спиритическую планшечку.

П р а з д н и к и.

На праздниках все разъехались. Я был на „средах“, но там ничего и никого любопытного. В Москве был Курсинский и В. Станюкович, но их видел мельком. Любопытнее было собрание у доктора Н, где Юргис повторил свой реферат о д'Аннунцио. А раньше студент Чулков читал начало своего реферата о моей поэзии. Я не думал дожить до таких оценок, а еще менее думал присутствовать лично на чтении такого реферата. Апофеоз при жизни.

Новый год, новое столетие. С детства мечтал я об этом XX веке, трепетал, смотря его у Лентовского. И вот он. — В частности зима эта неудачна: она вся разделена между работой у Бартенева в „Русском Архиве“ и свиданиями с Ш. То и другое надоело и опротивело. То и другое любопытнее будет в биографии, чем было в жизни. Пора освободиться!

1901 г.

Новое столетие.

Я н в., 15.

Вчера у Морозовых Чулков читал реферат обо мне, очень восторженный, но очень поверхностный. Я первый напал на

референта и разобрал его реферат жестоко... Все, даже явные мои недоброжелатели, бросились защищать бедного, обескураженного Чулкова и, защищая его, тем самым защищали мои стихи. Яценко говорил неглупые вещи.

Горький прислал письмо, что рассказа для альманаха не даст; отговаривается, что ничего не мог написать. Поляков негодует очень.

В журнале Ясинского статья обо мне, очень „сочувственная“.

В Москву приезжал Бальмонт. В первую встречу мы едва не „поссорились“ совсем...

Февраль — март.

Жизнь сосредоточивалась (литературная) почти вся около альманаха.

Бывал я еще на субботах у Н. Д. Филиппова, встречался там с Соболевским и др., но люди это недалекие, моих суждений о анархизме и поэзии пугались, а сами кропали политические эпиграммы. О замышленном журнале „Звенья“ почти и разговору не было. Собирались к Филиппову чуть ли не исключительно затем, чтобы пить его вина, ликеры и шоколад.

На субботе художников встретил однажды Савву Мамонтова. Бодр и свеж, но, видимо, окаменел. Я заговорил с ним, он обрадовался, уцепился за меня и стал развивать свою мысль, что художество от делания „картин в рамках“, которые некуда девать, как повесить на стену, должно перейти к работе нужных всем, но художественных вещей. Я очень возражал, но он уже неспособен понимать возражений.

На том же собрании М. Шестеркин, в длинной и бессвязной речи, провозглашая тост за Савву Ивановича, жаловался, что он был единственный, а теперь никто их (понимай, выставку Товарищества) не хочет поддерживать, картин не покупают, а рецензенты глумятся. Я возражал и говорил, что за брань рецензентов надо благодарить: она свидетельствует, что дело „товарищества“ истинное и новое. Все пришли в восторг. Гугунава чуть ли не предложил послать телеграмму В. Симову.

По делам альманаха переписывался с Перцовым, Розановым, Ореусом, Д. Фридбергом... Все „видные“ литераторы давали вещи отвергнутые или запрещенные. Зиночка Гиппиус — „Святая Кровь“, отвергнутую „Жизнью“ и „Миром Искусства“, Розанов — „Заметки“, которые отказался печатать Перцов, Чехов — рассказ, в котором сомневался, пропустит ли его цензура, наконец, Н. Минский — сонет, цензурою вычеркнутый из его „Новых Песен“. Последний, впрочем, мы не напечатали.хлопот по печатанию было много. Последние дни читали по две по три корректуры в день. Сергей Александрович бывал в типографии раза по три в день, я уже непременно

каждый день. Даже пьяные вторники „Скорпиона“ остепенились и в значительной степени посвящались делам.

Анастасья Мирович как-то однажды пришла ко мне, оставила свои стихи и записку, прося дать суждение. Мне все было некогда. Так через месяц пришла она опять, застала меня. С час я беседовал с ней; одета она была очень бедно. Читала (поэтов) мало. Говорила не очень глупо.

Морозов все приглашает меня. Я было один раз решился, пошел, но по своей путанице, попал не к нему, а к брату его, в роскошный палаццо на Воздвиженке, да, войдя к швейцару, еще не знал имени и отчества, кого мне нужно. Глупая была история.

... С визитом у меня был Ю. П. Бартенев. Жаловался на Н. Н. Черногоубова, который выудил у него 5 рисунков Пушкина. Потом был А. Ф. Филиппов, неунывающий, но и не успевающий. Говорили с ним о пользе революции и неопытности наших в этом отношении. У Бахмана видел Дурнова. Тот излагал проекты нового театра, где сцена будет не впереди, а внизу, и рассказывал, как он будет строить театр Омона (вход — пасть чудовища, лестницы стеклянные, окна во все три этажа, променой, цвет зданий — синий с белыми фарфоровыми украшениями и т. д.).

Апрель, 6.

Моя статья напечатана в „Ежемесячных Сочинениях“. Сегодня получил приглашение сотрудничества от С. П. Дягилева (Мира Искусства).

Так меня безвольно волна
Возносит в высь.

Апрель.

Заезжал ко мне Дягилев С. П., не застал. Был у меня Перцов; потребовал 7 р. за свой сонет в „Сев. Цветах“.

По рекомендации Перцова был у меня Ник. Ник. Рейнгард. Кого вам угодно? — Я поэт декадент. — Очень жаль. Сидел у меня с час, говорил вещи довольно банальные и был некрасиво развязан; читал стихи довольно пустые. Впрочем, ему 19 лет. Бог знает, что из него может выйти. Это самое сказал ему.

Бальмонт прочел на каком-то публичном вечере стихи о резне в Турции. Составили протокол. У него был обыск. Теперь только о нем и говорят в Петербурге. Горький сидит в тюрьме. Л. Толстой пишет возражения синоду. „Все закипело духом оппозиции“, говоря словами Фета.

Конец июня.

Случайно я давно ничего не записывал. Переезд на дачу, дачная уединенная жизнь, постоянные разъезды — и в результате всего белые страницы.

Я вяло и неохотно разыскивал Бальмонта. Раза два он писал мне приглашения из ресторанов, один раз из Эрмитажа, когда скорпионы сидели вместе с Мережковским и З. Гиппиус, но меня эти записочки не заставляли. Потом и записочки прекратились. Бальмонт предался былому.

И пьянство дикое — чумной порок России etc.

Вдруг получаю телеграмму от Сергея Александровича: „Монт (прозвище Бальмонта) завтра уезжает надолго, будьте в два у Сабашникова“. Конечно, лечу. Бальмонта высылают „из столиц и университетских городов и их губерний“ на два года, все за те же стихи о „маленьком султани“. Пока он едет в Курскую губернию к Сабашниковым, после за границу. Стало быть, проводы. Сначала у Сабашниковых, после в „Праге“, еще после в „Мавритании“ и у „Яра“, на другой день в „Славянском“ и на станции. Впрочем, Бальмонт не пьет. Конечно, он все тот же. Я читал свои стихи. По поводу „По улицам узким“ он сказал: — „Это тема моей будущей книги“ — „Опять плагиат?“ спросил Сергей Александрович. Сам Бальмонт читал стихи плохие. Конечно, целовался с ним. — Впервые вижу опять вас, как вы были прежде, — сказал он мне. Впрочем, от Яра я ушел рано, а Сергей Александрович говорил мне, что после были лобзания Бальмонта с ним.

Кстати, о Н. Н. Черногубове. — Филиппов напечатал-таки письмо Л. Толстого. Черногубов в „Курьере“ „письмом в редакцию“ заявил, что дал его лишь на поддержание. Филиппов возразил письмом в „Курьере“, „Новом Времени“ и „России“. В общем, Филиппов человек нелепый. Он потратил столько на объявления, что на эти деньги мог бы издать 12 книжек своего „Русского Обозрения“. Я не верю его уверениям, что его погубила г-жа П., из-за которой его издатель отказал ему в деньгах. Вообще не верю всем его рассказам. Видя человека первый раз в жизни, он вдруг предлагает ему написать „внутреннее обозрение“ (Ивакину); мне предлагает заведывать всем литературным отделом и т. д. В его квартире 12 комнат и нет мебели, входная дверь не запирается, чем питается редактор неведомо, кредиторы не могут получить с него и 50 к., и т. д. Кто прав в споре с Николаем Николаевичем, бог весть, ибо и сей знал, кому дает письмо, и знал, что оно набрано.

Вероятно, Николай Николаевич заволновался так по поводу своих отношений с Толстым. Он уверял, будто графиня С. А. Толстая приглашала его в Ясную Поляну разбирать архив. Не требуя повторений этого, вероятно, мельком сделанного предложения, он поехал. Был там дней 5 и вернулся,

а было что-то говорено о целом лете... Дали, однако, письма Фета к Толстому. Рассказывает много интересного о жизни в Ясной Поляне, о великом лицемерии там. Слуги раболепствуют пред „его сиятельством“, просителей принимают дурно, посылают им от барского стола объедки. — „Совсем не интеллигентный человек, заметил граф, не умеет объяснить, что ему нужно“. Много говорит против русского правительства. — „Только бы его к чертовой матери, и все будет хорошо“. Николай Николаевич отважился было вступить с Толстым в спор, но это было против правил Ясной Поляны, где граф только изрекает.

— Что же вам нравится в Фете? — спросил граф.

— Да все, поэт и человек.

— Человек он был дурной.

— Почему же? Он был истинный нигилист, и если ни во что не верил, то так и говорил.

— Неумение составить себе веру показывает низкую душу.

— Однако, это не так просто. „Жизнь — запутанность и сложность“.

— Ничего запутанного. Перед каждым рукоять, качай, а что выйдет знает Хозяин.

По словам Н. Н. Черногоубова, говорил Толстой и обо мне.

— Написал сначала в шутку; отнеслись серьезно, он и начал.

Когда Н. Н. уезжал, ему поручили отвезти одного больного мальчика в больницу. Отвез. Доктор спрашивает:

— На какие, однако, средства лечить его? Больница земская, а граф то и дело присылает с записками.

Вместе с Черногоубовым был в Ясной Поляне скульптор Аронсон, приехавший лепить графа. После он был с Ник. Ник. в Москве и подарил ему рельеф графа из воска.

Бальмонт говорил мне, что „Мир Искусства“ моей статьей против Андреевского недоволен. „Им нужна статья с жалами“. З. Гиппиус говорила: „А Брюсов пла-ахую статью написал, начал с Адама“.

Бальмонт, так как уезжал „из столиц“, не мог написать своего обозрения в „Athenaeum“ и поручил мне. Я всю жизнь следил за всей русской литературой, кроме именно этого года. Написано кое-как, в 5 дней, ибо срок был близок.

Август.

Бывал в „Русском Архиве“, виделся с Юрием. Он блистал парадоксами. По поводу смерти Г. Мачтета говорил: „Вот человек, который всю жизнь делал вид, что ему есть что сказать, но по „условиям русской печати“, он этого не может. Как может цензура мешать писать? печатать, может быть, но писать она

еще не мешала никогда ни одному истинному поэту. Если бы уничтожить цензуру, это было бы гибелью прежде всего для наших либералов, так как обличилось бы, что им сказать нечего. П. И. Бартенев в Петербурге был у Шильдера. Тот показывал ему три собственных письма Петра III к Екатерине, после его падения, унижающиеся до последней крайности. Беседовал он с Ванновским. Тот сказал: — „Какое мое образование? Но я слушаю одного, другого и соображаю. Как курочка по зернышку клюю“.

История с „Гаврилиадой“. Пушкину грозила Сибирь. Он свалил вину авторства на кн. Горчакова, а Николаю I написал частное письмо, где все чистосердечно объяснил. Николай взял его под свое покровительство.

Балтрушайтис в Норвегии видел Ибсена. Он так дряхл, что ветер валит его с ног. Он не выходит на улицу без лакеев. Письма Юргиса из Норвегии прекрасны.

Сентябрь.

Видал я Анастасью Минович. Живет бедно, вдвоем с двумя подругами. Некрасива и неловка. Но она очень современна. Ее мысль направлена на заветнейшие тайны наших дней. Мы говорили (долго, целые часы) о том, что страшно, о том, что все страшно, везде ужас и тайна. Она чувствует это более чем все, кто много говорит и пишет об этом. Я сказал ей о смерти Ореуса. Она испугалась, задрожала, заплакала. Она любила его? По ее словам, она видела его всего 3—4 раза в жизни. Он одобрял ее драму „Морская Легенда“.

О смерти Ореуса. Его дядя написал мне, спрашивая, не знаю ли я чего о нем: он исчез. Я в свою очередь просил дать мне вести. Скоро отец сообщил мне, что он утонул, купаясь в Аа. „Если вы человек верующий, молитесь о его детски чистой душе“. Я начал переписку с отцом Ореуса, имея целью издать сочинения Ивана Ивановича.

Переписывался с Н. О. Лернером. Бартенев напечатал мою заметку о книге „Пушкинские дни в Одессе“, а не его (не Лернера).

Узнав об этом, я написал ему письмо, объясняя, что это произошло без моего ведома. Отсюда возникла переписка. По поводу „Северных Цветов“ и стихов Ореуса мы чуть не поссорились. Конечно, мне все равно, что за мысли у него, но я не мог, не должен был терпеть его отзывы о Коневском и Балтрушайтисе.

Бывал у Бахмана. Он все тот же и с ним все те же. Встретил на улице Чулкова, очень хвалил рассказ Л. Андреева „Стена“, но я в Андреева не верю и читать его не стану. По его словам, Яценко и двое его приятелей летом бродили

пешком по Архангельской и Олонецкой губ. и доходили даже до Белого моря.

Раза три заходил ко мне А. Ф. Филиппов, все не заставлял. Ник. Ник. Черногоубов с ним все ссорится. Филиппов письменно грозит проломить ему голову, а Н. Н. купил себе револьвер в оборону. Впрочем, оба знают, что только себя тешат.

Был у меня Мих. С. Соловьев, благодарил за статью о Вл. Соловьеве и привез первые томы его сочинений; кроме того предлагал что-то для „Северных Цветов“. После я был у него. Жена его, Ольга Михайловна, „поклонница и жрица красоты“, мило болтала о Фете и Вергилии. Был еще какой-то генерал *peu lettré*, но совершивший хивинский поход и там на верблюде читавший Тацита. Сын Соловьева, юный Сергей Михайлович, тоже мило беседовал о Корнеле и Расине. — Ждали сына проф. Бугаева, декадентствующего юношу, жаждавшего меня видеть, но случилось, что его не было дома (он живет рядом).

Приехал в Москву Бунин и пришел ко мне. Сказал, что сидел в Ялте, вдруг затосковал и, не дожидаясь парохода, поскакал на север.

На скорпионовском вторнике я с ним опять поговорил крупно, сказал, что все его писания ни на что не нужны, главное скучны и т. д. Он проявлял великодушие и всячески славил мои стихи.

От отца Ореуса, ген. лейт. И. И. Ореуса, получил письмо с благодарностью за мою статью в „Мире Искусства“ и с согласием на издание.

Как-то случилось мне в „Русском Архиве“ играть в вист так: я, Петр Иванович, Николай Платонович Барсуков и Александр Платонович (чуть-чуть не австрийский посланник, немецкий...) Старший из Платонычей имеет лицо Ивана Грозного, но с добродушным выражением, младший немного еврейского типа. Судачили о разных высокопоставленных лицах и оба были „в оппозиции“.

Бальмонт прислал мне бранные стихи. Говорят, он отчаянно тоскует в своем изгнании. П. М. Пильский, знакомец моей юности, скинув мундир, предался газетной деятельности. Заходил ко мне, сидел, говорил о дрязгах газет, о Дорошевиче, Медведском, Любиче, скрывающемся от суда на даче и т. д. Медведский писал под псевдонимом в „Русском Слове“, но Дорошевич спросил у Сытина: „Так у вас и каторжники пишут?“.

С. А. Поляков приводил ко мне некоего Семенова, бывшего издателя „Нового Слова“, ныне переводчика Пшибышевского, впрочем, я почти с ним не говорил.

О к т я б р ь.

Начались разъезды, чтобы собирать матерьялы для „Северных Цветов“. Трижды были у Чехова, не добились свидания. Живет он где-то в деревянном домике чуть не на задворках; дверь отпирает подоткнутая женщина: — Нету-ти.

— Да может дома? — Стану я врать; уехали; был бы дома и сказала бы.

Был еще у Андреева (Леон. Ник.). Я его не видал, а лишь квартиру: мещански обыденно, вплоть до картинок на стене и кушетки.

У Бартенева видел Н. М. Павлова, автора „Русской Истории“. Говорил о окончании своего труда: — „Я не как Соловьев, у которого чем ближе к новому, тем обширнее; по моему, чем ближе, тем все нелепее: один государь уничтожает, что сделал его предшественник, смысл потерян, надо все кратко излагать, успею кончить“.

П. Бартенев читал мне письмо Победоносцева. „Силы мои слабеют и дух поникает под бременем многих тяжелых ощущений настоящего“.

Н о я б р ь.

А. Л. Волынский-Флексер приезжал читать лекцию о современной литературе. Лекция была полна личных выходов, но не лишена красивых характеристик. Когда дело дошло до того, что „Михайловский — либеральный жандарм, стоящий на своем полустанке и пропускающий мимо поезда современности“, — начались свистки; свистали две курсистки, но свист „заглушен был“ аплодисментами. Тоже и после лекции. Иные газеты писали иначе, но это неправда. После лекции студенты очень волновались, и споры между ними доходили до ссор. А мы с С. А. Поляковым пригласили Волынского в Эрмитаж и чествовали его. После поехали к Яру. Выпили достаточно. Флексер умилялся и на Яр, и на тройку (впрочем — двоицу), повторяя: „В Петербурге ничего такого нет...“

Купили у него статью о поэзии за 100 р. Он очень был рад, жал руки и говорил умиленно о „Скорпионе“. Очень жаждет газеты.

А Мережковскому лекцию запретили, и о Толстом, и о Достоевском. Впрочем, я хлопочу за него при помощи Бартенева (Ю. П.)... Мережковский после моих хлопот пишет мне ласковые письма, называя меня „дорогой“, и подписывается „ваш“.

Приезжал в Москву Самыгин (Марк Криницкий). Все такой же. Говорит о боге, о благодати, боится темноты и все его потрясает. Я возил его к Юргису и Бунину (который, между прочим, встретил меня приветливо), и обедали мы в пятницу у Ю. Бартенева.

Кожевников, летом ездивший по Северной Африке, рассказывает чудеса о пунической археологии и новых русских находках в Алжире.

По поводу одной рецензии на Бунина в „Курьере“ — поместил два едких „письма в редакцию“ в „Русском Слове“ против „Курьера“ и против „Новостей Дня“ (№ 315 и 317). Попал в самый нерв, напечатали охотно. Видел в редакции „Русского Слова“ Л. Медведева, ругательски ругавшегося и требовавшего обратно свои рукописи. Меня он бросился обнимать.

Хлопоча о Мережковском, видел у Ю. Бартенева на пятнице (дни для лучшей публики, а четверги для тех, кто похуже) — г. Невежина, драматурга. Седой старичек, от которого пахнет водкой. Осмеивал юбилей Шпажинского, который тот сам себе устроил. Напротив, он, Невежин, хотел бежать от своего юбилея, но его поймали и чествовали насильно. Еще осмеивал Шпажинского за то, что тот все говорит о себе, а сам Невежин только о себе и говорил. Рассказывал, прегордо, как подслушал на каком-то представлении слова некоего зрителя: „Я за то люблю пьесы Невежина, что могу на них смело повести 16-летнюю дочь“. — „Вот что было наградой моих двадцатилетних трудов!“ — говорил нам Невежин.

В тех же хлопотах был у Ю. Айхенвальда. Говорили, что психологическое общество падает, а с ним и журнал („Вопросы“). „Нет писателей, а среди читателей общественные вопросы заступили место философских.“

Получил письмо от Мережковского: „Выезжаю в среду курьерским, надеюсь видеть вас в четверг до 1 часу“

У Бартенева видел скульпторшу Голубкину.

Бартнев праздновал свой юбилей. Меня он просил не быть.

— Если хотите оказать мне удовольствие и благодеяние, не приходите, не поздравляйте...

Я послушался, а потом оказалось, что слушаться не надо было.

Декабрь.

Мережковские были в Москве пять дней. Мы, скорпионы, с ними почти что не разлучались. По утрам завтракали в „Славянском Базаре“, где они остановились, с 2 так до 4, а по вечерам были где-нибудь вместе. А иной раз и в промежутки совершали визиты вместе.

С первых встреч „ошарашали“ они нас своим христианством. Первый день, четверг 6-го декабря, был праздник. Сергей Александрович и Юргис были у себя, и я должен был провести с гостями один. Надо было все время зани-

мать их собой и не спускать тона. Памятуя бывшие насмешки и поношения, с какими они встречали меня, я был осторожен, — но, напротив, г.г. Мережковские были более чем любезны, наперерыв славил мои стихи, читали свои, спорили, просили советов.

Я, согласно с письмом, явился к ним в 12 ч. Вхожу и первое что вижу — раздетой Зинаиду Николаевну. Разумеется, я постучался, получил „войдите“, но зеркало так поставлено в углу, что в нем отражается вся спальня.

— Ах, мы не одеты, но садитесь.

Поговорили из комнаты в комнату, потом Зиночка (это, кажется, ее единственное общепринятое имя) вышла.

— Я причесываться не буду. Вы не рассердитесь?

На самом деле, если она и не причесалась, то все же собрала свои волосы довольно искусно *à la chinoise*.

Стали говорить.

— Я не знаю ваших московских обычаев. Можно ли всюду бывать в белых платьях? Я иначе не могу. У меня иного цвета как-то кожа не переносит... В Петербурге так все меня уже знают. Мы из-за этого в театр не ходим, все на меня указывают...

Вышел Д. С., благодарит за хлопоты и прямо начал с необходимости веровать в Христа.

— Одно из двух — или вы признаете его богом, тогда вот истинный сверхчеловек, или нет, тогда вы не мистик.

Читал свои стихи, все о Христе да о страшном суде, довольно плохие. Потом читала Зиночка, прекрасные.

И сердце как игла...

Вечером мы были у Соловьевых (а я случайно был у них накануне). Зиночка была опять в белом и с диадемой на голове, при чем на лоб приходился бриллиант. С Ольгой Михайловной Соловьевой — она была знакома только по переписке. Обе, впервые встретясь лицом к лицу, друг другу не очень понравились. Ольга Михайловна нашла Зиночку не столь красивой, как ждала, а Зиночка нашла ее слишком „эстетической“. Говорили о красоте. Дмитрий Сергеевич вопиял против красоты, против декадентов etc.

Проповедь против декадентов особенно всех поражает у Зиночки. Она сама говорит, что в Петербургском Университете (на лекции Д. С.) один студент сказал ей: „Как больно это слышать именно из ваших уст“. Но они против декадентства, они за религиозность. Дмитрий Сергеевич говорит, что в „Мире Искусства“ раскол, ибо литературный отдел уже явно религиозный, а художественный еще чисто эстетический.

Много говорили о Розанове. Соловьев, М. С. его терпеть не может, считая его врагом христианства. — Так, значит, он и вас обошел, говорил он мне, узнав, что я люблю Розанова...

Зиночка стыдила меня.

— Мне кажется, вы успокоились. В вас есть самое худшее — самодовольство. Для вас все решено и уяснено.

С больной головы да на здоровую!

Были там еще два наших студента-декадента: Бугаев, Борис Николаевич (автор „Симфоний“ и сын проф. Бугаева) и Петровский, чуть-чуть заикающийся: Бугаев старался говорить вещи очень декадентские. Оба благоговели перед Мережковским и Зиной.

Уехали Мережковские в 11 ч. Я было приписал это усталости с дороги, но, оказалось, что так повторяется всегда. Вообще Мережковский умерен и чинен до беспредела. Пьет лишь $1\frac{1}{2}$ рюмки мадеры в день (ибо у него болят почки) и, выезжая, надевает под шубу, белый, вязанный, женин платок.

Я немного замедлил. О. М. сказала мне:

— Вы все время смотрели на Э. Н., словно безумно в нее влюблены.

То же самое потом мне пришлось слышать не раз, но безвинно.

Утром в пятницу завтракали с Сергеем Александровичем. Опять речи о Христе.

— Надо признать одно, что Христос есть высшая индивидуальность и высшая объективность. Все прошлое мира было для него, стало быть, он вместил все бывшее в себе, и вместе с тем он высшая личность. Надо или признать Христа мессией и тогда стать христианином, или не признать, но тотчас объявить себя самого мессией. Иного пути нет.

— Неужели же нельзя спастись вне христианства?

— Можно, быть может, но трудно. А уж против Христа — невозможно. Посмотрите, какой мор на декадентов: Добролюбов, Коневской, Эрлих! Это знамение. Я чувствую, что близок конец всему. Теперь надо или действовать или погибнуть.

— Да, — подхватила Зиночка, — мы видим, что спастись одним невозможно и хотим, чтобы и другие были с нами.

Впрочем, она далеко не всегда поддакивает мужу, а то болтает по-женски с Сергеем Александровичем, так что муж ее обрывает.

— Не тараторь, Зина, я серьезно говорю, а ты с глупостями!

После завтрака едем с Д. С. к Ю. Бартеневу и кн. С. Н. Трубецкому. Бартенева не в ударе, впрочем говорит о Христе и церкви бойко. Спорили о Скворцове, редакторе „Миссионер-

ского Обозрения". Мережковский говорит: он фанатик! А Бар-тенев — нет, мазурик. Прощаясь, Мережковский хлопает меня по плечу и говорит: „Вот он еще коснеет, но он перейдет к нам“. — Он перейдет! вторит Юшенька.

У Трубецкого встретили нас приветливо. Сам автор книги о Логосе — старичек с трясущимися руками. Разговор был пустой. Я беседовал с княгиней о студенческих волнениях, о великой сходке сегодня (7-го дек.), вместе с рабочими. Еще очень они славили Скрябина, как первого композитора нашего времени.

Вечером Мережковские были у меня. Еще Юргис, М. Ив., Серг. Ал. и Дурнов. И только. М-ие приехали последние. Мы ждали их с неким трепетом, всячески изукрашали квартиру, зажгли огни, поставили цветы, добыли диван для Зиночки. Наши гости сочувствовали нашему трепету. Наконец, Мережковские явились. Сначала Зиночка говорила пустяки о том, что любит спать с открытым окном и утром, прямо не одеваясь, бежать в ванну etc. Два-три укола сделала, конечно. За чаем все немного развеселились. Опять говорили о Христе, но лучше того — читали стихи. Зиночка очень мило без просьб, как всегда, и очень просто прочла пять-шесть стихотворений. Юргис не понравился. Зиночка говорила, что в „Мире Искусства“ его зовут: „Also sprach Baltruschaitis“. — Конечно, это она сама выдумала. Д. С. выпил $\frac{1}{2}$ рюмки мальвазии, Зиночка — рюмки три. Едва М-ие уехали, мы стали чуть ли не плясать и ликовать, что все сошло благополучно.

На другой день, в субботу, увидались только вечером, перед тем, как ехать на чтение. Я ехал с Зиночкой. Говорили двусмысленности. На лекции было народу мало, так как Психологическое Общество страха ради иудейского не печатало объявлений. Читал Мережковский хорошо, и глаза его сверкали, но менее театрально, чем Вольтинский. Среди зрителей я заметил княгиню Трубецкую, Плаксина, Минцлову, Курсинского, Саводника (еще Бугаев 2-ой, Петровский), члены Психол. Общества были почти все. Доклада не понял никто.

Во время антракта все жаловались, что в докладе нет складу. Герье спрашивал меня, что это меня не видно. Лопатин тоже что-то лепетал. Возражать сначала решился один Бугаев с точки зрения монадологии, конечно, говорил много, скучно, словно „резинку жевал“, как о нем выражаются.

Д. С. говорил, как верующий, Бугаеву это было просто невдомек. Спор вышел совсем нелепым, ибо говорили на разных языках. Возразил и Герье, по-профессорски строго... — „Дело идет не о том, ошибся ли Петр Великий, а о том,

впали ли в ошибку в ы". Еще после говорил Трубецкой (сносно) и младший Рачинский (очень плохо). Было уже очень поздно, когда выступил было С. Шарапов в защиту славянофилов: его не стали слушать.

После лекции мы, скорпионы, влекли было Мережковских с собой, а члены Псих. Общ. — с собой.

Устроилось примирение и нелепейший общий ужин в „Славянском“. Участвовали: Мережковские, С. А. Поляков, Балтрушайтис, я, Ю. Бартенев, С. Шарапов, Бугаев, Трубецкой, Лопатин, Рачинский.

Примирить элементы не было возможности. Бугаев опять говорил с точки зрения монадологии. Мне было это мучительно, ибо когда-то я сам был ученик Лейбница. З. Н. пыталась устроить общий разговор, задав вопрос о браке, ничего не вышло. После Бугаев рассказывал о своих столкновениях с чортом — любопытно. Еще после читали стихи: я, З. Н., Балтрушайтис. Окружающие, разумеется, ничего не поняли. Я беседовал с Лопатиным о астральном теле, он выражался очень осторожно. Трубецкой сделал большую неловкость, прочтя свою пародию „Молитва Розанова“, а Рачинский еще большую, прочтя свою пародию на декадентов. Но Зиночка его срезала:

— Вы написали это давно? лет 10 назад?

— Нет, лет 5...

— Ну вот, тогда бы и читали...

В 2 часа Мережковские „удалились во внутренние апартаменты“.

Мы четверо (я, С. А., Юргис и Ю. Бартенев) поехали еще к Яру...

Следующий день в воскресенье опять завтрак в „Славянском“. М-их звала к себе Александра Алексеевна Андреева на утро, но они не пошли.

— Там надо представительствовать, — говорил Дм. Серг., — а я уже не могу.

С Зиночкой мы говорили о сонетах и рифмах, о Жюле Верне и Уайльде.

Вечером я обедал с ними у О-вой, а после вчетвером (М-ие, я, О-ва, Евг. Дм.) были в Худож. театре на „Дяде Ване“. Мережковский ужасался на пошлость пьесы...

Я проповедовал им Фета, коего они не чувствуют.

Зиночка, словно устала представительствовать и, чувствуя что ей уже не сыграть ловко своей роли утонченной жрицы^{bl} была намеренно груба.

— У меня живот болит. Не удивляйтесь, у нас у всех принято говорить, когда живот болит.

Митенька не давал ей есть лишнее.

— Ведь тебе вредно.

— А я хочу.

В театре, кривляясь, как провинциальная барышня, лепетала:

— Останемся на 4-ый акт. Хочу слышать сверчка. Хочу сверчка. Но мы не остались.

Ужинали опять у О-вой. Говорили о разных философских тонкостях.

— Оставьте, я тоже умею вывертываться, но мне страшно. Вы мне говорите мои мысли пять лет назад.

Волынского ругали страшно.

— Я не хочу печататься под одной обложкой с ним.

Я не посмел сказать, что в „Северных Цветах“ будет Волынский.

В понедельник опять завтрак, опять речь о рифмах, и о Жюле Верне, и о любви. Вечером провожали. Пили шампанское неумеренно... Прощались трогательно, чуть ли не со слезами, уговорились издать их стихи.

— Мы в ваших руках, — говорил Дм. С., уезжая.

А я провожал г-жу О-ву и она говорила мне пьяным языком:

— Мне ваши глаза очень понравились.

У этой О-вой я был на первый день рождества. И она тотчас нарасказала мне о М-их, что ей доподлинно известно...

1902 г.

Январь.

Приезжал Вл. Гиппиус. Все более и более теряет своеобразие. Женился и скоро будет „как все“. Не лишен еще ума, но уже почти не пишет стихов. От литературы как-то отстал.

Приезжал Перцов хлопотать о издании журнала, „Современника“...

Печатаю свои рассказы в „Русском Листке“. Там встречаюсь с бр. Облеуховыми, Медведским и др. Приходил ко мне с визитом Ачкасов.

Бываю в Литературно-Художественном Кружке; слушаю нестерпимо пошлые рефераты и нестерпимо пошлые возражения на „вторниках“. Скучно... На последнем вторнике был Гославский, напившийся дико пьяным и дико моргавший, и Далин-Линев. День был тотчас по закрытии „России“. Газету читали все в читальне, но никто не соглашался прочесть вслух („тут об особе государя“, говорил Сахаров) и все смотрели из-за плеча. За ужином Ермилов начал речь.

— Одна из наших газет, м. м. г., как вам известно, недавно „ослабла“...

Этот эвфемизм привел в ярость Ященко. Вообще Ермилов предложил тост за Далина-Линева, сотрудника „России“. Но тот испугался и отказался.

Еще была там сестра Андреева, милая и простенькая, как „барышня“.

В „Русском Листке“ очень на меня нападают за то, что я участвую в Художественном Кружке. Партия враждебная.

Возобновил я хождение в Архив. Хотел было совсем отказаться, но Петр Иванович взмолился. — Но я должен буду на лето уехать. — Уезжайте. — Но мне надо будет скоро уехать в Петербург. — Поезжайте. — Но я не могу ходить к вам каждый день. — Ходите не каждый. — Что поделаешь!

Неожиданно пришлось прочесть реферат в Худ. Кружке. Я обещал, но полагал, что будет это не раньше как недели через две. Неожиданно, вернувшись домой часа в 4, нахожу телеграмму, просят читать „завтра“. Что делать? Утром написал, а вечером читал. Тем более, утром приезжал просить сам Я. А. Фейгин.

Сошло сносно. Было не мало приятелей. Возражал яростно Виктор (а перед этим подходил познакомиться), бранно Френкель, и дружелюбно Фейгин, Курсинский и еще кто-то. Я дал тоже яростную отповедь. Рукоплескания. Г-жа Крандиевская подходила благодарила.

На чтении П. Д. Боборыкина был представлен сему мужу. Хотел говорить, но он говорил сам, долго, долго, много, много. Возражал ему, между прочим, Ященко. Возражал так: — „Вы советуете писателям устраивать съезды и синдикаты, но ведь русское правительство относится враждебно к съездам и к писателям. Пока режим не переменится, ничего благого не осуществится“.

Дня через два Ященко посадили, и Чулкова, но по другому обстоятельству, по делу о готовившемся (по слухам) московском бунте с набатом и знаменами.

Ю. П. Бартенев, прочитав мой рассказ „Мраморная головка“, прислал мне в подарок тот бюстик, который дал повод написать весь рассказ — Мино де Фьезоле...

Февраль.

Поездка в Петербург.

В поезде болтал с Клодтом, везшим декорации к Эрмитажному спектаклю — „Фауст“.

Остановился в Северной. Недорого. Пошел к П. П. Перцову. По дороге встретился с Апп. Коринфским. Все тот же.

„В лучах мечты“ не издает, но „Волжские картины“ пишет. — „Спят еще. Они раньше 3-х никогда не встают“. Пошел к Во-лынскому, который здесь же в Палэ-Рояле. Говорил о литературе. Бранил Мережковского опять. В Зиночке есть что-то (все же!) наивно-детское. Хвалил очень меня. Недавно ему Черниговец (!!!) читал мою поэму. Занят он русской иконописью. Едет на Афон и в Палестину.

Обедал у Мережковских. Сначала долго беседовал с Зиной. Но поверхностно. Она спросила: — Как вам понравились „Небесные слова“? — Да не очень. — Что так? — Длинно.

Показывала она мне свой портрет во весь рост с хлебом и вином. Плохо, неинтересно. Пришел Перцов и Дмитрий Сергеевич. Говорили о журнале и только о журнале. То приходил в восторг, то отчаивался; и говорил, что не хочет, не надо никакого журнала. Насмехался над Максимом Горьким, говоря, что его изберут царем, если бы случилась революция. Восхищался очень Д. С. рукописью Бори Бугаева.

В воскресенье обедал с Перцовым и говорил о христианстве...

Вечером были у Мережковских. М-ий спросил меня в упор, верую ли я во Христа. Когда вопрос поставлен так резко, я отвечал — нет. Он пришел в отчаяние...

В понедельник ездил в Царское село, но Прибыткова не застал, он был в Петербурге.

Во вторник заходил к Ореусу; потом по книжным магазинам. Заезжал в редакцию „Правительств. Вестника“ к Случевскому — не застал, а Апп. Апп. Коринфский болен.

Затем был у Перцова. С ним в „Мире Искусства“, т. е. у С. П. Дягилева. Квартира обставлена с яркостью; вместо люстры дракон, стильные стулья и т. д. Но никого не было, хотя был редакционный вторник. Был только брат Дягилева, Ю. П...

Вечером были у Бенуа. Я ехал с Зиной и проповедовал ей. У нее болело горло, она не могла возражать и приходила в ярость. У Бенуа все просто, картинки по стенам. С Розановым говорил о Шперке, с Минским о Чехове ¹⁾. После с Нувелем и Нуροком о современной поэзии Верхарна, Гриффина, Демеля, Рильке... Они их знают хорошо. Еще после с Сомовым о живописи. Сомов — милый мальчик. Нувель — эстетик. Бакст — эстет с оттенком фатовства.

¹⁾ Хорош тот писатель, — говорил он, — читая которого неловко, словно тебя оголили; я это чувствовал, читая Чехова. — О Ибсене: Его речи перекричал Ницше.

В общей зале говорил Дмитрий Сергеевич о Павле (апостоле), что он не любит его, а предпочитает Иоанна.

Но у Павла „какая красота!“ — Вот сказался эстет, заметил Бенуа. Розанов говорил против евангелия, что в нем никто никого не любит. — Напротив, все влюблены, заметил Мережковский...

Бакст находит, что я лицом похож на Верлена.

В среду утром ездил к Ясинскому. Страшно далеко, у Черной речки, совсем за городом.

Ясинский странный, обросший волосами, и босой. Босыми ногами ходит он и по снегу из одного домика в другой. С ним некая молодая женщина. Кормил меня обедом, показывал своих Левицких, Тропининых и Боровиковских (все в plural), уклонился платить гонорар. Он постарел и отстал от века.

После был у Гиппиуса Вл. Он уныл, поссорился с отцом, говорит, что ему нужны деньги, деньги, что ему есть нечего. Он нигде не бывает, ибо у него больна жена... Читал стихи (все старые), и просил как бы преувеличенно смиренно, оценить их.

Еще после был у Ореуса. Там же был Дьяконов и С. П. Семенов. Показывали тетради юношеские Коневского. О нем с детства заботились и дар его лелеяли. Говорили в общеконсервативном тоне. Старый Ореус говорит медленно, глаза его тихо моргают, руки дрожат. В доме живет и бывшая гувернантка Вани. Отец многие из бумаг Вани переписывал сам (и прежде, при его жизни), при этом Ваня очень спорил против малейшей перемены.

В четверг утром были у Добролюбовых. А. М. Добролюбов обвиняется в оскорблении святыни и величества. Дома тоже перебил иконы... Ему грозит каторга. Отец Гиппиуса (Вас.) хлопочет, чтобы его послали на поселение. Мать, негодуя, хочет спасти его сумасшедшим домом.

— Гиппиус всегда был злой гений Саши, — говорит она... Я подала прошение в Министерство Внутренних Дел, где все это объяснила. Теперь Вас. Гиппиус мстит за сына. В доме все шушукаются, показывали мне письмо Георгия Михайловича и почему-то, как тайну. Потом позвали ко мне Александра. Он вошел или явился как-то неслышно: вдруг встал передо мной. Все такой же. Лицо исполнено веселия или радости. Тихо улыбается. Глаза светлые, радостные. Говорит тихо, мало. Перед тем, как отвечать, складывает молитвенно руки, словно размышляет или выпрашивает поучения от бога. Говорит на ты, называет, брат, говорит умно и, конечно, вполне складно. Прощаясь, целовал меня. Мать рассказывает, что один, он часто поет, импровизируя стихи. „Только бы записывать!“ — говорит она. К нему приезжали „разные лите-

раторы“, но он не пожелал их видеть. Со мной говорил с час; это исключительно долго...

Вечером был на религиозно-философском собрании. Зала с боксерским идиолом.

Спорили о благодати, о том, нужно ли священство, можно ли мирянину совершать проскомидию, о опера operata. Председательствовал арх. Сергей, ибо Минский болен. Священников было 5—6. Они чувствовали себя здесь кастой, скорее поучали, чем учились, отвечали, а не спрашивали.

Хорошо говорил один Мережковский — страстно, уклоняясь от схоластики. — „Всякий вопрос легко сделать схоластическим, но вы скажите нам просто — да или нет... Мы пришли сюда и научиться. Обличите нас. От того, что вы скажете, во многом зависит наша будущая жизнь... Но большинство пришло сюда, как на спектакль. Спорили о богословских вопросах, как в Византии. Модно. Я постигаю смак этого. Был Случевский и изрек: „неглубоко“ (он первый раз). Тернавцев говорил пусто, с банальной хлесткостью. Андреевский важно, но глупо. Розанов молчал. Прощаясь, поцеловал меня. Так мы больше не увидимся? спросил он.

— В сей жизни не знаю, а в будущей уповаю, — отвечал я.

Еще заметил я Бенуа, Нувеля, Меньшикова.

После собрания пили чай у Мережковских. Д. С. заинтересовался Добролюбовым: „Может быть, у него подлинные откровения“. Ушел рано спать. А с Зиночкой мы втроем (с Перцовым) говорили до 4-х часов.

Разбирали меня и осуждали. Она читала свои пародии — очень милые. Говорили о искренности. Зиночка говорила: Если скажут, что декадентствующая христианка, что я в белом платье езжу на раут к господу богу — это будет правда. Но если скажут, что я искренна, — это тоже будет правда. В ее пародии она изображена под именем Гизиты, „бывшая декадентка, теперь неохристианка“.

В пятницу развозил книги по магазинам. Был у Корина. Ожидал встретить юношу и вместо того увидел немолодого учителя, гнусного вида, обедавшего и просившего позволения „воздать честь стомахе“. Бежал от него.

Был у Сологуба. „Лежит у себя в берлоге и сосет лапу“ определяла его Зиночка. Выглядит истинным инспектором. Говорили с ним сдержанно. Спросил его, почему он не участник религиозно-философских собраний.

— Ленин я просить, но очень интересуюсь.

Весьма скромно говорил о своих стихах.

Был у Рейнгардта и пугал его своими декадентскими взглядами. Но, кажется, Рейнгардт поэт по недоразумению. В его стихах прежде всего отсутствие поэзии...

Вечером был у Перцова. Сначала толковал с Колпинским о книжной торговле, после с Перцовым о конце мира.

В субботу был у Случевского. Встретил меня очень приветливо. Когда же я в беседе как-то высказал ему любезные мысли, что факт ничего не доказывает, что дух первее материи, он пришел в восторг.

— Вот видите, как мы с вами скоро спелись! Прочел мне целую свою новую книгу „Загробные песни“ свыше ста стихотворений. После слушал мои стихи и, как патриарх поэзии, поправлял их. Очень хвалил своего сына, лейтенанта С. (стихи) и стихи малой дочери своей. За завтраком пришла его дочь и некая гувернантка. Говорили о бессмертии души (по-французски).

На улице встретил Строева Вас. Очень звал меня к себе, но — не успел. Заходил в „Мир Искусства“ (заносил корректуру последней главы книги Мережковского, которая кончилась сперва словами „Помоги нам русская церковь, помоги нам русский царь“) — никого, совсем никого.

Уехал с Перцовым. Всю дорогу толковали о поэтах и о конце мира.

17 — 19 февраля. 1902 г.

Мережковский в Москве.

Утром в воскресенье завтракал с Мережковскими в „Славянск. Базаре“. Говорили опять обо мне, о том, что я никогда не искренен. Зиночка говорила еще, что только очень неумные и недогадливые ухаживают за ней. Потом были у них, ибо пришла О. Соловьева. Она была немного больна и напала на Дм. Серг. яростно. — „Вы притворяетесь, что вам еще есть что сказать. Но вам сказать нечего. У кого действительно болит, тот не станет говорить так много. Ну, говорите же, если вам есть что“. Мережковский уклонялся. „Я,—говорит он,—может быть, избран орудием, голосом. Я — бесноватый. Через меня должно быть все это сказано. Может быть, сам я не спасусь, но других спасу...“

На лекцию собралось довольно мало, — много меньше, чем к Флексеру...

Во время перерыва Мережковского посетил Ю. Бартенев, и М-ий вдруг накинулся на него, обвиняя Д. А. Хомякова и Н. М. Павлова в доносе и шпионстве (на Рел. Фил. Общ.). „Юшенька“ был очень обижен. На другой день он уже говорил мне: „Скажу вам, как цензор, лекция Мережковского — мерзость! Он не маленький! Должен сам понимать!“

Во вторник у Мережковских был Боря Бугаев, и они просили никого не приходить. На вокзале провожали их я и О-ва. Я сказал Зиночке: „Вы не обратили меня ни к чему, но кое от чего отвратили уж навсегда...“.

В четверг был у Ю. Бартенева и встретил там Н. В. До-секина. Я ужаснулся, когда и он стал говорить о конце мира и антихристе. Впрочем, человек умный и образованный.

15 марта.

Бальмонт в Москве.

Бальмонту дозволено было уехать за границу и проехать через Москву, о чем он меня известил через Люси Савицкую. Решено было, что он проведет ночь у меня.

К его приезду приглашены были к нам на обед к 7 ч. — Бахманы, Юргисы, Дурнов, Т. А., Ланг, Минцлова, Курсинский, А. А. П. Обед прошел довольно скучно. Бальмонт читал бесконечные свои переводы из Шелли...

Я встречал Бальмонта на вокзале. Приехал он с Екатериной Алексеевной. Москве Бальмонт радовался, как давно невиданному.

После ужина читали много стихов, но все не очень оживленно.

Когда все разошлись, Бальмонт настоял, чтобы мы пошли с ним на волю. Пошли в Эрмитаж вдвоем. Он спросил английской горькой...

Ко мне Бальмонт не хотел возвращаться ни за что. Было уже 9 утра. Я привел его почти насильно, но он едва лег, тотчас встал и бежал... Против ожидания, часам к 3 он пришел. Но оказалось, что он выписал из Шуи свою мать. Я поехал за ней. А Бальмонт остался у меня... Матери Бальмонта я не нашел, вернулся и не знал, что с ним делать... Он утверждал, что останется в Москве: „Мне все равно“. По счастью, мать его приехала к нам, женщина властная и вроде него. Сначала он не хотел и подойти к ней, но потом расплакался, размягчился.

— Костя, пора на вокзал, — скомандовала она, и Костя повиновался.

На вокзале встретила Екатерина Алексеевна... Мы его усадили, он уехал.

Между прочим, этот самый поезд потерпел крушение под Смоленском, но Бальмонт уцелел. „Быть может, самым адом он храним“ — написал мне Курсинский.

Перед приездом Бальмонта был в честь его вечер у Бахмана, где читалась новая книга Бальмонта, пока рукопись, „Будем как солнце“. Был Тор Ланге, прельщался моим знанием латинского языка, подарил мне свое издание Катутла и Тибулла с надписью: *poetae et philologo*.

Заходил по делам к Шенроку. Скучный и обыденный говорун.

Конец марта.

Сергей Александрович все был болен. Посещал его в Таганке и в больнице. Он занимается усердно персидским

языком, а в связи с ним арабским и санскритским. Я ему подарил, купив на вербе, дюжину китайских книг; должно быть, русские солдаты из похода вывезли.

Юргис уехал в Италию.

Вышли „Северные Цветы“ 902 г. Пока мало еще толков. Только Юрий Петрович очень ругался, до того, что после написал мне извинительное письмо.

Были у меня как-то: Каллаш, Айхенвальд, Саводник и др. Каллаш был смешон, ругая всех дураками и говоря о Барсукове, — что у него „наука мозг выела“.

Поездка в Италию

май, июнь.

(Выехали 5 мая вернулись 11 июля).

Случайно я не захватил с собой этой книжки и потому ничего не записывал в нее в Италии. Мои итальянские впечатления — см. в моих корреспонденциях в „Русском Листке“, в отдельных заметках, в стихах.

Всего более по сердцу прилась мне Венеция. Люди выведены здесь из обычных условий существования людей и стали потому немного не людьми. При всей своей базарности Венеция не может стать пошлой. И потом: это город ненужный более, бесполезный, и в этом прелесть. Еще: это город единственный — без шума, без пыли. Прекрасно в нем деление на две части: город для всего грязного, это город каналов; город для людей, — это улицы. Мечта Леонардо! Только иностранцы пользуются гондолами, да очень богатые собственники. Средний венецианец живет на улице. Венецианцам не было пути в ширину — и они ушли в глубь, в мелочь, в миниатюру. Каждая подробность в их создании прекрасна, и именно подробности-то и прекрасны. Из художников очаровали меня здесь Беллини и Тинторетто.

После Венеции даже Флоренция показалась грубой и грязной. Конечно, ее галереи потрясающе, особенно Uffizi. Милан произвел мало впечатления, он слишком европейчен. „Тайная Вечеря“ — то же, что ее воспроизведения, ибо вся тонкость работы стерлась. Жили мы еще на Ривьере. То же, что наш Крым — особенность лишь в более пышной растительности.

В Венеции мы жили на calle Vallaresso, 1326 (улица вина, а рядом улица san Moise — разврата); во Флоренции — via Nazionale, pension Norchi, в San Margherita Ligure, в гост. Roma.

Венецию мы узнали, как Москву (нас было трое: я, жена, Надя сестра), полюбили ее, гордились своим знанием и любовью. До сих пор изо всей Италии мне жаль одной Венеции... „Зачем я здесь, не там!“ Узнав о падении колокольни, мы опять поехали туда, провели там сутки, почти плакали на развалинах. Без *campanile* — *piazza* потеряла единство, — задний план был декорацией, фасадом *S. Marco*; теперь впечатление дробится, ибо виден и дворец дождей. С моря Венеция принизилась, словно изувечена.

В Венеции мы жили одни. Работал я мало. Целые часы мы проводили в церквах, на вечерне, или на мостах, следя гондолы. Встретились только с Лидией Лебедевой, дочерью переводчика Красинского и самой переводчицей. Я спрашивал письма: „*ferma in posta*“. Она услышала фамилию.

— „Валерий Брюсов? Поэт?“ Я сознался. Она два дня надоедала нам: рассказывала о Пшибышевском; в голове у нее Пшибышевский и Метерлинк рядом со Спасовичем. Бальмонт (ее дрюродный брат) — с Анг. Богдановичем. Вообще она жаждет знакомств с великими людьми. Взяла у меня автограф.

Во Флоренции повстречались с Юргисами... Жили с ними до конца. Сроднило нас в *S. Margherita* купанье. Купались мы впятером с лодки (дамы раздевались на утесе). Расставшись с нами, Юргисы поехали в Швейцарию на *Achensee*.

Приехав из Италии, нашел письма от Перцова и Зиночки. Перцов извещал, что „Новый Путь“ разрешен. Он имел личную аудиенцию у Плеве¹). Хлопотал ныне всесильный Мещерский. Плеве задал ряд хитрых вопросов, быстрых, как на следствии, дурно отзывался о „Мире Искусства“ и Розанове, хорошо о Мережковском. — Зиночка писала о том же, но больше была в упоении от своей поездки ко граду Китежу, на Светлояр озеро. Потом Перцов был у меня. Провели с ним три дня... Ездили искать денег к г-же О.

Август.

Заходил ко мне Илья Петрович Дергачев — не знаю ли я, где похоронена К. К. Павлова. Потешный старичек, дарящий свою биографию, писавший о иссопе и посещающий могилы всех поэтов.

¹) Перцов был у меня и перед нашим отъездом в Италию. По его словам, „Новый Путь“ не был разрешен Сипягиным лишь по недоразумению: его, Перцова, смешали с другим Перцовым. Стараниями Шаховского добились, что Сипягин назначил второй доклад о том же. Но едва ли не в этот же день был убит.

В те же дни был у меня Бугаев, читал свои стихи, говорил о химии. Это едва ли не интереснейший человек в России. Зрелость и дряхлость ума при странной молодости. Вот очередной на место Коневского! Тогда же усердно посещали меня мои поклонники: поэт Гофман и студент Пантюхов.

Сентябрь.

Присутствовал на одном заседании Худож. Кружка, где обсуждалась судьба „вторников“. Председательствовал Южин и держал себя очень парламентски. Говорил речи к собранию, словно к „народу“ демагог. Я был среди крайней левой, с Любошицем и приятелем сестры Андреева. Но мы потерпели неудачу. Большинство все отдалось в руки дирекции. Присутствовал П. Д. Боборыкин, с которым мы обменялись полусловом.

Неожиданно, однако, дирекция в число членов комиссии избрала и меня. Я был на первом заседании. Говорились глупости. Я молчал. Еще упорнее молчал Леонид Андреев, коего я здесь видел впервые. У него лицо газетного мастерового и длинные волосы — провинциализм. Мы не познакомились. Я его рисовал. Заметив это, он позировал.

Приходила некая г-жа Розенберг, Клара Бор., говорила о Чулкове и Ященко, как их сослали. Потом пришло письмо от Чулкова из Якутской области, веселое. Просит послать ему книг. Держусь за этот уголок мало мне доступного мира.

Перцов появлялся еще раза два. Все тот же. Зиночке писал дважды и оба раза не мог удержаться от горьких слов. Она назвала мои письма „задевательными“.

В Москве Семенов, Мих. Ник. Мы с ним, встречаясь, тотчас спорим. Он меня раздражает своей сытостью, самоуверенностью и трехмерностью. Сергей Александрович уверяет, что он иной.

Я устроил у себя *jours-fix*. Бывает всегда Курсинский, часто Гофман, затем Балтрушайтис, С. А. Поляков, Ланг, Черюгубов, Саводник, Каллаш... (позднее Пантюхов и Койранские).

Октябрь.

Пришлось познакомиться мне с целым рядом новых и молодых. Два Койранские — слишком молоды, но не лишены каких-то порывов, особенно младший, художник, — он острее. Пантюхов, толстый, неповоротливый, но странно любящий „новые“ стихи. Затем приходил Бородаевский — его стихи довольно жидки, — как лицо, он интереснее, но немного. Еще какой-то из Вологды Ремизов. Они сидят там, в Вологде, выписывают Верхарна, читают, судят. Этот Ремизов немного растерянный маньяк. Из Сибири неожиданно на одну среду явился Ященко, тоже растерянный, увлеченный хаосом событий, но мечтающий, отравленный ядом революционерства, но способный чувствовать и дышать. Всех этих мелких интереснее, конечно, А. Блок, которого я лично не знаю, а еще интереснее, вовсе не мелкий, а очень крупный Б. Н. Бугаев — интереснейший человек в России.

Одно время я со всеми ссорился. Разошелся с „Русским Архивом“ и „Русским Листком“, очень поссорился с „Новым

Путем“, написал бранные письма Ясинскому и др. Чуть было не наговорил вещей очень жестоких Юшеньке Бартеневу. Но он сбавил тон и тем спасся. Когда я сказал ему, что он, в своих идеях, заодно с великим инквизитором, он, видимо, был уязвлен жестоко.

В Художественном Кружке — вторники. Идиоты говорят глупости, в этом проходит вечер. Хлопают тому, кто скажет поглупее. И неистовствуют от радости, если оратор косвенно заденет, плюнет на правительство или христианство. Дурнов построил очень плохой театр (Омон) — банально-декадентский.

Н о я б р ь.

На вторниках в Литер. Худож. Кружке познакомился с Койранскими братьями, поклонниками „нового“. Младший, художник, очень молод и небезинтересен. Старший, философ не слишком, да, кажется, и не слишком умен. У него на столе портрет Воынского и это его идеал. Конечно, поклоняется Спинозе.

Юргис Балтрушайтис был в понедельник у Андреева. Там были все великие: Скиталец, Горький, Шаляпин, Бунин etc... Видел их всех, кроме Горького, на первом представлении „Власти тьмы“... Скиталец (Петров) гордо шагал между публикой. Там же мило беседовали мы с Саблиным и... Баженовым. Сей последний интереснее, чем можно было думать.

На другой день в Худож. Кружке виделся с Ремизовым, моим поклонником из Вологды. Пришел к „нам“ из крайнего красного лагеря. Говорил интересное о Н. Бердяеве, Булгакове и др. своего, Вологодского кружка.

Еще был у меня Бородаевский.

13 н о я б р я.

Петербург. Вчера приехал. Мережковские приняли меня как ни в чем не бывало, как старого друга. „Что вы! что за доклады! садитесь и рассказывайте“. Впрочем, Зиночка добавила: „Надо всегда так себя вести, чтобы, если даже что и знаешь, казалось, что ничего не знаешь“. Говорил с Зиночкой два часа, у них обедал, был до 12 etc., etc.

Перцов представлял меня всем, как секретаря „Нового Пути“. Видимо, хотят меня заставить согласиться с совершившимся фактом. Видел я типографию, вороха корректур и Литературную Книжную Лавку. У редакции есть своя кошка „Мопассан“, клеенчатый диван и медная доска, за которую резчик спрашивает 35 руб., а домохозяин не позволяет повесить.

— Какие мы все несчастные, — говорил Мережковский, — это даже умирительно! Перцов несет свои какие-то три тысячки, дрожит, мы все отдаем всю свою работу, нас мало, мы смешны,

а там, Максим Горький, Андреев... И ясно, что мы можем ожидать одного мученичества.

Мережковский значительно изменился. Ругал „попов“ нещадно и говорил, что он неисправимый „либерал“. „Их дело святое!“ (его слова).

Н о я б р ь, 16.

Продолжаю торопливо обегать всех.

Был у Воынского. Он занимает жалкую комнатку, где некрашенный стол, складная кровать и единственный стул. Посадив меня на него, он сам должен был сесть на кровать. Он кривлялся, как паяц, сдвигал кожу по всему лицу и, плюясь, ругал всех кругом.

Был я на XIII Религиозно-философском Собрании. Отношения явно изменились. Как и должно было быть, между церковью и светскими явился раскол. Шла речь о браке. Доклад Розанова (прочитанный, сам он не был, ибо у него больна жена) произвел бурю. Отец Михаил, не разобрав, заявил, что с критикой Розанова согласен. Миролюбов заметил, что зато Розанов с Мережковским наверняка не согласен. Мережковский вскопчил и кричал, что он с Розановым не согласен, но что Розанов ближе ему и более верующий, чем церковники. Заговорили о романсе „Жил на свете рыцарь бедный“. Мережковский говорил, что это идеал святости, Михаил, что это содомский грех, и что М-кий проповедует идеалы Ставрогина. М-кий опять вскакивал и кричал, что „позвольте, это уже ложь! на живого так нельзя говорить“, вообще почти готов был заняться скандал. Скворцов, Антонин и др. дополняли картину. Минский тщетно звонил в председательский колокольчик.

После заседания был у Мережковских с Перцовым и Дм. В. Филосовым и спорил до 5 утра с Зиночкой, вернее — ругался. Шла речь о том, печатать ли „Allegro“ и ей подобных. Перцов уверял, что это для них „святое дело“, ибо они жертвуют своими эстетическими требованиями, чтобы слиться с обществом.

Был у Случевского на пятнице. Сначала все шло пристойно. Читали стихи — плохие, конечно. Я читал „Склеп“ и под. Был Минский и Сологуб. Он за мной ухаживал. А Мейснейр, приглашая к себе и в Петербург и куда-то в Новгородскую губ., — „за честь почту“.

Но за ужином началось нечто чудовищное. После неприличных стихов Мятлева, Черниговца и Бенедикта начали рассказывать анекдоты, один неприличнее другого, один пошлее другого. Все „помирали“, хохоча. И это длилось, длилось, длилось... „А вот еще...“ „А вот это знаете“. „А вот...“ И хохот, хохот, хохот...

Был Пóрфи́ров, милый мальчик, говорящий о невесте своей, с книжкой стихов Романовой.

Был еще у Минского. Занимают роскошное венецианское палаццо на Английской набережной. В окно видна Нева. Людмила подражает Зиночке, лежит на кушетке у камина. Читал ей опять „Склеп“. Она говорила декадентские слова и кокетничала по-декадентски. (Р. С. Я ее не узнал в философском собрании! Конечно, обратил это в шутку или даже красоту, уверяя, что она стала совершенно иной). У нее были братья Рафаловичи Поэт (кого видел я у Случевского), по определению Зиночки, похож на свой собственный профиль. Впрочем, говорили с ним о Верхарне, Гриффине, Ренье, Ретте, Сегарде, Ст. Георге, Гофманстале, Мюссе и др. С Минским говорили о марсианах и Добролюбо́ве. — В тот день после опять был у Мережковских, опять ругался, но Дм. Серг. был ужасно мил и становился передо мной на колени, умоляя жить в Петербурге.

Н о я б р ь, 20.

Бакст нарисовал прекрасную „марку“ для журнала. Мережковским она очень понравилась. Но Перцов отверг ее решительно за декадентство.

— „Это будет не „Новый Путь“, а „Мир Искусства“ или „Северные Цветы“.

Опять спорили очень. Перцов написал приглашение Дедлову. Говорили о страшном суде. Мережковский убежден, что он наступает для каждого тотчас после смерти. Почему-то Мережковский умолял меня быть в журнале:

— Ну хотите, на коленки стану.

И он действительно стал.

Был Карташев, хорошо говоривший против церковных учений, и m-lle Овербек, бывшая подруга Зины.

Еще раз был у Минских — долго. Минский говорил „философские разговоры“ о пространстве etc. Отрицал Вл. Соловьева. — Разве это философ? просто милый человек. В первый раз слышу о философии, основанной на стыде. Стыдная философия. Жаловался, что его „философию религии“ не прочел никто. Я выдумал, что видел где-то в библиотеке экземпляр „Мира Искусства“, где его статья испещрена заметками. Он был доволен. Поносил Волынского. Людмила за мной ухаживала и проводила меня в театр на „Ипполита“ (плохое зрелище).

Был в „Мире Искусства“ на редакционном „вторнике“. Были Философов Д. В., Дягилев С. П., толстый господин Х., Бакст, после Нувель. Со мной был Семенов. Говорили о московской выставке „Мира Искусства“, о которой шумят газеты, о том, закрывать ли литературный отдел в „Мире

Иск.“ — я очень советовал не закрывать. Меня очень просили не оставлять сотрудничества. Спорили много о индивидуализме. Дягилев менее мне понравился чем Философов, очень он „Сереженька“. А Философов поразительно „тонкий человек“. Все же в атмосфере „Мира Иск.“ дышу легче, чем у Мережковских.

С Перцовым решали о рекламе. Решено истратить 1200 р., а всех денег 3000 р. Цензура, в лице своего цензора, притесняет, обижается, что многие статьи были поданы прямо в духовную цензуру Антонину — но теперь улаживается.

Вообще декабрь.

Ездили к Добролюбову. Он в сумасшедшем доме. Но уже и доктора согласны, что он здоров. Добролюбов рассказывал мне свою жизнь за последние года.

Ушел он с намерением проповедовать диавола и свободу. На первом пути встретил некоего Петра, человека неученого, но до всего дошедшего. Он многому научил Добролюбова. Когда же Добролюбов открыл ему свои тайные мысли, Петр соблазнился и оставил его. В Соловецком монастыре Добролюбова совсем увлекли. Он сжег все свои книги и уверовал во все обряды. Только при втором пути он немного стал освобождаться. Многому научили его молокане... Когда его арестовали, он на суде не был осужден. Его только обязали подпиской не выезжать. Он долго жил в Оренбурге, наконец, понял, что больше нельзя. Пошел и заявил, что уходит. Ушел. Но через два дня его арестовали и отправили в Петербург. Теперь Добролюбов пришел опять к уверенности своих первых лет, что бога нет, а есть лишь личность, что религия не нужна, что хорошо все, что дает силу, что прекрасны и наука и искусство. Летом Добролюбов посылал даже мне какую-то рукопись для напечатания, но она не дошла до меня. Он читал свои стихи, изд. „Скорпионом“, и находил, что „многое в них верно“. Д. намерен вернуться в жизнь интеллигенции. Осталось от всего лишь опыт и уверенность, что все „разными языками говорят одно“...

Еще Добролюбов мне рассказывал, что его первоначально очень томил „бес сладострастия“. Но после это прошло. А еще после опять вернулось. И он стал размышлять. Почему соитие с одной женщиной не блуд, а со многими блуд? Ибо все — одно, телесность, множественность тел — призрак. И пришел к убеждению, что соитие со многими не грех. Отсюда началось его разочарование в своем учении.

В другую пятницу у Случевских были дамы, и позорных анекдотов не рассказывали. Была Лохвицкая. Она постарела, обабилась, обельфамилась.. Я только что написал злую

рецензию на ее сборник. Чтобы смягчить будущее впечатление, я подсел к ней и рассказал все, что писал, в виде речи. Она удивлялась. После говорили с ней о садизме и это было довольно интересно.

За столом зашел спор о боге (дамский разговор!). Спорили Мережковский и Минский. Говорили о связи тела и духа. Сам Случевский наскочил было очень отважно, во всеоружии своего диплома, на Минского.

— Так вы говорите, что кроме плоти и духа нет ничего. Однако. Вот вам, например, цифра 2.

— Браво, — отвечал Минский, — вы нашли третье. Это категория, которая связует то и другое.

— Поищем, найдем еще, — сказал Случевский.

Но сколько ни искал, ничего не нашел больше и остался посрамленным.

Мережковский защищал мнение, что муки ада будут телесные, будут котлы с кипящей смолой и комнаты с пауками. Над ним смеялись. И Минский тоже (который вообще нападает на ненаучность Мережковского).

— Помните, Дмитрий Сергеевич, — сказал он ему, — вы юродивый! — Есть вещи столь страшные, что о них надо говорить смеясь, — отвечал Мережковский. Я вполне искренно сказал Мережковскому, что он достиг своего апогея. Все, что он говорит, — хорошо.

Недавно мы спорили о чудесах, обычно до 4 утра. Мережковский отрицал чудеса Христа, я защищал, т.-е. реальность их. Мережковский говорил: — „Некоторые создания искусства как бы провалы в иной мир. Такова Монна Лиза. Христос был таким провалом. И всем казалось, что все вокруг него чудесно, что мертвые воскресают, слепые прозревают, что сам он ходит по водам...

В Петербурге жили мы вместе с Семеновым, который хлопотал о „Номо Sapiens“. Бывали вместе у Зверева. Семенов оказался лучше при ближайшем исследовании... Нам случалось с ним говорить до утра за бутылками вина и рассказывать друг другу свои любовные истории.

С ним был я у некоего Святловского, где собрались либералы. Пришлось опять ругаться. Я даже забыл, что возможны такие точки зрения, с которых Конт есть идеал мудрости, а Шелгунов идеал таланта. Но почему у них бывает Ребиков?

В кружке Полонского, где разбирали Мережковского, я не был. Он рассказывал, что от него досталось „всем сестрам

по серьгам“. Так, глядя на Боборыкина, он сказал: „не говорю эволюция, ибо это слово слишком опозорено“.

Зиночка очень много потеряла, стала мягче и скучнее. Говорит о божественности. Словно у нее жало вырвали.

Был на понедельник „Мира Искусства“. Познакомили с Шестовым-Шварцманом. Говорили с ним и не сошлись. Видел Билибина. Оброс бородой. Вспоминали Ореуса. Был князь Трубецкой скульптор. За ним очень ухаживали, а он был, как гигантский теленок.

У Минских встречал Рафаловича. Знаток французской поэзии, вообще словно мелкий поэт из „La Plume“.

Другой раз на Религиозно-философском Собрании было скучно. Присутствовал Исидор. Мережковский очень его ругал, кричал, требовал, чтобы церковь была свободна от государства. Но потом просил извинения у Исидора, они лобызались и проливали слезы умиления.

С „Новым Путем“ в цензуре было тысячу анекдотов.

1902 — 1903.

В Москве. Рождество.

Дек. 1902, Янв. 1903.

Вернувшись в Москву, я против воли опять завертелся — клуб, „Скорпион“, клуб... Пришлось мне несколько раз встречаться с П. Боборыкиным и в клубе, и в Славянском Базаре. Около этого времени поставили „На Дне“ Горького, и Боборыкин очень негодовал.

— Всего лет пять пишет! Я вот сорок лет пишу, 60 томов написал, а мне таких оваций не было.

Семенов сказал, что Горький — современный Марлинский.

— Нет-с, милостивый государь, — возразил Боборыкин, — Марлинский был человек образованный и с талантом!

Утешая Боборыкина, говорил я ему, что у нас в семье свято чтут его имя. Он был тронут и ушел.

Читал Боборыкин лекцию о рецензентах, ругая их. И его не пощадили. Любошиц заругал его жестоко. — Вы говорите, сказал он, как защитник от рецензии? Я вам дам совет, не писать плохих драм. И могут ли что сделать рецензии? Вы же сами бранили Ермолову в рецензиях, а она все-таки великая артистка.

Боборыкин весь задрожал, утратил дар слова, стал что-то выкрикивать, плюясь, задыхаясь. „Вы не имеете права“ и т. под.

Еще я видел его у Бальмонта. Бальмонт читал перевод „Врач своей чести“. Боборыкин терпел два акта, но больше не выдержал и ушел.

О моем чтении о Фете в Кружке и о „Монне Ванне“ см. мои заметки в „Новом Пути“, № 2.

Бальмонт приехал за день до моего чтения, но не был на нем из-за флюса. Я видел Бальмонта раза три. Он был уныл, скучен, вял...

Совсем было собрался я уезжать в Петербург, как случилась смерть М. С. Соловьева и Ольги Михайловны. Я был на похоронах. Бугаев держал себя торжественно, Сережа очень странно. Речей не было.

Из мелочей: На похоронах Аксакова говорил я речь; московских спиритов почти не было. Познакомился с Щеголевым (пришел ко мне), Ремизовым и художником Срединым.

На одной „среде“ у Телешева я читал о искусстве. Были: Найденов, Михеев, Бунин № 2, Кожевников etc., etc., Было скучно. Они относились ко мне очень мило.

1903 г.

Я н в.-ф е в р.

Петербург. Жил в Пб. еще три недели. „Новый Путь“ стал на ноги. Подписчиков прибыло при мне до 1700. Каждый день по 20 — 30. Перцов принял деловой вид. Мережковский самоуверен, хотя намекал уж, что надоело ему быть без гонора. Были всякие внешние дела. Отказался Пирожков и мы взяли на себя всю контору. Минский негодовал: платят за квартиру 150 р., а гонорара не платят. Меняли конторщиц раз пять и т. д., и т. д.

О Философск. Собр. и о выставке Совр. Иск. написал я в „Русский Листок“. На последней встретился с кн. С. А. Щербатовым.

Был раза три в „Мире Искусства“. Неинтересно. Ссорятся они на оба фланга — с Мережковским и с Бенуа, с религиозными писателями и с эстетам. Мережковский ужасно обиделся на статью Шестова и написал Философову письмо на 10 стр. Тот ему в ответ и т. д., и т. д.

Мережковский, по обыкновению, говорил много и иногда хорошо. Раз он говорил о Христе, что в момент его рождения история словно ослепла, нет о нем ничего, документы молчали, у нее не нашлось глаз для этого вне-исторического явления...

С Иоанной Матвеевной ездил к Добролюбову. Та же трезвая проповедь любви и мира. Читал он нам свои новые стихи и рассказы — в старом стиле, немного разве проще. Стоило ли уходить в Соловецкий монастырь и на Урал, чтобы через 5 лет притти к старому.

Мережковский прочел „На дне“ и пришел в восторг.

— Это подлинное! Это написано тем, за его спиной (т.-е. чортом). О, это очень сильно!

В Петербурге познакомился и с Максом Волошиным. Юноша из Крыма. Жил долго в Париже, в Латинском квартале. Поэт и художник. Исходил пешком все побережье Средиземного моря. Интересно рассказывает о Андорре и Балеарах. Уезжает в Японию и Индию, чтобы освободиться от европеизма во всем. У него были рекомендательные письма ко всем, к Мережковскому, Минскому, ко мне... В Петербурге он не очень понравился, но Москва носилась с ним почти три недели.

Борьба в Москве.

Февраль-март.

Борьба началась еще до моего приезда — лекцией Бальмонта, в Лит. Худ. Кружке. И шла целый месяц. Борьба за новое искусство. Сторонники были „Скорпионы“ и „Грифы“ (новое книгоиздательство). Я и Бальмонт были впереди, как „маститые“ (так нас называли газеты), а за нами целая гурьба юношей, жаждущих славы, юных декадентов: Гофман, Рославлев, три Койранских, Шик, Соколов, Хесин... еще М. Волошин и Бугаев. Борьба была в восьми актах: Вечер нового искусства, два чтения Бальмонта в Кружке, чтение в Кружке о декадентах, чтение о Л. Андрееве, две лекции в Истор. Музее, два чтения Бальмонта в Общ. Люб. Росс. Словесн. и „Chat Noir“. Вечер Нового Искусства для меня прошел очень неприятно. Я хотел прочесть что-нибудь дерзкое, читал балладу „Раб“. Но публика дерзости не ценила и смеялась. Правда, поклонники, которых было много, устроили мне овацию, но быть осмеянным неприятно. Затем кончились чтения. Что бы ни читалось в Худ. Кружке, во время прений тотчас возникал спор о новом искусстве. В „возражатели“ записывалось десяток декадентов. И они начинали говорить по очереди о „великих“ Бальмонте и Брюсове, о сладости и святости греха, о историческом событии, что в таком-то году был осно-

ван кабачек „Chat Noir“ etc. Публика недоумевала, иным хлопала, иным свистала (особенно доставалось Шiku за его молодость, за его акцент, а он едва ли говорил не интереснее всех). Очень ругали декадентов газеты и критиковали. Возражающих иного лагеря было маловато, но они вели себя недобросовестно. Публика на всякие либеральные речи раздражалась рукоплесканиями. На другой день и еще дня три газеты изливались в брани—самой неприличной. Это продолжалось больше месяца. Говорено было о новом искусстве и писано в газетах столько (газеты все нагло извращали, что говорилось), как никогда в Москве. Кончилось все моей лекцией о новом искусстве в Истор. Музее. Собралось людей немного, но все свои, и мне устроили „овацию“ — небольшую, положим.

С Грифами я познакомился так. Затеяли они издавать журнал — увы, тоже „Маяк“. Пришли студенты и пригласили меня на собрание. Я пошел. Несколько десятков юношей занимались тем, что голосовали и большинством голосов принимали или отвергали свои стихи и рассказы. Я их заругал. Это было у Соколова. За ужином читали стихи. Местным гением был некий Рославлев — дюжий парень с длинными волосами, — таланта весьма посредственного. Юноша Белов говорил восторженные глупости. Гимназист Хесин глупости не восторженные. Многоих имен не упомянул. После встречался с ними в Кружке. Кажется, среди них нет никого истинно талантливого.

„Маяк“ не состоялся. После они издали альманах „Гриф“ — серый и по обертке, и по содержанию.

Многие собирались у меня по средам. Не хватало мест. Братья Койранские скоро надоели. Шик был очень мил — но очень юн. Был Печковский. Был еще поляк Касперович. Приехал читать лекцию о декадентстве. Сидел у меня и у Юргиса целыми днями. Выдавал себя за родственника и даже брата Яна Каспровича, хотя даже их фамилии разные. Лекцию читал уже без меня и не без успеха (поляки поддержали).

П а р и ж.

А п р е л ь.

В Париже мы провели 16 дней. Видел все — т.-е. музеи, университет, театры, улицы, кабачки. Только не влезали на Эйфелеву башню, не посетили Салона и не были в Орéра. Париж мне пришелся очень по сердцу. Изумило меня отсутствие в нем декадентства. Было, прошло, исчезло. Нет даже „нового стиля“. Москва более декадентский город. Театры гнусны. Московский Художественный театр лучше Antoin'a.

В Париже были знакомые. Ященко, напр. Через него я попал во весь русский Парижский Кружок. Бывали мы на

лекциях Русских Высших Школ — пародия на университет. Я читал лекцию в помещении Association des étudiants russes — ту же, что в Москве. Общество было такое же, как в Лит. Кружке, только еще более некультурное, еще более грубое. Возражения мне — в стиле Любошица. Вылезали какие-то „сельские учителя“, как они рекомендовались, и требовали объяснить им, что такое декадентство. Народу было так много, что зала не вмещала, сидели, стояли, толпились, не впускали, было душно, жарко... После, однако, остались одни сочувствующие. Соломон Поляков, Поярков, „Иван Странник“, Кругликова, Пилло, Люси, Елена и др. (Были Ивановы, но ушли)...

Был у Кругликовой на субботу. Была суббота неудачная. Французов-поэтов не было (самый известный Lascuzon). Были какие-то русские, с которыми говорили мы о домашних делах...

Сол. Поляков мне понравился — в нем есть талант и милый. Менее — Поярков — пустоват и поверхностен. Елена — бледная, как смерть, с живыми ноздрями — милая девочка. Мы ездили вместе в Фонтенебло.

Были еще у Гольстейн (старуха, живущая в Париже). Показывали мне Редона. Я не очарован. Были у Онегина. Он показывал нам папиросы, пробки, спички etc., относящиеся к Пушкину, очень подробно, а бумаги очень бегло.

Но самое интересное было, конечно, Вяч. Иванов. Он читал в Русск. Школе о Дионисе. Это настоящий человек, немного слишком увлечен своим Дионисом. Мы говорили с ним, увлекаясь, о технике стиха и нас чуть не задавил фиакр...

Хорош Ященко. Милый человек, чужд жизни. Он мне очень полюбился. С ним было тысяча анекдотов, по плохому его выговору и страсти говорить по-французски — pour moi la rain etc. Он очень ухаживал за нами, показывал нам Париж, почти не расставался с нами, истратился и погубил много времени.

Я был в „La Plume“, это задворки. „Mercure“ тоже. Но у Pillot одна дама, кажется, артистка, неожиданно заговорила со мной о Верхарне. Я был счастливо удивлен.

На пути „туда“ были в Кельне, — оттуда в Берлине. Я вновь увидал мою любимую Венеру Ботиччелли. О „грезы юности!“ О любимая!

Май, конец.

Мы поселились на даче в Можайском уезде. Слежу за белками, брожу, купаюсь в реке и в синеве неба, играю в крокет. „Женщин“ нет.

Был раз в Москве два дня — целиком провел с Сергеем Александровичем...

У меня был Леонид Дм. Семенов, поэт из „Нового Пути“. Красивый юноша, среднего таланта, довольно самоуверенный, читал свои неважные стихи и очень прославлял какого-то

поэта Полякова. Говорил о петербургском кружке вокруг „Нового Пути“ (Иванов etc).

У Бугаева умер отец. Мы заезжали к нему с С. А. Поляковым... Белый был необыкновенно хорош в новой роли делового человека... Помню, однажды мы приглашали Белого в ресторан. — Да вы, вероятно, и не бывали ни разу в ресторане, сказал я. Он застыдился и стал оправдываться.

— Это совершенно случайно, уверяю вас, — совсем из братьев Карамазовых.

Без меня ко мне заходил Фридберг. Он не оставил карточки. „Скажите, что заходил „ландыш“. Я догадался. Зиночка говорит, что Фридберг помешался. Леонид Семенов рассказывает, что Фридберг принес в редакцию „Нового Пути“ лукошко салата и оставил. Потом, выдержав экзамен, взял свои бумаги из университета.

О с е н ь.

Лето прожил я поразительно тихо. Мало писал; читал немного; правил корректуры и бродил по лесам, — по 20 — 30 верст. Приезжали к нам: Шик и Семенов. Бальмонт и Юргисы жили в Меррекуле. Я переписывался.

Осенью много ссорился с „Новым Путем“ за нелитературность журнала и за отвержение моих политик. Потом вышла история с моей статьей о папстве. Она появилась в искаженном виде, обесмысленная. Я написал очень бранное письмо З. Н. и Перцову. Они отвечали ласково до крайности (и Дмитрий Сергеевич), что не знают, отчего это произошло, что, должно быть, цензура вычеркнула. Оказалось, что журналом заведует всецело Егоров...

Был у меня Добролюбов. Лето он провел в Самарской губ. Теперь едет в Петербург. Дни, когда мы его видели в Петербурге, он называет своим искушением. Тогда его ободряли сомнения, теперь он верит. Он вновь служит богу. Говорит он самоуверенно, хотя кратко. Говорит: братья, сестрицы, но поучает и все предупреждает: „может быть, мои слова и не будут вам вразумительны“... А говорит разные плоскости. Повторяет учение духоборов. Я ему сказал много резкого и горького.

Перед тем, как притти ко мне, он заходил к Льву Толстому. Беседовал с ним два дня. Между прочим, спросил его, что он, Толстой, думает о личном бессмертии. Толстой отвечал, что не смеет его отрицать, однако, скорее думает, что души вновь возвращаются в стихию. Добролюбов называл Толстого очень слабым в житейском смысле.

А я спросил Добролюбова, что он думает о Христе. Он отвечал: — „О ком ты говоришь? если о сыне Мариама, я о нем ничего не знаю“...

Бугаев заходил ко мне несколько раз. Мы много говорили. Конечно, о Христе, Христовом чувстве... Потом о кентаврах, силеных, о их бытии. Рассказывал, как ходил искать кентавров за Девичий монастырь, по ту сторону Москва-реки. Как единорог ходил по его комнате... Мои дамы, слушая, как один это говорит серьезно, а другой серьезно слушает, думали, что мы рехнулись. Потом А. Белый разослал знакомым карточки (визитные), будто бы от единорогов, силеных etc. Иные смеялись, иные сердились, а Г. А. Рачинский испугался, поднял суматоху, ездил по всей Москве. Сам Белый смутился и стал уверять, что это „шутка“. Но прежде для него это не было шуткой, а желанием создать „атмосферу“, — делать все так, как если бы эти единороги существовали.

Мережковские в Москве.

26 окт. — 31 окт.

М-ские приезжали искать денег, 30,000 р. думали получить от Хлудова. Он долго „водил“ их, наконец, сказал, что денег нет... М-ских видал каждый день...

В пятницу пошел к ним. Сидит Белый, толкует о священстве по чину Мельхиседека. Ушел. После, за завтраком, М-ий очень хвалил мои стихи. Еще после в „Скорпионе“... М-ий проповедовал нужность „Скорпиона“ и убеждал не участвовать в „Гриффе“. Белый решил взять оттуда все свое. Я решил ничего не давать. В субботу провожать М-их приехал я и С. А. Поляков. Простились очень „сердечно“, клянясь в взаимной любви...

Едва уехали, все расстроилось. Нам разрешили „Весы“, и это развело нас окончательно с „Новым Путем“, — а Белый опять сошелся с „Грифом“. Как случилось это последнее, не знаю. Одно время Белый взял все свои рукописи из „Грифа“ и отдал нам. (Я тогда же писал Соколову, что участвовать в „Гриффе“ не могу). Но после, внезапно, Белый заявил, что участвовать в „Гриффе“ будет, и потребовал рукописи обратно. Я так рассердился, что наговорил ему довольно-таки неприятных вещей. Он обиделся, написал, что вовсе не будет участвовать в „Скорпионе“ и „Весах“. После были у него, и мы умирительно примирились. Позднее Белый стал все-таки „своим человеком“ у Соколова.

Конец года.

Конец года для меня был занят моей операцией. Мне давно следовало сделать ее (у меня был гайморит). Оперировал Рейн, ассистентами были Витт и Синюшин (гимназический мой

товарищ). Хлороформировали. Ничего интересного под хлороформом не ощущал. Только сердце билось, словно на привязи, — далеко. Боли не ощущал вовсе. После был болен дней 5 — 6. Меня навещали: Макс Волошин, С. А. Поляков, Белый, Юргис, Бальмонт... По болезни не был и на лекции Бальмонта в Худ. Кружке.

Макс не поехал в Японию, едет опять в Париж. Он умен и талантлив, не гениален. Один вечер читал ему все свои стихи.

Бывал у меня Ребиков. Он глуп и нелеп. Трудно не смеяться на его затеи. Познакомил их с Лангом. Два сапога — пара.

Из 1905 г.

Перед рождеством „Весы“ гибли. Мы с Мих. Ник. (Семёновым) поехали к С. А. Полякову, жившему с больной женой в деревне, и устроили „Конституцию Весов“. По ней все ближайшие сотрудники должны были давать все свои вещи сначала в „Весы“ на выбор.

Белый подписал эту конституцию. После в Петербурге он говорил:

— Я подписал какую-то бумажку, но что в ней было, не знаю.

Кажется, малый грамотный!

Был в Москве Paul Adam. Завтракали с ним у Баженова... Скучно было...

Потом возил Paul Adam показывать сожженую Пресню. Еще после он был у меня.

Говорил мне поучения.

— В литературе важно *les idées*, *o! la forme* — это второстепенное!

Потом сообщал: — Во Франции было два великих писателя *Montaigne et Flaubert*.

Черный, южанин, самодовольный, при всей внешней скромности и французских комплиментах.

1906.

Ездил к Врубелю. Он будет писать портрет с меня.

Я ужаснулся, увидав его. Красноватое лицо. Глаза, как у хищной рыбы. Складка поперек переносицы. Торчащие волосы вместо бороды. Хилый, больной, в грязной мятой рубашке. Он — сумасшедший поистине. Я знаю эту непрерывную речь, цепляющуюся за слова, теряющую нить, то безумно яркую, то бессильно бесцветную.

Тут же другие сумасшедшие.

Пишет прекрасного серафима по Иезикиилю.

И еще „Перстами легкими как сон — моих ресниц коснулся он“:

Моя жизнь

годы 1904 — 1907.

Предисловие.

Я прервал свой дневник в конце 1903 г. За 1904, 1905 и 1906 г.г. сохранилось лишь несколько отрывочных заметок. Жаль: то были годы очень интересные и очень остро пережитые мною. Теперь уже нет сил восстановить прошлого, — воспоминания поблекли, стерлись, пришлось бы писать мемуары, а не дневник. Сделаю только самый общий очерк пережитого мной и прямо перейду к современности, к записям о сегодняшнем и вчерашнем дне.

Валерий Брюсов.

21 апреля 1907, ночь под Пасху.

Из 1904 — 1905 года.

Для меня это был год бури, водоворота. Никогда не переживал я таких страстей, таких мучительств, таких радостей. Бóльшая часть переживаний воплощена в стихах моей книги „Stephanos“. Кое-что вошло и в роман „Огненный Ангел“. Временами я вполне искренно готов был бросить все прежние пути моей жизни и перейти на новые, начать всю жизнь сызнова.

Литературно я почти не существовал за этот год, если разумею литературу в Верлэновском смысле. Почти не работал: „Земля“ напечатана с черновика. Почти со всеми порвал сношения, в том числе с Бальмонтом и Мережковскими. Нигде не появлялся. Связь оставалась только с Белым, но скорее связь двух врагов...

Весну 1905 я провел в Финляндии, на берегу Саймы.

И зыби тихая безбрежность,
Меня прохладой осень,
Смирила буйную мятежность,
Мне даровала мир и нежность
И ласково влилась в меня.

С осени началось как бы выздоровление. Я вновь обрел себя.

Революция 1905 года.

Не скажу, чтобы наша революция не затронула меня. Конечно, затронула. Но я не мог выносить той обязательности восхищаться ею и негодовать на правительство, с какой обращались ко мне мои сотоварищи, (кроме очень немногих). Я вообще не выношу предрешенности суждений. И у меня

выходили очень серьезные столкновения со многими. В конце концов, я прослыл правым, а у иных и „черносотенником“.

Все московское восстание я пережил воочию. В первый день пошел гулять, встретился с Н. Н. Баженовым и он завел меня в Губернскую Управу, где были кн. Долгоруковы и другие будущие видные деятели кадетской партии. Мы смотрели в окно, как пилили телеграфные столбы и строили баррикады. Позже сидели с Баженовым в „Скорпионе“, и я подарил ему только что вышедший „Stephanos“.

На другой день я бродил один, слушал стрельбу, видел раненых, убитых, видел начальников революции, большею частью плохо говоривших по-русски. Ходили чудовищные слухи. Я им не верил, и с самого начала был убежден в безуспешности восстания. Под конец все так привыкли к пушечной пальбе, что отец, играя в преферанс, мелком отмечал число выстрелов, 101, 102, 103, 104, — 200, 201, 202... Мой брат делал вид, что он все знает, со всеми в сношениях, но все его известия оказывались вздором... Написал я довольно длинные воспоминания о восстании, но не знаю, сохранились ли они.

1906.

Весною я познакомился с М. А. Врубелем, который писал с меня портрет. В другом месте я описал подробнее эти сеансы, очень замечательные, произведшие на меня впечатление сильнейшее.

Свою встречу с Врубелем считаю в числе удач жизни.

Летом полтора месяца мы провели в Швеции. Ехали через Петербург (где видел лишь Вяч. Иванова) на Стокгольм, жили сначала в Стокгольме, потом в Висби на Готланде, потом в Нюнесхämне, близ Стокгольма.

Уехали раньше, чем думали, опасаясь всеобщей забастовки в России...

Швеция — оригинал, с которого Финляндия — список. Миры шхер и озер — очаровательны. Я полюбил север, граниты, мох, сосны. Шведы все были очень приветливы. В Нюнесхämне познакомился с художником Emil Österman'ом; в Висби сдружился с двумя пожилыми шведками. Говорил по-немецки, частью по-шведски, читал шведские газеты. Был на выставке в Норчёпинге. — Позднее по переписке познакомился с Alf. Jensen, и он написал обо мне несколько статей в шведских газетах и журналах.

В Швеции узнал я, что С. А. Соколов покинул „Золотое Руно“, и это дало мне надежду ближе войти в этот журнал. С осени я стал часто бывать в редакции и „помогать советами“:

1907.

2 мая.

Заходил Евг. Тарасов, — бледный юноша, больной; голос надорванный, медленный. Одет как полуинтеллигент. Весьма скромн. Говорит о поэзии. Очень был кроток, мил, но клонился, как стебель, под каждым словом. — Спросил его, бывал ли он у Вяч. Иванова. — Ответил: „Раз завез меня Городецкий. Но мне не понравилось.“

15 мая.

Приезжал в Москву Н. Гумилев. Одет довольно изящно, но неприятное впечатление производят гнилые зубы. Часто упоминает о „свете“. Сидел у меня в „Скорпионе“, потом я был у него в какой-то скверной гостинице, близ вокзалов. Говорили о поэзии и оккультизме. Сведений у него мало. Видимо, он находится в своем декадентском периоде. Напомнил мне меня 1895 г.

19 мая.

У меня Эллис и рабочие, устраивавшие вечер Бодлэра в пользу безработных. Обычные споры о социализме и пролетариате.

Июнь.

Был проездом Сергей Городецкий. Пытался изобразить стихийную натуру. Я „осадила“ его речами о мистическом анархизме.

Познакомился с Владимиром Павловичем Рябушинским. Убежденный „буржуазист“. Все сделают буржуа. Пролетарии — должны быть рабами. Если кто мятежничает, — убивать. Крестьяне жгут усадьбы? А зачем вы бежите в Петербург? Перестреляйте тех, которые нападают и сожгите сами, а не с помощью казаков, десять деревень кругом, и мужики поймут, что у вас есть право на землю. Гучков для В. П. — гений.

Умирает Бахман. Лопнула артерия, исходит кровью... Говорил мне: „Милый Валерий, если останусь жив, брошу все дела и занятия, продам $\frac{3}{4}$ своей библиотеки и буду жить только для поэзии“... Ах, не поздно ли!

Р. С. Бахман умер 16 июня.

Июнь.

Поездка по Волге, от Ярославля до Самары. Река красивее и шире, чем я ожидал. Жигули довольно живописны. Настроение всех, с кем я встречался, правое, но левее „октябристов“. Впрочем, мы ехали в первом классе. В поездке встретились со стариком А. П. Языковым, ехавшим на похороны

гр. Гейдена. Говорили с ним о современной смуте. Он яростно поносил кадетов, ибо партии более левые были ему просто чужды. С ним была его дочь, очень заботившаяся об отце, скромная, тихая, тусклая.

19 июня.

Был у И. С. Остроухова. Он предлагал мне написать „Славу“ для открытия памятника Гоголю. Как всегда, с Остроуховым не легко. В доме все волнуются ожидаемой смертью тестя, Боткина старика. Ездили с Остроуховым к скульптору Андрееву. Смотрели его жестокие скульптурные портреты Н. Н. Баженова, А. А. Федотова и А. И. Сумбатова (не тот бюст, что в Худ. Кружке, а первоначальный вариант, очень сильный).

1907 осень, 1908 весна.

Встреча и знакомство и сближение с В. Ф. Комиссаржевской. Острые дни и часы. Ее приезды в Москву. Перевод „Пелеаса и Мелизанды“. Позднее в Петербурге на первом представлении. Провал пьесы. Замечательная ночь.

Перевод „Франчески да Римини“. Напряженнейшая работа трех недель. Разрыв Комиссаржевской с Мейерхольдом. Невозможность поставить пьесу.

Весною мое сближение с Ленским. Обещаю ему „Франческу“. Неудовольствие Комиссаржевской.

Смерть отца.

Летнее путешествие 1908.

Сначала Вена. Летний сад „Венеция в Вене“. Потом подлинная Венеция. „Опять в Венеции“. Люблю Венецию любовью не стареющей. Все мило в этих мраморах, самая пошлость и грязь.

Из Венеции в Анкону на великолепном пароходе, идущем в Александрию. Анкона — уступистый город. Виды с высоты на море. Утром кофе с вареньем.

Из Анконы поездка в Равенну. По пути Римини. На пляже лежит дама ничком и читает „Русское Слово“. Равенна. Роскошь мозаик. Сторож, живущий весь VI веком, *divo* Teodorico, как в Венеции живут XVI-м, как в Неаполе — древностью. Страшная гроза, град; убита лошадь градом; уничтожены сады.

Гробница Теодорика. Возвращение ночью.

Рим. Июль. Нестерпимая жара. Бесконечность впечатлений. Весь античный мир — как живой. Форум, Палатин, бани Кара-

каллы, дорога Аппиева, два Капитолийских музея... Захлебывался стариной. Наш пустовавший отель — Laurati...

Не понравился ни Микель Анджело, ни Рафаэль, ни все искусство Возрождения; слишком сильное впечатление античного мира!

Неаполь. Hôtel Метрополь et Ville. M-r Primicino, отец которого был поваром Александра III. Море. Купанье. Дива музея — вновь античный мир. Античная утварь; усложненность их жизни. Помпея. День чуда. Отказ ехать на Везувий. Геркуланум. Подземный театр. Надземный город. Поездка на Капри. Лазурный грот — банальная синева. Русские, русские, русские...

Письмо Горькому.

Путь на пароходе „Св. Лазаря“ в Марсель. Капитан Stefano Petardi. Семья пассажиров. Интернациональная беседа. Анекдоты на всех языках. Доктор, его жена и др. Наши обеды. Вечера без ламп. Медленное движение скверного пароходишка. Повар, слуга и чуть ли не кораблевожатый — Giove. Морская болезнь. Берега Эльбы. Маленькая марсельянка. Марсель. День растоплен. Кананбер. Порт. Парк. Электрическая выставка. „Вечера электричества“. Фонтаны, etc.

Железная дорога. Тулуза. Ночь. Железная дорога. Monsieur le chanoine. Вид на Лурд. „Les foules de Lourdes“. Крушение вскоре после Лурда. Два часа в поле. Ночью приезжаем в St. Jean de Luz.

St. Jean de Luz. Неудача с отелем. Поселяемся у Madame Nina. Квартира с видом на jeu de Pelotte. M-me Nina, Louise etc. Наши комнаты, кухня, балкон, цветы, наши завтраки и обеды; купанье, поездка в Биарриц.

Моя поездка в Брест. Обедаю в Бордо. Ночую в Lorient. Утром в Бресте...

Путь назад. Вечер в Кемпере. Собор в Кемпере. „Бродяга безымянный“. Вторая ночь в Бордо. Возвращение в St. Jean.

St. Jean (de Luz). Мирная жизнь. Перевод „Елены Спартанской“. Купанье. Восхождение на Руну. Прогулки вокруг St. Barbe. Приливы и отливы. Биарриц. Общество. M-me Catulle Mandès. Узнаю неудачу „Франчески да Римини“.

Путь в Париж. Опять Бордо, в третий раз.

Париж. Hôtel Lisbonne. Наше отчаянье. M-me Thiot. Поселяемся у m-me Viot rue de l'Arcade. Разыскиваю знакомых. Впечатление от René Ghil'я. M-me René Ghil. Посещение Arcos'a и Mercereau. Весь кружок „Abbaye“. У Макса Волошина. У Кругликовой. Русские и французы.

Музеи. Лувр, Лувр и Лувр. Люксембург, Гийме и др. Кабачки. La lune Rousse, la Pie qui chante и др. Ресторанчики и кафе. Осенний Салон. Conférence. Charles Meurice и Fr. Villon;

Royère о Маллармэ и Верлэне, G. Kahn (Г. Кан) о молодых. Знакомства. Dîner des 14. Литературный Париж. Речи. Опять знакомства. Ночь. Шествие на Монмартр. Мы убегаем см. Castiaux (Кастю).

Два собрания у нас: R. Ghil, m-me René Ghil, Arcos, Duhamel, Mercereau, Castiaux, J. Romain, Ch. Vildrac.

Мы у Castiaux.

Встреча с Гиршманами. Посещение с ними театров. Le Roi и другие пьесы. Louis IX.

Прощальный вечер.

Поездка в Бельгию. Брюссель. Hôtel de Paris. Музей живописи. Примитивы.

Моя поездка к Верхарну. Маленькие городки. Станция в лесу, — Roisin. Встречает меня Верхарн — tel que. Путь с ним по тропинке. M-me Verhaeren. Обед. „Verhaeren ne mange pas de soupe“. Разговоры о России, о Rysselberg'e (Риссельберге). После обеда трубка. Верхарн читает мне свои Les Rythmes Souverains. Мы гуляем. Местность, напоминающая до поразительности Россию.

Говорю об импрессионизме, о русской живописи. Вечер. Уезжаем.

Namur... Брюссель. Музей Вирца. Естественно-научный музей.

Путь в Россию. Кельн. Собор, церкви, музеи. Ночь. Берлин. Музеи. Ночь. Россия. Варшава. Кладбище. Москва.

Зима 1908 — 1909.

Год неудач.

До моего приезда в Москву — книга Шемшурина, провал „Франчески“; смерть Ленского. Общее враждебное настроение к „декадентам“. Выпады печати. Все газеты мне закрыты. В Кружке забаллотированы Ликиардопуло, Шик, Эллис.

Переговоры о „Весах“. Согласие С. А. (находящегося в Италии) уступить их бывшим сотрудникам. Сношение с С. А. Соколовым. Чета Владимировых и их извороты.

Неожиданный оборот дела с „Весами“. С. А. отказывается от своего слова. Я оставляю „Весы“. Тщетные переговоры с „Русской Мыслью“ Лурье.

„Дом Песен“. „Эстетика“. Гр. А. Толстой в Москве. Гипнотические сеансы у д-ра Каптерева. Поездка в Петербург. Две недели в Петербурге. Посещение Бенуа. У Маковского переговоры о „Апполоне“. Гр. А. Толстой. „Салон“ и лекция Макса Волошина. Вечера с Вяч. Ивановым. Его лекция. Не был у Сологуба, который обиделся.

Три тягостных месяца в Москве. Сотрудничество в „Русской Мысли“. Редакционное собрание.

Знакомство с П. Б. Струве. Человек оригинальный... Меткие слова. А. А. Кизеветтер, — торная, удобная, хорошая дорога. Лурье — талантлив в меру.

Работа над „Лириками“.

Гоголевская комиссия. Обещаю читать. Пишу наскоро. День 28 апр. Освистание меня. Впечатление, произведенное этим событием на разных моих знакомых. Позднейшее заседание Общества Любителей Российской Словесности и инцидент с гр. Комаровским.

Выборы в дирекцию Лит. Худ. Кружка. Затруднения при выборе меня председателем.

Весна. Дела Кружка. Выход „Лириков“. Инцидент с последними листами предисловия.

Добавление.

В Гоголевские дни знакомство с И. Щегловым. Его нелепости. Милый, смешной старик. Знакомство с Измайловым. Разговор с Розановым.

1910.

М а р т.

Познакомился с Н. А. Морозовым, шлиссельбуржцем. Он знал меня ребенком, качал на коленях, — так как гимназистом и студентом был близок с моим отцом. Встречал Морозова несколько раз в ред. „Скорпион“ (он издает в этом издательстве книгу стихов), потом он у меня завтракал. Крайне жив, всем интересуется, легко увлекается, умен, прост в обращении. Узнав, что я сын его старого знакомого, был тронут. обнял меня, поцеловал. Много говорил с моею матерью, вспоминал прошлое.

Р а н ь ш е.

В Москве был Вяч. Иванов. Сначала мы очень дружили. Потом Вяч. Иванов читал в „Эстетике“ доклад о символизме. Его основная мысль — искусство должно служить религии. Я резко возражал. Отсюда размолвка. За Вяч. Иванова стояли Белый и Эллис. Расстались с Вяч. Ив. холодно.

М а р т.

История в „Эстетике“ с выставкой картины Н. Гончаровой и статей в („Голосе Москвы“) В. Гиляровского.

Зимой 1909 — 1910 г.г. в Москве гостил К. Сомов, писавший портреты Г. Л. Гиршман и Е. П. Носовой. С Сомовым видался мало. Он очень вежлив, любезен, приветлив, но мало интересуется мной.

Приезжал Макс Волошин. Он жаловался на петербургскую жизнь, на бедность. Читал разные стихи. — Был у меня Измайлов. Написал обо мне две весьма любезные статьи.

Устроил у себя вечер: Гиршманы, Сомов, Поляков, Трояновский и др.

ПРИМЕЧАНИЯ

Стр. 3. О гимназии Л. И. Поливанова см. В. Брюсов. „Из моей жизни“. М. 1927 (в серии „Записи прошлого“).

Стр. 3. Щербатов, Сергей, кн. — товарищ Брюсова по Поливановской гимназии.

Кедрин, Евгений Никанорович (1834—1916), преподаватель математики гимназии Л. И. Поливанова.

Духовской, Владимир, сын проф. М. В. Духовского, воспитанник Поливановской гимназии.

Станюкович, Владимир Константинович и Э-д — товарищи Брюсова по гимназии Креймана (См. В. Брюсов. „Из моей жизни“, М. 1927).

Иноевс, Павел — товарищ Брюсова по гимназии Поливанова.

И. А. Нюнин — студент, готовивший Брюсова к поступлению в гимназию Поливанова.

Никольский Петр — студент-филолог, — кончивший Поливановскую гимназию на год раньше Брюсова.

Упоминаемые в дневнике юношеские произведения Брюсова: „Поэма любви“, „Земля“, „Fin de siècle“, „Цезарь“, „На дне“ — не изданы.

Стр. 3. Пильский, Петр Моисеевич, — товарищ Брюсова по Креймановской гимназии, впоследствии — литератор, критик, автор книг: „Проблема пола, половые авторы и половой герой“. СПб. 1909. „Критические статьи о Л. Андрееве, В. Брюсове, Н. Минском и др.“. СПб. 1910.

Стр. 4. Ланг, Александр Александрович, товарищ Брюсова по гимназии Креймана (ум. 1917), поэт-символист, печатался под псевдонимами А. Л. Миропольский и А. Березин. Участник сборников „Русские Символисты“, альманахов „Северные цветы“, „Гриф“, журн. „Ребус“. Ланг сильно увлекался спиритизмом, что и отразилось в его стихах. Изд. отдельно: А. Березин. „Одинокий труд“. Статьи и стихи. М. 1899. А. Л. Миропольский. „Лествица“. Поэма в семи главах. Предисловие В. Брюсова. М. 1902. „Ведьма. Лествица“. Предисловие Андрея Белого. М. 1905.

А. Л. Миропольскому — „другу давних лет“ — Брюсовым посвящен цикл юношеских стих. (1892 — 96) в I т. „Пути и перепутья“ (М. 1908) и в I т. собр. соч. изд. „Сирин“.

Стр. 4. „Кантемир“ — гимназическое сочинение.

Стр. 5. Драма „Любовь“ — не издано.

Стр. 5. Столповский, Михаил — воспитанник гимназии Поливанова, впоследствии студент-юрист.

К-ий—товарищ Брюсова по гимназии Креймана. Филиппов кофейня Филиппова.

Стр. 5. Зунделович — товарищ Брюсова по гимназии Креймана.

Клевер, Юлий Васильевич (р. 1850), художник-пейзажист. Помещение выставки картин Ю. Клевера было декорировано с претензией на оригинальность—срубами березы, материями, чучелами птиц, растениями. Картина: „Лесной царь“—как сообщал газетный рецензент—была помещена „в отдельной, совершенно темной комнате, при соответственной обстановке... Окружена рядами деревьев, представляя как бы тот лес, который за недостатком полотна не мог уместиться на картине... В чаще этих приставленных деревьев спрятанные рефлекторы, известным образом освещающие картину. На самой картине большое черное пятно, из которого, если вглядеться, обрисовывается контур лошади и седока, держащего на руках ребенка. Лошадь мчится во весь опор, за ней постепенно вырисовывается голова старика, две огромные руки которого как будто что-то ловят в воздухе и почти обхватывают зад лошади. Так художник переложил на полотно известное германское поверье о лесном царе, оповестизированное Гёте... Эффекты в этой картине рассчитаны на нервы, на массу, на толпу, которая любит такие зрелища“... („Нов. Дня 26 марта, 1892).

Стр. 5. Надя—сестра поэта, Надежда Яковлевна Брюсова, впоследствии теоретик музыки; ей принадлежит несколько работ: „Временное и пространственное строение формы“. М. 1911; „Наука о музыке, ее исторические пути и современное состояние“ в журн. „Весы“, 1909, № 11 и др.

Стр. 5. Башкирцева, Мария Константиновна (1860 — 1884), художница. Почти всю жизнь провела за границей; картины свои выставяла в парижском „Салоне“. После смерти Башкирцевой французская критика говорила о ней, как о художнице, обещавшей ряд гениальных произведений. В 1887 вышел (на франц. яз.) „Дневник Башкирцевой“. Дневник возбудил большой интерес и в короткое время выдержал несколько изданий. В русском переводе дневник Башкирцевой появился на страницах „Северного Вестника“ в 1892 и вышел отдельным изданием в 1893 г. С. А. Андреевский в статье, написанной им по поводу русского издания дневника, называет его книгой, „которая никогда еще не имела себе подобных“. „Жажда красивой известности говорит он — была присуща Башкирцевой, как стихийная сила. Будучи еще 12-летней девочкой, она очень резко определила свое призвание: прославиться, быть знаменитой, быть известной повсюду. Она сознавала свою огромную и всестороннюю даровитость... была бесповоротно убеждена, что рано или поздно... внутренняя сила высоко ее поднимет над толпой и обратит на нее внимание. Она открыто высказывается на этот счет в своих записках, не смущаясь тем, что такое самообожание ее может кому-нибудь показаться глупым и даже противным. Она сознается, что эта страсть иногда достигает у нее чудовищных размеров. „В те минуты, когда я одержима манией величия, пишет она, все предметы мне кажутся недостойными моего прикосновения... я смотрю с сверхъестественным презрением на все окружающее и, затем, вздыхая, говорю себе: ничего. Смелей! Это время есть только переход, ведущий меня туда, где мне будет хорошо“. Психологиче-

славолюбия и творческих терзаний переданы в книге Башкирцевой, как никогда ранее они не были выражены. Поэты и художники должны признать в ней свою кровную сестру, передавшую в своем дневнике и выражавшую примером своей жизни — историю их тайных радостей, надежд, колебаний, стремлений и горестей.“ (С. А. Андреевский. „Литературные очерки“ СПб. 1902. Стр. 397 — 398, 407).

Стр. 6. Драма „Помпей“ и упоминаемые далее стихи „Демон“, „Винувата ли я“, „Мы с тобой навсегда разошлись“, „Мимоходом“ — не издано.

Об увлечении Брюсова Спинозой см. его повесть „Юность“ („Из моей жизни“, стр. 72, 73, 121).

Стр. 6. Об участии Брюсова в любительских спектаклях см. „Из моей жизни“, примеч. стр. 116.

Стр. 9. Роман „Проза“ не издан. Не был издан и перевод драмы Метерлинка „L'Intruse“ („Втируша“).

Стр. 9. „Каракалла“, „Муза погибла“, „На полях Филиппинских“ — не издано.

Стр. 10. Сатин, Александр и Ясунинский, Михаил — товарищи Брюсова по гимназии Поливанова.

Стр. 10. Стих. „Колумб“ при жизни Брюсова не издано; опубликовано А. А. Александровым в журн. „Новый Мир“, 1924, № 1.

Стр. 10. Сара Бернар (1844—1922), знаменитая французская трагическая актриса. „Клеопатра“ — драма Сарду. В статье о московских гастролях С. Бернар театральный критик И. И. Иванов писал, что „общая сценическая фигура египетской царицы у С. Бернар в высшей степени ярка, интересна и правдива“, отмечая в то же время, что артистка „модернизирует образ египетской царицы. Это — скорее международная чаровательница сердец, чем античная нильская дельца“. („Артист“, 1892, № 25, стр. 158 — 159).

Дармон играл роль Антония, по отзыву рецензента „Нов. Дня“, плохо: пушка вместо голоса и два мельничных колеса вместо рук“. („Нов. Дня“ 892, 27 ноября).

Стр. 11. „Тени“ и „Николай“ — не издано. „Новости Иностранной Литературы“ — ежемесячный иллюстр. журнал (1891 — 1894). „Артист“ — театральный, музыкальный, художеств. журнал (1889 — 1895). „Ребус“ — журнал, посвященный вопросам спиритизма и оккультизма. Изд. с 1881 г. В период своего интереса к спиритизму Брюсов поместил в журн. несколько статей (См. „Библиогр. В. Брюсова“ М. 1913).

Стр. 11. Копосов, Петр Петрович (1843 — 1909), педагог-историк; в гимназии Поливанова преподавал греческий язык. Фукс, Владимир Андреевич — преподаватель французского яз. в гимназии Поливанова. Лев — Лев Иванович Поливанов. Стихи Брюсова, вызвавшие пародию Поливанова, см. „Из моей жизни“, стр. 120.

Стр. 12. Ермилов, Владимир Евграфович (ум. в 1918), педагог и журналист, сотрудник целого ряда периодич. изданий.

Иванов, Иван Иванович (р. 1862), критик; писал статьи по вопросам театра и литературы в „Артисте“, „Русск. Вед.“, „Русск. Богатстве“, „Образовании“ др.

Стр. 12. „Живописное Обозрение“ — еженедельный, иллюстрированный журнал.

Стр. 13. „Русское Обозрение“ — ежемесячный журнал, редактором которого (с конца 1892 г.) был Анатолий Александрович Александров, прив.-доц. моск. университета. Стихи Брюсова, не принятые Александровым для „Русск. Обозр.“ в 1892 г., опубликованы им после смерти поэта в журн. „Новый Мир“, 1924, № 1, стр. 78 — 80.

Стр. 13. Fin de siècle — конец века.

Стр. 13. „Les poètes maudits“ — („Проклятые поэты“) — сборник статей Верлена о поэтах символистах.

Стр. 13. „Символы“ — сборник стих. Д. С. Мережковского (СПб. 1892). Каменский Владимир — товарищ Брюсова по Поливановской гимназии.

Стр. 13. Запись 20-го мая: „Умерла!..“ относится к смерти Елены Масловой. О ней см. повесть Брюсова „Моя юность“ в книге „Из моей жизни“, и примеч. стр. 124—125.

Стр. 14. Запрещенная цензурой пьеса В. Я. Брюсова — „Дачные страсти“ Пьеса полностью в печати не появлялась, отрывки из нее опубликованы Вл. Боцяновским в вечер. выпуске „Красной Газеты“ (Агр.), 1926, № 16. В пьесе совершенно неожиданно для творчества Брюсова, выражено шутовское, юмористическое отношение к символизму. Герой пьесы, повт-декадент, носит фамилию Финдесбеклев. Боцяновский приводит мнение цензора, запрещающего пьесу: „Изображая грязноватые любовные похождения на даче, автор, видимо, незнакомый с условиями и приличиями сцены, придал своей пьесе крайне непристойный, а местами и циничный характер. Выведенные им молодые люди, целующие и обнимающие девиц на садовых скамейках, прямо объявляют, что жениться на них совсем не намерены, а две сестры барышни, рассуждая между собой о богатом женихе, с которым только что лобызались, говорят следующее: „Старшая. Да ведь у тебя все равно ничего не выйдет, а на мне он женится. Младшая. Я ни об чем таком даже и не думаю. Старшая. Если он тебе нравится сам по себе, отбей его у меня после свадьбы. Ничуть не пожалею. У меня другом дома будет улан с черными усами“. Так как вся пьеса написана в том же духе, то я полагаю, что для представления на сцене она, конечно, неудобна“.

Приведя мнение строгого цензора С. Донаурова, Вл. Боцяновский сообщает любопытную подробность: цензор „был автором почти порнографических романов“.

Стр. 14. Плещеев, Алексей Николаевич (1825 — 1893), известный поэт умер 26-го сент. в Париже; тело его было перевезено в Москву.

Стр. 15. Герье, Владимир Иванович (1837 — 1919) — историк, заслуженный проф. Моск. ун-та; организатор высших женских курсов в Москве.

Стр. 15. Щепкина-Куперник, Татьяна Львовна (р. 1874), автор стих., рассказов и драматич. произведений. переводчица В февр. 1894 г. на сцене Малого театра в Москве ставились две пьесы: „В детской“ (первый спектакль 8 февр.) и „Картинка с натуры“ (1-й спектакль 18 февр.).

Стр. 16. Стих. „Чай“, „Стонут звуки“, „Фиалка“ — не издано.

Стр. 16. В „Нов. Врем.“, 10 марта, 1894 г. помещен фельетон Иванушки Дурачка „Московские символисты“. Фельетонист пишет, что появление сборника символистов „на ниве русской поэзии соответствует появлению пропитанных пачулей полуразвалившихся бульвардье среди толпы наших деревенских парней и девушек“. Фельетонист острит над фамилией Брюсов, замечая в скобках — „не календарь“, и говорит, что этот поэт „причиняет взрывы смеха“. „Но мне жалко — пишет он в заключение, — что в книжку о том, как не следует писать стихи, попало два — три звучных и милых стихотвореньица, частью переведенных из Верлэна, частью оригинальных. Но в этом виноват г. Брюсов, он не выдержал шутовского тона, потому что он человек не без дарованьица. Я бы советовал ему или бросить „атласные сады“ и „ревнивые доски“ и уйти от сомнища нечестивых, или выдерживать тон и навсегда нарядиться в шутовской костюм“.

Стр. 16. Эрл. Мартов (А. Бугон) — журналист, впоследствии сотрудник „Русск. Листка“. Во II и III вып. „Русск. Символистов“ напечатано несколько его стихотворений.

Стр. 16. Sans foi ni loi — без закона и совести.

Стр. 17. „Дача на Рейне“ — роман Б. Ауэрбаха.

Go ahead — будь, во главе; иди вперед!

Стр. 17. В № 1319 „Всемирной Иллюстрации“ (1894) напечатан отзыв П. К. (Краснова) о I вып. „Русск. Симв.“ — „И по форме и по содержанию — пишет рецензент, — это не то подражания, не то пародии на наделавшие в последнее время шума стихи Метерлинка и Маллармэ. Но за французскими декадентами была новизна и дерзость идеи, писать чепуху, вроде белых павлинов и теплиц среди леса, и хохотать над читателями, думавшими найти здесь какое-то особенное, недоступное профану настроение. Когда же г. Брюсов пишет: „Золотистые феи в атласном саду“... то это уже не ново, а только не остроумно и скучно... Более имело бы значения дать переводы французских декадентов... Брюсов, действительно, дает несколько переводов из Метерлинка и Верлэна, — но на них-то и обнаруживается, что его стих имеет сравнительную звучность лишь в тех случаях, когда он имеет простой набор слов; когда же приходится передать чужую мысль и настроение чужого стихотворения — стих совсем отказывается повиноваться русскому символу“.

Стр. 17. Profession de foi — предисловие ко II вып. „Русск. Симв.“, написано в виде ответа на письмо „очаровательной незнакомки“. В нем Брюсов разъясняет сущность символической поэзии.

Стр. 17. Романы „Медиум“ и „Грани“ — не издано.

Стр. 17. Добролюбов, Александр Михайлович (р. 1876) — поэт. Выступил как представитель крайнего декадентства, „магизма“ и „демонизма“. Ему пришлось покинуть университет в связи с проповедью самоубийства, которую он вел среди молодежи. Облик Добролюбова, в период его декадентства, обрисован в статье Л. Гуревич „История Северного Вестника“ („Русск. Лит. XX в. т. I, стр. 254): „Станным казался мне этот мальчик с удивительными огромными, черными глазами, в которых какая-то затуманенность и возбужденность наводила на мысль, что он морфинист, и которые вдруг

поражали остротою и глубиною взгляда некоторых фигур Врубеля. В обществе он чудил и любил говорить пифически, иногда выражая нарочито дикими словами серьезную человеческую мысль... Посещавшие его рассказывали об его обитой черным комнате с разными символическими предметами, передавали — может быть, и действительно с его слов, что он служит черные мессы“...

В конце 90-х г.г. в настроениях Добролюбова произошел резкий перелом; эстетизм сменился религиозным аскетизмом; простым странником он отправился в Соловки, где был послушником. В 1905 г. друзьями Добролюбова был издан сборник „Из книги невидимой“ — проповедь покаяния на почве любви ко всем людям, тварям и даже стихиям. Продолжая свою проповедь, он создал особую секту „добролюбовцев“ на основах христианского анархизма. За антимилиитаристическую проповедь отбывал тюремное заключение. О дальнейшей судьбе Добролюбова известий не имеется.

Приводим по рукописи не появлявшееся в печати стихи Брюсова „К. А. Добролюбову“. Стих. написано 4 окт. 1895 г.:

Смутно куритесь, туманы былого!
Месяц безжизненный встал, освещая тропинку по скалам,
Каждый из нас угадал в полумраке другого,
Но, сойдясь на пути к непонятно одним идеалам,
Ропотню мы не сказали ни слова.

Блеск умирал на немом небосклоне,
Странно-чудовищны были холодные глубины дороги,
Изредка ты воскресал на сбегающем склоне,
Но все чаще грозили утесов сухие отроги,
И забывалось эхо гармоний.

Месяц безжизненный встал—и на самом
Пике горы вдохновенно-большую фигуру отметил.
Небо раскинулось вдруг недосказанным храмом,
Это ты мне мелькнул и бесстрастно восторжен и светел..
Мчитесь, куритесь, стихи, фимиамом!

Книги Добролюбова: „Natura Naturans. Natura Naturata“. СПб. 1895. „Собрание стихов“. Со статьями Ив. Коневского и В. Брюсова. М. 1900. „Из книги невидимой“. М. 1905. (См. I т. „Русск. Лит. XX века“ под ред С. А. Венгерова. И. С. Ежов и Е. М. Шамурин — „Русская поэзия XX века“ М. 1925. Стр. 572).

Стр. 17. Гиппиус, Владимир Васильевич (р. 1876)—поэт-символист. Литературную деятельность начал в 90-х г.г. вместе с А. М. Добролюбовым; печатался мало, под различными псевдонимами. (См. Иванов-Разумник. „Три богатыря“ — в журн. „Летопись Дома Литераторов“, 1922, № 7, О. Мандельштам „Шум времени“. Лгр. 1925. Стр. 78 — 84. Упоминания о нем в цитир. статье Л. Гуревич „История Сев. Вестника“).

Стр. 18. Цитаты из книги И. Тэна „Критические опыты“. Перев. под ред. В. Чуйко. СПб. 1869. Стр. 76 и 99 (этюды о Бальзаке).

Стр. 18. Поль Верлэн. Романсы без слов. Перевод Валерия Брюсова. Стр. IV + 48. М. 1894. (1.000 экз.).

Стр. 18. Интервью с Миропольским—фельетон Арсения Г. „Московские декаденты“ („Нов. Дня“, 1894, 27 авг.). Автор фельетона пишет, что после выхода в свет „Русск. Симв.“ и заметки о них Вл. Соловьева в „Вестнике Европы“ — „постарался повидаться с самими декадентами“.

„Признаюсь, — замечает фельетонист — ожидал я встретить собрание людей, которые видят свое призвание в праве носить какой-нибудь необыкновенный костюм, которые и видом и речами ни в чем не похожи на простых смертных... Но то, что я увидел в действительности, даже разочаровало меня: совсем молодые и довольно милые мальчики, вот и все. В костюмах никаких странностей, есть некоторая странность в речах, но и эта странность показалась мне, так сказать, официальной. Главный декадент — г. Миропольский (он только недавно кончил реальное училище), другой, тоже не из последних, — г. Мартов... пока готовится к окончательному экзамену в университет“... Далее фельетонист передает слова „одного из декадентов“ о сущности символизма. На вопрос, многих ли насчитывают символисты в своих рядах, он получил ответ: „Пока немного, но наши ряды увеличиваются ежедневно. Мы теперь вырабатываем проект устава общества русских символистов и скоро думаем свое дело поставить на широкую ногу“.

Стр. 18. „Новости Дня“, 1894 г., 29 авг. Фельетон Арсения Г. „Московские декаденты“, в котором сообщается, что „некто Валерий Брюсов, тоже декадент“, явился к автору фельетона о моск. декадентах и „попросил сделать несколько поправок к тому, что уже было напечатано, и выразил желание вообще поговорить о символизме“. — „О символизме — сказал он — нельзя говорить, как о литературном течении с ясно обозначившимися стремлениями. Пока еще не только мы, русские символисты, идем ощупью, наугад, но и наши старшие братья — французы. Да иначе и быть не может, потому что теория основывается на образцах, и к поэтам применяется теория, а не поэты к теории. Как французский символизм делится на отдельные школы и группы, так и среди нас происходит — конечно, нежелательное дробление“... Символизм Брюсов определил, как „поэзию оттенков“, противоположную „прежней поэзии красок“, добавив, что среди символистов „есть и такие, которые все отличие школы символизма от других школ полагают только в стиле“.

Стр. 19. О. Л. З. Л. — Общество Любителей Западной Литературы.

Стр. 19. Грот, Николай Яковлевич (1852 — 1899), философ, проф. Моск. ун-та, редактор журн. „Вопросы Философии и Психологии“.

Стр. 19. Бальмонт, Константин Дмитриевич (р. 1867) — известный поэт. В печати выступил сборником стих., изд. в Ярославле в 1890 г. Статьи и заметки Брюсова о Бальмонте см. в книге „Далекие и близкие“ М. 1912.

Стр. 20. Марк Криницкий — псевдоним Михаила Владимировича Самыгина (р. 1874) — беллетрист; в начале литературной деятельности был близок к символистам, но впоследствии отошел от них. В альманахе „Северные Цветы на 1902 г.“ напечатан его рассказ „Ангел страха“, посвященный Брюсову.

Стр. 20. Курсинский, Александр Антонович, поэт, участник альманахов „Северные Цветы“ и „Гриф“. Изд. отд. сборники стихов: „Полутени“. М. 1896 и „Сквозь призму души“ М. 1904. Курсинский был некоторое время учителем сына Л. Н. Толстого — Михаила („Толстовский Ежегодник“, 1912 г. стр. 22). Товарищ Брюсова по университету.

Стр. 20. Литературной кофейней Брюсов называет café, помещавшееся в угловом доме (№ 5) в Мал. Путинковском пер., бл. Страстного монастыря.

Стр. 20. „Молодая поэзия“ — сборник избранных стихотворений, сост. П. и В. Перцовыми. (СПб. 1895). В сборник включено одно стих. Брюсова „Мечты о померкшем, мечты о былом“. Об издании сборника см. восп. П. П. Перцова „Русская поэзия 30 лет назад“ в сборнике „Свиток“, 4. М. 1926.

Стр. 20. Под псевдонимом Prisca de Landelle в 1895 г. появился сборник стих. „Joies et Tristesses“, из которого восемь стих. в переводе В. Брюсова напечатаны в III вып. „Русских Символистов“.

Стр. 20. Перцов, Петр Петрович, писатель, автор статей и книг по вопросам искусства и литературы. Издатель журнала „Новый Путь“ (1903 — 1904). См. письма Брюсова к нему в журн. „Русский Современник“, 1924, № 4, и Печать и Революция“, 1926, № 7.

Стр. 20. Ляleckин, Иван Осипович (1870 — 1895), поэт. Помещал стихи в „Севере“, „Жив. Обзор“. „Наблюдателе“, „Будильнике“, „Неделе“ и др. Подготавливал к печати отд. сборник стих., но умер, не успев издать его. Ляleckин не был лично знаком с Брюсовым, но вел с ним переписку, начавшуюся после появления II сбopн. „Русск. Символистов“.

Брюсовым в 1898 г. написано стих. „На смерть И. Ляleckина“. (Сборник „Tertia Vigilia“):

...Милый брат! ты звездой серебристой
Заблестел на ночном небосклоне,
Но предтечей безвестных гармоний
Закатился за далью росистой...

Стр. 22. Фриче, Владимир Максимович — товарищ Брюсова по университету; историк литературы.

Стр. 22. В „Нов. Дня“ от 5 сент. 1895 г. помещен фельетон Арсени Г. „Московские деканкеты“, гл. обр. о книге Брюсова „Chefs d'Oeuvre“. Еще ранее (30 авг.) фельетон о декадентах вообще — „Позеры“; о какой полемике говорит Брюсов, не ясно.

Стр. 22. Шулятиков, Василий Михайлович (ум. 1912) — критик-марксист.

Стр. 22. Облеухов, Антон Дмитриевич — поэт; изд. отд.: „Оды. Поэмы. Лирика“. М. 1898.

Стр. 22. „Симпатизирующее интервью“ — в газ. „Новости“, 18 ноября 1895 г. — большой фельетон Н. Рока „Из Москвы“. Фельетонист передает свои впечатления о встрече с „живыми символистами“; он ожидал увидеть „эфиопов, видом черных“, а увидел „молодых людей, здоровых, сильных, бодрых, веселых“. — Валерий Брюсов — филолог. Он очень молод: ему всего 22 года. По сложению крепкий. Здоровый цвет лица, темная круглая борода.

Приятный, баритонального оттенка голос. Знает массу стихов наизусть... Разговаривает на языке общепринятом, хотя порой речь его, вообще очень понятная и складная, уснащается неожиданно метафорами в истинно-символистическом духе". На вопрос, каким образом Брюсов пришел к символизму, он — в передаче фельетониста — ответил следующее: „Еще в самые ранние годы мои мне не раз приходило в голову, что поэзия должна отвечать настроениям человека и иметь в виду только настроения. Затем, когда в газетах наших проскальзывали сведения о новом движении среди поэтов Франции, я с жадностью набрасывался на эти случайные заметки, и первым поэтом из числа символистов, с которым я познакомился, был Поль Верлен. Правда, символизм у него довольно условный, тем не менее и он привел меня в неопишуемый восторг. Впоследствии появилась статья Венгеровой, из которой русское общество узнало более подробные сведения о французских декадентах... Теперь могу откровенно заявить, что знаю символическую поэзию всего мира... Слежу за всеми проявлениями ее... Да и, вообще, я не могу себе представить, чтобы в настоящее время возможна была иная поэзия, кроме символической... Только безнадежные виршеплеты... остаются всрны отживающим формам поэзии"... Передавая затем определение сущности символизма, сделанное Брюсовым, фельетонист пишет следующее: „Я видел перед собой людей, которых не испугаешь вышучиваньем, людей действительно проникнутых искренностью увлечения, а отнюдь не искателей славы на легком коньке бессмыслицы. Это не Геростраты поэзии, какими их порой стараются выставить. Мы встречаемся с явлением несравненно более глубоким... Самый круг символистов-поэтов быстро увеличивается. Брюсов, в качестве издателя сборников, получает массу стихотворений со всех концов России... Я спросил, между прочим, каково социальное положение большинства символистов? Оказывается, между ними очень много студентов. Есть люди свободных профессий, имеются дамы, напр., г-жа Зинаида Фукс. Есть даже один надзиратель кадетского корпуса... Кружок символистов, хотя и выпускает в свет общие сборники, не имеет определенной организации и даже не отличается особым единодушием“...

Стр. 23. Коринфский, Аполлон Аполлонович (р. 1868), — поэт; выступил в печати в 1886 г. Автор многочисленных сборников стихов. Кроме стихов, им издан сборник рассказов „Вольная птица“. СПб. 1896 и очерки: „Народная Русь. Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа“. М. 1910 и „Трудовой год русского крестьянина“. М. 1904.

Стр. 23. Бунин, Иван Алексеевич (р. 1870)—поэт и беллетрист. Близость Бунина к Брюсову и другим символистам была недолгой. В изд. „Скорпион“ в 1901 г. вышла книга его стихов „Листопад“; в альманахе „Северные Цветы на 1901 г.“, напечатан его рассказ „Поздней ночью“. Сам Бунин о своем знакомстве с символистами (в 1895 г.) рассказывает следующее: „я познакомился в Москве... с Бальмонтом... с Брюсовым, тогда еще студентом. (Знакомиться поехали мы к нему с Бальмонтом и не застали дома. На другой день он прислал записку Бальмонту: „Очень жалею, что не застали; Бунин, хотя и не символист, но настоящий поэт... Помню, что и тогда это рассмешило меня). Позднее я мельком видал Коневского и Добролюбова.

Они произвели на меня впечатление больных мальчиков с полным сумбуром в голове и в душе, благодаря и болезненности своей и кое-чему прочитанному". (И. А. Бунин. Собр. соч. П. 1915, т. VI, стр. 328).

Стр. 23. „Chefs d'Oeuvre. Сборник стихотворений. (Осень 1894—весна 1895). Стр. 64. 600 экз. Второе издание с изменениями и дополнениями (стр. 92) вышло в 1896 г., тоже в 600 экз.

Стр. 24. „Лазурью обновления“ из стихов А. Курсинского: „И встретить свет в лазури Обновленья уже не нам...“ („Полутени“ М. 1896).

Стр. 24. Три философских этюда Метерлинка: „Невидимая доброта. Внутренняя красота. Глубины жизни.“ — „Сев. Вестн.“ 1896, № 2.

Стр. 24. Из Петербурга Брюсов поехал в Ригу, Варшаву и вернулся в Москву 18 апреля. Эту поездку он, более 15 лет не выезжавший дальше окрестностей Москвы, называет „Круговое путешествие“ (См. „Новый Мир“, 1926, № 12, стр. 117). Пробыв в Москве до начала июня, он поехал через Крым на Кавказ и вернулся в Москву 11 сентября.

Стр. 24. С „юным поэтом“ Брюсов познакомился в Пятигорске. В одном из неизданных писем к Лангу-Миропольскому (от 13 июля) он писал: „я поймал здесь маленького поэта (ему 13 лет)—Александра Браиловского; по общественному положению он — гимназист, по внешнему виду — старообразный мальчик с красивыми зубами и блестящими глазами, по убеждениям — демократ и враг символизма, как и подобает в 13 лет. Мы с ним проводили целые дни“. В след. письме (от 19 июля) Брюсов сообщал, что „пробеседовав долго с А. Браиловским“, написал стансы „Юному поэту“ („Юноша бледный со взором горящим“), ему посвященные. В критико-биограф. словаре С. А. Венгерова (П. 1915) указан: „А. Я. Браиловский, поэт (Ростов на Дону)“. Под таким именем был издан в Ростове на Дону в 1912 г. сборник довольно слабых стихов „Аккорды жизни“.

Стр. 25. Получил из цензуры „Me eum esse“ — integrum, т.-е. рукопись вернули неповрежденной, без помазок.

Стр. 25. Поводом к студенческим волнениям послужило назначение проф. Попова на кафедру факультативной терапевтической клиники, а также протест одной части студентов против другой, пославшей, при содействии университетской администрации, приветствие французским студентам по поводу франко-русского союза. 18 ноября левые студенческие группы организовали на Ваганьковском кладбище панихиду по жертвам Ходынки.

Стр. 26. „История русской лирики“, над которой Брюсов работал долго и упорно, осталась незаконченной; как готовящаяся к печати, работа эта была указана в списке произведений Брюсова в „Chefs d'Oeuvre“ (М. 1896) и „Tertia Vigilia“ (М. 1900).

Стр. 27. Сологуб Федор — псевдоним Федора Кузмича Тетерникова (р. 1863) — известный поэт-символист и беллетрист.

Стр. 28. Упоминаемые в записи 15-го марта драмы, поэмы, повести, монография—или не были осуществлены Брюсовым или остались в черновиках и в печати не появлялись. Не известны в печати упоминаемые далее (на стр. 29) „Философские опыты“.

Стр. 29. Эда — супруга В. Я. Брюсова, Иоанна Матвеевна, урожд. Рунт.

Стр. 29. Et vraiment je ne veux d'autre paradis—И право, я не хочу другого рая.

Стр. 29. „Corona“—так Брюсов предполагал назвать следующий за „Me eum esse“ сборник стихов.

Стр. 29. „La luna llena“... — из неоконченной поэмы Бальмонта „Дон Жуан“ (сборник „Тишина“). Из этой же поэмы отрывок: „Я полюбил жестокие забавы“.

Стр. 31. Лохвицкая, Мирра Александровна, в замужестве Жибер (1869—1905), поэтесса. В печати выступила в 1888 г. Брюсов в некрологе Лохвицкой писал, что к ней „применимы слова Гёте о „двух душах, живущих, ах, в одной груди!“. Первая ее душа, всецело отразившаяся в первой книге ее стихов, ищет ясности, кротости, чистоты, исполнена сострадательной любви к людям и страха перед тем, что люди называют „злом“. Вторая душа... выразилась в ее втором сборнике, пафос которого — чувственная страсть, героический эгоизм, презрение к толпе. В дальнейших книгах Лохвицкой два этих мировоззрения вступают в борьбу... и этим создается поэзия истинного демонизма. По художественности песни греха и страсти—лучшее, что создала Лохвицкая. (В. Брюсов. „Далекие и близкие“. М. 1912, стр. 148).

Стр. 31. Гарин-Виндинг, Дмитрий Николаевич,—актер, беллетрист и журналист. „Призыв“—литературный сборник в пользу престарелых и лишенных способности к труду артистов и их семейств, изданный Гариным-Виндингом в 1897 г. В сборнике помещен сонет Бальмонта „Библия“.

Стр. 31. Розанов, Василий Васильевич (1856 — 1919) — известный публицист и философ, автор многочисленных статей по вопросам семьи и церкви. „Легенда“—„Легенда о великом инквизиторе“.

Стр. 31. Голиков, Владимир Митрофанович (1875 — 1918), поэт и фельетонист московских газет (псевдоним Wega). Изд. отдельно: „Стихи“. М. 1900. „Ночные думы“. Стихи. М. 1902 и „Рассказы“. СПб. 1904. В рецензии на последнюю книгу Брюсов писал, что недостаток Голикова, как писателя состоит в том, что он „вливает новое вино в старые мехи“, но сочувственно вспоминает „его первые опыты, стихи, печатавшиеся в середине 90-х годов,“ („Весы“, 1904, № 5, стр. 54 — рец. Аврелия, т.-е. Брюсова). Цитата из книги стихотворений В. Голикова (М. 1900):

Крошки-ручки изломаю
В нежных пламенных пожатях,
Зацелую, заласкаю,
Задую тебя в объятьях.

Стр. 31. Шперк, Федор Эдуардович, ум. 26-ти лет от туберкулеза, 7 окт. 897 г. Кончив курс лютеранского училища в Петербурге, поступил в университет, на юридический факультет, но не мог, как он говорил, „вбирать мертвого содержания читаемых там лекций“ и вышел из университета, посвятив себя литературной работе. Ему принадлежит ряд брошюр философского содержания: „Система Спинозы“. СПб. 1894. „Философия индивидуальности“. СПб. 1895. „О страхе смерти и принципе жизни“. СПб. 1895. „Мысль и рефлексия“. СПб. 1895. „Книга о духе моем“. СПб. 1896. „Диалектика бытия.

Аргументы и выводы моей философии". СПб. 1897. „Но влияние и значительность — писал в его некрологе В. В. Розанов — он приобрел не этими серьезными, но трудно изложенными брошюрами-трактатами, а длинным рядом очень коротеньких, но очень содержательных критических заметок, которые под псевдонимами Ор и Апокриф он печатал в „Нов. Вр.". Он был библиограф по форме, по краткости своих заметок, но критик, и истинный: критик по их содержательности и глубине... В характере, всей манере, и, наконец, судьбе этого не раскрывшегося еще для жизни юноши было много особенного и исключительного". (В. В. Розанов. „Литературные очерки" Сборник статей. СПб. 1902. Стр. 268 — 274).

Стр. 32. Старый Н. Д. — Николай Дмитриевич Облеухов, ред. журн. „Знамя", сотрудник газ. „Моск. Вед." и „Русский Листок".

Стр. 32. Роман Мережковского из эпохи Возрождения — „Воскресши боги. Леонардо да Винчи" (II ч. трилогии „Христос и Антихрист").

Стр. 32. Льдов, К. (псевдоним Константина Николаевича Розенблюма, род. 1862), поэт и беллетрист. Отдельно изд.: „Стихи". СПб. 1891. „Лицедеи" Ром. СПб. 1892. „Саранча". Ром. СПб. 1894. „Лирич. стих". СПб. 1897. „Отзвуки души". Стих. СПб. 1899. „Пустыня внемет". Ром. СПб. 1903.

Стр. 32. Статья Л. Н. Толстого — исследование „Что такое искусство" появившееся в журн. „Вопросы философии и психологии" (1897—8 г.).

Письмо В. Я. Брюсова сохранилось в архиве Л. Н. Толстого (находится в рукописном отд. библиотеки им. Ленина). Приводим текст этого письма.

20 Янв. 98.

Граф Лев Николаевич!

Только на-днях я мог ознакомиться с Вашей статьей об искусстве, так как все Рождество я пролежал больным в постели. Меня не удивило, что Вы не упомянули моего имени в длинном списке Ваших предшественников, потому что несомненно Вы и не знали моих воззрений на искусство. Между тем именно я должен был занять в этом списке первое место, потому что мои взгляды почти буквально совпадают с Вашими. Я изложил эти свои взгляды — еще не продумав их окончательно — в предисловии к 1 изданию моей книжки *Chefs d'Oeuvre*, появившейся в 1895 г. Прилагаю здесь это предисловие. Вы увидите, что я стоял на той дороге, которая должна была меня привести к тем же выводам, к каким пришел и я. [Явная описка; надо: — пришли и Вы].

Мне не хотелось бы, чтобы этот факт оставался неизвестен читателям Вашей статьи. А Вы, конечно, не захотите взять у меня, подобно богатому в притче Нафана, мою „агнцу единую" Вам легко поправить свою невольную ошибку, сделавши примечание ко второй половине статьи, или к ее отдельному изданию, или, наконец, особым письмом в газетах.

Искренно уважающий Вас

Валерий Брюсов.

(Б. Дмитровка. №№ Тулон).

Р. S. Я никогда не позволил бы себе обращаться к Вам письменно, но болезнь моя, вероятно, еще несколько недель не допустит меня выходить

К этому письму приложен вырезанный из 1-го изд. „Chefs d'Oeuvre“ титульный лист и предисловие. На конверте рукой Л. Н. Толстого сделана красным карандашом помета: Б. О. т.-е.—без ответа.

Стр. 32. Герра, К. (псевдоним К. Мазурина) — поэт. Отд. издано: „Лирика любви“. М. 1892. „Жизнь“. Поэма. М. 1898.

Стр. 32. Саводник, Владимир Федорович (р. 1874), историк литературы. Литературную деятельность начал, как поэт в 1890 г.; в 1898 г. издал в Москве сборник стихов.

Стр. 32. Строфа из стих. Эрл. Мартова из II вып. „Русск. Симв.“:

Луна
Полна
Любви блаженства.
Все совершенство
Природы в ней.
Лучей потоки
Среди осоки
Ласкают фей.

Sic transit gloria mundia — Так проходит земная слава.

Стр. 33. Карл дю-Прель. „Философия мистики или двойственность человеческого существа“. Перев. с немецк. М. С. Аксенова. СПб. 1895. Аллан-Кардек — французский спирит; известна его „Книга медиумов. Изложение и обзор спиритических явлений“, вышедшая в 1861 г. (русск. перев.—СПб. 1904). „Эврика“ — философский трактат Эдг. По. Г. Плеханов (Бельтов).—„К вопросу развития монистического взгляда на историю“.

Стр. 33. „Я не знаю других обязательств“—начало стих. Брюсова „Обязательство“. (Сборн. „Me eum esse“).

Стр. 33. Дрейфус, Альфред—капитан французского генерального штаба (еврей по происхождению), ложно обвиненный в шпионаже и по приговору суда 1895 г. сосланный на Чортов остров. Дело Дрейфуса, возникшее на основании ряда подложных документов, было, по существу, поводом для выступления монархических групп против республики. С защитой Дрейфуса выступили республиканские круги во главе с Жоресом и Э. Золя. Решительную роль в оправдании Дрейфуса имел Э. Золя, выступивший в 1898 г. с письмом к президенту республики, в котором утверждал, что военное министерство и ген. штаб сознательно губили лично им ненавистного Дрейфуса. Золя, обвиненный в клевете, был предан суду, который приговорил его году тюрьмы и трем тыс. фр. штрафу, но он успел бежать в Англию.

Стр. 33. Статья Вл. Соловьева: „Первое начало теоретической философии в журн. „Вопросы философии и психологии“, 1897 г., № 5.

Стр. 34. „Отвечом Толстому“ явилась брошюра Брюсова „О искусстве“ (М. 1899), в предисловии к которой он писал: „Есть сходство в моем определении с положениями Л. Толстого, изложенными им в замечательном сочинении о искусстве. И Толстой, и я, мы считаем искусство средством общения. Позволяю себе напомнить, что я высказывал то же и раньше, в своем предисловии к первому изданию Chefs d'Oeuvre (1895). Там сказано: „Наслаждение

произведением искусства состоит в общении с душой художника... Сущность в произведении искусства — это личность художника; краски, звуки, слова — материал; сюжет и идея — форма". Но Толстой углубил этот взгляд. Он... отказался в учении о искусстве от понятия красоты. Особой красоты искусства, — говорит он, — нет; если и красиво создание искусства, не в том его сущность. С этим и я соглашаюсь, принимаю без оговорок. Толстой еще остерегает не искать в искусстве средства наслаждения. Я тоже скажу, что не цель искусства наслаждение; но верю, что в искусстве источник чистых возвышенных радостей. Полагаю, что меня не сочтут последователем Толстого. Эта книжка никак не развитие его мыслей и не поправка к его учению. Мы исходим из общего положения, но идем к выводам противоположным. Толстой желал бы и по внешности и по содержанию ограничить область художественного творчества. А я ищу свободы в искусстве".

Стр. 34. Викторов, Давид Викторович (ум. 1918)—философ, впоследствии был приват-доцентом Моск. Ун-та.

Стр. 34. Гастроли Густава Сальвини (сын известного Томазо Сальвини) были непродолжительны; прошло всего 4 спектакля: „Отелло“, „Кин“, „Царь Эдип“ и „Гамлет“ („Нов. Дня“, 1898, март 5—7).

Выставка английских художников в залах Строгановского училища на Рождественке.

Стр. 34. В № 1 „Вопросов Философии и Психологии“ 1898 г. напечатано окончание исследования Л. Н. Толстого „Что такое искусство?“, из-за которого книжку журнала задержала духовная цензура.

Стр. 34. Виноградов, Павел Гаврилович (1854 — 1925) — известный историк. Ключевский, Василий Осипович (1842 — 1911) — известный историк. Восторженная оценка трудов Ключевского сделана Брюсовым в рецензии на курс русск. истории. См. „Весы“, 1906, № 1, стр. 74 — 75.

Стр. 34. Переехал на Цветной бульвар, т.-е. в дом Брюсовых, так как женившись, В. Я. зиму 1897 — 98 г. жил в „Тулоне“, меблированных комнатах на Б. Дмитровке.

Стр. 35. „Потонувший колокол“ Гауптмана на сцене О-ва Искусств и Литературы был по отзывам печати поставлен в тонах „излишнего реализма“ не хватало „горячего лирического подъема“. Роль Генриха исполнял К. С. Станиславский, роль Раутенделейн — Андреева. (См. Н. Е. Эфрос. „Станиславский“ П. 1918, стр. 65 — 66). „Пять драм“ — не издано.

Стр. 38. „Vierges aux Rochers“ — „Девы скал“, роман Г. Д'Аннунцио.

Стр. 40. Медведский, Константин Петрович (р. 1867), поэт и критик. В 1896 г. вызвал большой шум статьями, уличавшими Н. К. Михайловского и „Русск. Богатство“ в политической неблагонадежности. Эти статьи осуждались даже консервативной печатью. Грингмут, Владимир Андреевич (1851—1907), реакционный публицист, редактор газ. „Моск. Ведомости“.

Стр. 40. „Знамя“—еженедельный политич. и литературный журнал. Изд. в Москве в 1899 г. А. Д. Пустошкиной под редакцией Н. Д. Облеухова. В программной статье (№ 1) редакция заявляла, что, не имея претензий на какое-либо „новое слово“, она будет продолжать работу своих предшественников — „литературное представительство интересов трудящихся классов“.

России". Сотрудниками журнала были: Н. Геринов, А. Славский, Н. Облеухов, С. Блауберг, С. Чигиед, Ф. Иванов, П. Ухтубужский, Н. Крашенинников, Ф. Тищенко, А. Ядров, Диего и др.

Стр. 41. Лапшин — знакомый М. В. Самыгина-Криницкого.

Стр. 45. Квашнин-Самарин, Евдоким Николаевич (1879 — 1921), морской офицер, работавший над историей русского флота во время войны с Японией. Работы своей он не закончил, но выпустил небольшую книгу: „Морская идея в Русской земле. История до-Петровской Руси с военно-морской точки зрения“. СПб. 1911. В этой книге уже заметно психическое затемнение автора; около года он провел в психиатрической лечебнице. Помимо исторических работ, Квашнин-Самарин писал стихи, очень странные, мистические; считал он себя каким-то пророком.

Стр. 46. Я. И. Эрлих — философ, друг А. М. Добролюбова.

Стр. 47. Зинаида Прекрасная — З. Н. Гиппиус; Мирра Александровна — Лохвицкая; Антон — А. Д. Облеухов; Владимир — В. Гиппиус; Федор — Сологуб; Федоров, Александр Митрофанович — поэт и беллетрист.

Стр. 48. Витгенштейн, Эмилий Карл Людвигович. (1824—1878), князь, генерал-лейтенант, принимал деятельное участие в подавлении польского восстания 1863 г.

— Rester en calèche et faites vous toutes petite — Оставайтесь в коляске и прикиньтесь маленькой.

Стр. 48. Липскеров, Абрам Яковлевич (1856 — 1911), издатель газеты „Новости Дня“.

Стр. 49. Первая статья Брюсова напеч. в „Русск. Арх.“.— „О собрании сочинений Ф. И. Тютчева“ — 1898, № 11.

Стр. 49. Бартенев, Петр Иванович (1829 — 1911) — издатель и редактор исторического журнала „Русский Архив“ (1863 — 1917), историк, один из первых пушкинистов.

Стр. 49. Коган, Петр Семенович (р. 1872) — историк литературы, тогда студент.

Стр. 49. „Курьер“ — ежедневная газета, изд. в Москве (1897 — 1903). Издателем-редактором был Я. А. Фейгин.

Стр. 50. Гольцев, Виктор Александрович (1850—1906)—критик и публицист; был с 1885 г. редактором, а с 1905 г. и издателем „Русской Мысли“; один из ближайших сотрудников „Русск. Вед.“

Стр. 51. Дерзкие выражения из предисловия — предисловие к сборнику „Me eum esse“: „Я издаю книгу далеко незаконченную, в которой некоторые дела только намечены, — потому что не знаю, когда буду в состоянии продолжать ее: может быть, завтра, может быть, через много лет. Мне кажется, однако, что в отрывках, уже написанных, достаточно ясно выступает характер моей новой поэзии. Если мне и не суждено будет продолжать начатое, эти намеки подскажут остальное будущему другу. Приветствую его“. Предисловие помечено: 21 июля, 1896 г. Пятигорск.

Стр. 51. В статье Брюсова „О собр. соч. Ф. И. Тютчева“ сказано, что в романе Ф. Ф. Тютчева „На границе“ (газ. „Свет“, 1893, № 175) было

целиком напечатано до тех пор неизвестное полностью стих. Ф. И. Тютчева „Есть и в моем страдальческом застое“. („Русск. Арх.“ 1898, № 11, стр. 253).

Стр. 51. Антон — Облеухов, Антон Дмитриевич.

Стр. 51. Статья, полученная из цензуры — брошюра „О искусстве“ (Цензурное разр. — 22 окт. 1898 г.).

Стр. 52. В „Знамени“ 1899, № 6 была напечатана статья Ф. Маковского „Поэты-декаденты“, написанная в развязном, глумливом тоне, принятом в те годы большинством журналов и газет, когда речь шла „о декадентах и символистах“.

Стр. 52. Письма Ф. И. Тютчева помещены в „Русск. Арх.“, 1899, №№ 1 — 6, 8, 9, 12.

Стр. 53. Георг Бахман (ум. 1907), был преподавателем немецкого яз. в нескольких учебных заведениях. В 1897 г. в Берлине им издан первый сборник стихов: „Gestalten und Töne“, мало замеченный читателями и критиками. „Ценили и любили Бахмана его немногие друзья, которые из года в год собирались у него на его с у б о т а х (Бальмонт, Ю. Балтрушайтис. В. Брюсов, М. Дурнов, Тор-Ланге, А. Лютер). Только этому небольшому кругу верных открывался истинный облик поэта Георга Бахмана, еще далеко не отчетливо выступающий в его напечатанных ранее произведениях. За десятилет прошедших со времени „Gestalten und Töne“, дарование Бахмана расцвело, раскрылось, заискрилось, как хорошо ограненный алмаз. Бахман сумел выразить свою душу романтика, заброшенного в XX век, однако, усвоившую себе все, ей доступное из творчества последних десятилетий...“ Кроме указанного сборника, (после смерти Бахмана) издано в 1910 г. в Москве и помечено Лейпцигом „Gedichte“. Одно из его русск. стихотворений было помещено без подписи в альманахе „Сев. Цветы на 1901 г.“. Кроме того, ему принадлежит статья в „Русск. Архиве“ 1901, кн. III „Гёте о русских иконах“. Живя в Москве, Бахман собрал великолепную библиотеку, свыше 10 тыс. томов. (См. заметку Аврелия (Брюсова) „Памяти Георга Бахмана“ — „Весы“, 1907, № 7. Переводы из Бахмана см. Е. Варженевская. „Стихотворения“ М. 1901).

Стр. 53. Дурнов, Модест Александрович — поэт, художник, архитектор). По его проекту построены в Москве театр Омона, ныне — театр Мейерхольда. В сборнике Брюсова „Tertia Vigilia“ ему посвящен цикл стихов „Любимцы веков“ и стих. „Призраки“, написанное на тему одной из его картин. Стихи М. Дурнова напеч. в „Книге раздумий“. СПб. 1899.

Стр. 53. Зинаида Николаевна Гиппиус, жена Д. С. Мережковского. (род. 1867). Выступила в печати в нач. 90-х годов.

Стр. 54. Минский, Н. М. (псевд. Николая Максимовича Виленкина, род. 1855) — поэт, драматург, философ; в печати выступил в 1876 г.

Стр. 54. Случевский, Константин Константинович (1837 — 1904) — поэт; своеобразное творчество Случевского высоко ценилось Брюсовым (см. его статьи в книге „Далекие и близкие“ и в V томе „Ист. русск. литературы XIX в.“, под ред. Овсяннико-Куликовского).

К. К. Случевский в течение последних шести лет своей жизни собирал у себя поэтов и поэтесс по пятницам; литературные пятницы происходили

обычно в течение всего зимнего сезона. Мысль собирать у себя поэтов явилась у Случевского в день похорон Я. П. Полонского. Первое собрание состоялось 1 окт. 1898 г. „Пятницы“ проходили в чтении стихов, беседах по литературным вопросам и оканчивались ужином. Позднее (в сезон 1900 — 1901 г.) на „пятницах“ читались рефераты. Между прочим, И. И. Ясинский читал в декабре 1900 г. реферат о поэзии Брюсова. (См. „Пятницы и вечера Случевского“ в газ. „С.-Петерб. Вед.“ 1909, № 28).

Стр. 54. Михаловский, Дмитрий Лаврентьевич (1828 — 1905), поэт-переводчик.

Стр. 54. Лихачов, Владимир Сергеевич (1849—1910), поэт и переводчик.

Стр. 54. Гайдебуров, Василий Павлович, (р. 1866) ред. журн. „Неделя“ основанного его отцом П. А. Гайдебуровым.

Стр. 54. Соколов, Николай Матвеевич (1860 — 1908), поэт и переводчик Канта. Одно время служил цензором в Петерб. цензурном комитете.

Стр. 54. Ясинский, Иероним Иеронимович (р. 1850) — поэт, беллетрист, критик, публицист. Литературную деятельность начал под псевдонимом Максим Белинский, публицистич. статьи печатал под псевдонимом Независимый. С середины 80-х годов Ясинский выступил сторонником „чистого искусства“. В изд. им журналах — „Ежемесячные Сочинения“ (1900 — 1903), „Беседа“ (1903 — 1906), „Почтальон“ (1902 — 1903) Ясинский помещал стихи символистов и статьи в защиту символизма. Ему принадлежит сочувственная рецензия на сборник Брюсова „Tertia Vigilia“ („Ежем. Соч.“ 1901, № 1). В журналах Ясинского помещен ряд стих. и статей Брюсова.

Стр. 54. Сафонов, Сергей Александрович (1867 — 1904) — поэт и беллетрист; в печати выступил в 1888 г.

Мазуркевич, Владимир Александрович (р. 1871) — поэт; выступил в печати в 1887 г.

Стр. 54. Грибовский, Вячеслав Михайлович (р. 1867), поэт и беллетрист; печати выступил в 90-х г.г. Будучи ученым юристом (доктор государств. права) издал несколько научных работ — „Народ и власть в Византийском государстве“ и др.

Стр. 55. Фидлер, Федор Федорович (р. 1867), преподаватель немец. яз. в нескольких петерб. гимназиях, переводчик русских поэтов на немецкий яз. В продолжении нескольких десятков лет Фидлер собрал обширную коллекцию портретов, каррикатур, автографов и реликвий русских писателей. (См. „Солнце России“, 1911, № 47 — „Литературный музей Фидлера“).

Стр. 57. Мессарош, Петр Иванович — журналист (ум. 1900 г.).

Стр. 57. Лебедев, Владимир Петрович (р. 1869), поэт и беллетрист.

Стр. 57. Ореус, Иван Иванович (1877 — 1901), поэт, печатавшийся под псевдонимом — Иван Коневской. Посмертное собр. соч. Ив. Коневского „Стихи и проза“ издано „Скорпионом“ в 1904 г. под ред. В. Брюсова, который высоко ценил творчество юноши поэта. (См. статью Брюсова „Мудрое дитя“ в собр. соч. Коневского; перепеч. в книге „Далекie и близкие“. М. 1912; стих. „Памяти И. Коневского“ в сборн. „Urbi et Orbi“ и „На могиле Ив. Коневского“ в сборн. „Зеркало теней“).

Стр. 59. Ссора с „Русск. Вед.“ из-за ошибки в объявлениях о брошюре „О искусстве“; газета упорно печатала „Об искусстве“, Брюсов же дорожил особенностями своего правописания, усвоенными у Л. И. Поливанова, который убедил его, „что предлог о б ставится только перед местоимениями“. (См. Автобиогр. Брюсова в I т. „Русск. Лит. XX века“ под ред. С. А. Венгерова).

Стр. 59. Ланге, Тор — датский писатель (1851 — 1912), переводчик на датский язык славянских народных песен, а также русских поэтов — Ал. Толстого, К. Бальмонта и др. Был преподавателем классич. яз. в Катковском лицее в Москве. Стихи Ланге переводил Бальмонт. (См. его сборник „Из чужеземных поэтов СПб. 1908). Список литературных работ Т. Ланге приведен в книге „Краткий очерк 50-летия Моск. III гимназии“ Сост. П. Виноградов. М. 1889 стр. 149—150.

Стр. 59. Жураковский, Евгений Дмитриевич (р. 1873), критик, историк литературы.

Стр. 60. „пишу с духами“, т.-е. бываю на спиритических сеансах. Для характеристики Брюсова чрезвычайно любопытна его оценка спиритических явлений, переданная в воспоминаниях В. Ф. Ходасевича. После одного из спиритических сеансов Брюсов сказал: „Спиритические силы со временем будут изучены и, может быть, даже найдут себе применение в технике, подобно пару и электричеству“ („Современные Записки“, Париж. 1925, № 23).

Стр. 60. „Антигона“ трагедия Софокла — на сцене Художественного общедоступного театра.

Стр. 60. В Шуе, Владим. губ. жили родные К. Д. Бальмонта; его отец был председателем Шуйской земской управы.

Вспоминая об отношениях своих к Брюсову летом 1899 г., Бальмонт позднее (в 1908 г.) писал; „Продолжала... тянуться и осложняться многоцветная нить моей дружбы-вражды с Валерием Брюсовым, с которым мы ходили вдвоем по нашим душам, как ходят в минуты счастья по ночному и утреннему саду, и как ходила андерсеновская русалочка по осколкам стекла. В то лето, однако, Брюсов представлял для меня мало интереса. Мы с ним скорее встречались тогда — помнится, лишь два-три раза — как встречались когда-то александрийские спорщики, чтобы поиграть рапирами слов и кинжалами понятий, блеснуть, проблистать, переблестеть, завлечь, усмехнуться, уйти. Не в этом, конечно, главное содержание моей многолетней дружбы с Брюсовым, но в то лето было почти только это“. (К. Д. Бальмонт. „Морское свечение“. СПб. 1910, стр. 197).

Стр. 60. Кн. Урусов, Александр Иванович (1843 — 1900), известный адвокат, блестящий оратор, тонкий знаток и ценитель французской литературы, автор статей по вопросам искусства и литературы. Его статьи и воспоминания о нем собраны в издании „Кн. А. И. Урусов“, т. I — III. М. 1907. Бальмонт, Ек. Ал. — жена К. Д. Бальмонта.

Кн. Урусов в статье „Четыре мысли по поводу чествования Пушкина“ („Бирж. Вед.“ 1898, 20 дек.) писал: „Для изучения поэта, его психологии, его темперамента, его гения нужно, между прочим, основательное знание его языка, нужно знать запас его слов как материал его

мыслей“ и предлагал приступить к скорейшему составлению пушкинского словаря. По его мысли нужно было составить редакционный комитет и посредством газетных объявлений пригласить сотрудников „в числе равном числу страниц наиболее распространенного дешевого и сравнительно полного издания соч. Пушкина... Нужно две тысячи сотрудников, которые заявляют письменно о своем согласии участвовать в составлении Пушкинского словаря... Каждому сотруднику назначается для разработки одна страница данного издания Пушкина. Работа сотрудника должна заключаться в том, что на осьмушках обыкновенной писчей бумаги пишется: 1) первое слово данной страницы, 2) стих или фраза, где это слово употреблено поэтом, 3) произведение, в котором находится этот стих или фраза с датой произведения... Таким образом, для каждого слова составляется так наз. фиша. Эти фиши отсылаются в редакцию, там они подвергаются систематическому сортированию“. Предложение Урусова встретило сочувствие, явились сотрудники и было предположено часть словаря (слова на букву А) напечатать к Пушкинскому юбилею. Но начинание Урусова не осуществилось и Пушкинского словаря до сих пор нет. („Кн. А. И. Урусов“, т. II — III, М. 1907. Стр. 28 — 33).

Стр. 60. Цепкин, Вячеслав Николаевич (1863—1920), филолог; с 1907 г. проф. Моск. ун-та, где читал курсы по истории славянских языков и литературе, истории южных славян и по палеографии.

Стр. 60. Сабашников, Михаил Васильевич, — издатель.

Стр. 60. Книга, задуманная Бальмонтом — „Книга Раздумий“. СПб. 1907. (Стихи Бальмонта, Брюсова, М. Дурнова, И. Коневского).

Стр. 61. Фохт, Борис Александрович — философ, ученик Л. М. Лопатина.

Стр. 61. Статья Брюсова о Баратынском — вероятно „О собрании соч. Баратынского“, напеч. в Русск. Арх. 1899 г. № 11.

Стр. 62. Рецензия на брошюру Брюсова „О искусстве“ — „Русск. Бог.“. 1899, № 2, стр. 56 — 57. Анонимный рецензент замечает, что брошюра даже не имеет интереса курьеза, как стихи Брюсова, и особенно высмеивает фразу из предисловия — „И Толстой, и я, мы считаем искусство средством общения“.

Стр. 62. Депеши Гольца — „Первые месяцы царствования Екатерины Великой. Из донесений прусского посланника Гольца Фридриху Великому“. — „Русск. Арх.“ 1900, I.

Стр. 62. Смерть Льва Ивановича — Поливанова.

Стр. 62. Редактором газ. „Южное Обозрение“, изд. в Одессе, где было напечатано несколько стих. Брюсова (см. его библиогр.), был Николай Петрович Цакни, на дочери которого в 1898 г. женился И. А. Бунин. (Соч. И. А. Бунина. П. 1915, т. VI, стр. 329).

Стр. 63. „Впережку“ — заглавие одной из статей Н. К. Михайловского.

Стр. 63. „Немецкая рыжеволосая мадонна“ — повидимому — „Мадонна в беседке“ Луки Кранаха Старшего. В Эрмитаже есть и другая, тоже „рыжеволосая“ — „Мадонна под яблоней“.

Коэльо, Алонзо Санхес — испанский художник (1515 — 1590). В Эрмитаже его картина: „Маргарита герцогиня Пармская“. В Эрмитаже находится несколько „Египтянок на гробнице“, — о какой говорит Брюсов не знаем; не ясно, какую скульптуру или картину он называет андрогиной.

Стр. 63. „Освобожденный Прометей“ — лирическая драма Шелли в перев. К. Д. Бальмонта была первоначально напечатана в „Русск. Мысли (1897 г., № 1, 2, 5, 9), а затем в VI вып. соч. Шелли. (СПб. 1899).

Стр. 63. Боборыкин, Петр Дмитриевич (1836 — 1919) — известный романист.

Стр. 63. Андреевский, Сергей Аркадьевич (1847 — 1919) — поэт и критик, известный адвокат.

Стр. 64. Брюсов высоко ценил стихи К. Павловой (1807 — 1893). В предисловии к собр. соч. Павловой он писал, что она „принадлежит к числу наших замечательнейших поэтов“. (К. Павлова. Собр. соч., т. I. М. 1915. Биографич. очерк К. Павловой, написанный Брюсовым, первоначально был напечатан в „Ежемесячн. Соч.“ 1903, т. II).

Стр. 64. „Утром ли“ — так Брюсов называет стих. Ал. Добролюбова „Встал ли я ночью? Утром ли встал?“ (Собр. стихов. М. 1900. Стр. 19), в котором есть строка: „Отрок ли я, иль звезда в вышине“. Читая стихотворение по памяти, Брюсов мог изменить эту строку.

Перевод Брюсова из Метерлинка — „А если он возвратится“ — напеч. в „Книге Раздумий“. СПб. 1899. Стр. 42.

Стр. 64. Вейнберг, Петр Исаевич (1831 — 1908) — поэт и переводчик, автор статей по вопросам литературы и театра.

Стр. 65. Марло, К. „Трагическая история доктора Фауста“ в перев. К. Д. Бальмонта первонач. напечатана в журн. „Жизнь“, 1899, № 8. Отдельное издание — М. 1916.

Стр. 65. Поэма К. М. Фофанова в октавах „Необыкновенный роман“, написана в 1899 г., но напечатана только в 1910 (СПб.). В поэме изображен некий кантонист Иван Горелка. За провинности ему грозило наказание. Обладая женовидной внешностью, он переоделся женщиной, достал паспорт на имя Марианы Бартолей. Любовные похождения Марианы-Ивана и описывает Фофанов в „Необыкновенном романе“

Стр. 65. Чюмина, Ольга Михайловна (1864 — 1909) — поэтесса и переводчица; автор нескольких сборников рассказов стихов и романов.

Стр. 65. Allegro — псевдоним Поликсены Сергеевны Соловьевой — (1867-1924), дочь историка С. М. Соловьева, поэтесса.

Стр. 65. 1-я строфа стих. Брюсова „Демоны пыли“ (Сборн. „Tertia Vigilia“):

Есть демоны пыли,
Как демоны снега и света.
Есть демоны пыли!
Их одежда, багряного цвета,
Горит огнем.
Но серым плащом
Они с усмешкой ее закрыли.

Стр. 65. Пушкинский сборник — „Денница. Именем Пушкина“. Альманах 1900 г., изд. под ред. П. П. Гнедича, К. К. Случевского и И. И. Ясинского. СПб. 1899. В альманахе напечатаны стихи современных поэтов: Аверкиева, Бальмонта, Голенищева-Кутузова, Мережковского, Минского, Фофанова, Щепкиной-Куперник и др., кроме Брюсова.

Стр. 65. Стих. М. А. Лохвицкой „Шмель“ из цикла „Легенды и фантазии“ вошло в III т. стих. СПб. 1900.

Стр. 66. Шуф, Владимир Александрович (р. 1865) — поэт, выступил, в печати в 1884.

Стр. 66. Порфилов, Петр Федорович (1870 — 1903) — поэт, выступил в печати в 1890 г. Полное собр. стих. вышло в 1908 г.

Стр. 66. Быков, Петр Васильевич (1843 — 1926) — библиограф, поэт и переводчик. Под его редакцией изданы полные собр. соч. Мая, Жадовской, Лермонтова, Кольцова, Плещеева, Тютчева и др.

Стр. 66. Бярятинский, Владимир Владимирович, кн. (р. 1874), беллетрист и драматург; его жена — артистка Л. Б. Яворская.

Стр. 66. Черниговец-Вишневский, Федор Владимирович (р. 1838), генерал-майор в отставке, поэт и философ, переводчик Шопенгауэра; сотрудник „Нов. Времени“, „Века“, „Русск. Вестн.“. Был известен, как автор множества юмористических экспромтов.

Стр. 66. Буренин, Виктор Петрович (1841—1926), критик, драматург, сотрудник „Нов. Времени“. Написал много пародий на русских поэтов.

Стр 67. „Гимн красоте“—сборник стих., А. Коринфского П. 1899.

Стр. 67. Шахматов, Алексей Александрович (1864 — 1920), лингвист, академик. Китс, Джон (1796—1821) — англ. поэт.

Стр. 67. Рецензия на VI вып. соч. Шелли в перев. Бальмонта — журн. „Знамя“, 1899, № 12.

Стр. 68. Рец. на брошюру „О искусстве“ в № 1 „Вопр. Философии и Психологии“, 1899. Анонимный рецензент, не оценивая работы Брюсова по существу, пересказывает (рядом цитат) его основные мысли, высказанные „в ряде афористических вещей“.

Стр. 68. Студенческие волнения 1899 г. начались в Петерб. университете. Поводом к ним послужило объявление ректора, „приглашавшее студентов не нарушать общественной тишины и спокойствия и перечислявшее кары, угрожавшие виновным“. Объявление вызвало студенческую демонстрацию на акте 8 февраля (в Петерб. ун-те). Последовавшее избиение студентов полицией привело к забастовке, к которой примкнуло 30 высш. уч. зав. с 25 тыс. участвующих в движении студентов. Студенческие волнения были встречены со стороны правительства самыми суровыми мерами. За февраль и март из одного Моск. ун-та было исключено 949 человек. Были изданы „временные правила“ об отдаче студентов в солдаты. Студенчество ответило на временные правила забастовкой и демонстрациями. (См. Р. Выдрин. „Основные моменты студенческого движения в России“. М. 1908. Г. Энгель и В. Горохов. „Из истории студенческого движения 1899—1906. СПб.).

Стр. 68. Емельянов-Коханский, Александр Николаевич (р. 1871). В критико-биограф. словаре С. А. Венгерова (т. I, Пгр, 1915) он определен, как „автор романов и спекулятивных подделок под декадентство“. В 1895 г., им издан в Москве сборник стихов „Обнаженные нервы“; к сборнику приложен портрет автора в костюме оперного демона и юмористически-скандальное предисловие, вероятно вымышленного издателя А. С. Чернова. Стихи Емельянова-Коханского б. ч. или подделки под декадентство или бойкие вирши из юмористических журнальчиков, но иные — довольно своеобразны; на тусклом фоне общей массы стихотворений, появляющихся в 90-е годы, они могли остановить внимание юного Брюсова некоторой оригинальностью. В рецензии на 3-е изд. сборника Емельянова-Коханского (М. 1904) Брюсов писал: „Емельянов-Коханский прежде всего писатель некультурный, в этом главный недостаток его книг. Он не принадлежит ни к какой „школе“ в поэзии, потому что ничему не учился ни у прежних авторов, ни у современных. Его стихи плохо и неряшливо сделаны, а круг его интересов узок, настроения, которыми он живет, низменны. Емельянов-Коханский в литературе похож на невоспитанного человека, который задумал быть развязным и смелым в обществе: все выходы его грубы и не столько смешны, сколько неприятны. При всем том нельзя сказать, чтобы Емельянов-Коханский был совершенно обделен дарованием поэта“... „Весы“, 1907, № 4, стр. 60—61 Рецензия подписана: Д. Сбирко. Псевдоним раскрыт в книге „Библиография Валерия Брюсова“. М. 1913).

Стр. 68. Бартенев, Юрий Петрович (1866—1908), сын изд. „Русск. Арх.“ П. И. Бартенева. Окончив историко-филологич. факультет Моск. ун-та, некоторое время состоял преподавателем одной из моск. гимназий, затем служил цензором в Моск. комитете по делам печати. („Ист. Вестн.“, 1908, № 12, стр. 1178).

Стр. 68. Лопатин, Лев Михайлович (1855 — 1920), философ, проф. Моск. ун-та, председатель Моск. Психологич. Общества, один из редакторов журн. „Вопросы Философии и Психологии“.

Стр. 68. Брандт, Роман Федорович (1853 — 1922), славист, проф. Моск. ун-та. Кроме ученых трудов, издал под псевдонимом Орест Головин несколько сборников стихотворений и басен.

В „Русск. Бог.“, 1899, № 3 была помещена анонимная рецензия на книгу Ореста Головина „Басни переводные, подражательные и оригинальные“. Высмеивая книгу, рецензент, между прочим, приводит цитату из предисловия, раскрывающую псевдоним автора — проф. Р. Ф. Брандта, который писал, что ему „кажется некрасивым на книге русских стихотворений ставить иностранную фамилию“... „Мы — пишет рецензент — и в серьез принялись было разбирать его книгу... а оказывается... ах, шутник, шутник! он, подобно знаменитому Валерию Брюсову, нарочно надел на себя маску протодушия и серьезности, чтобы лучше насмешить нас!“.

Стр. 69. Перевод эпитафий из Руссо: „Я ничего не постиг, я все почувствовал“ („Исповедь“). „Оставьте дам, но изучайте математику“. („Общественный договор“).

Стр. 70. Соболевский, Сергей Иванович (р. 1864), филолог, проф. Моск. ун-та по кафедре греческой словесности. Шеффер, Валериан Александрович (1864 — 1900), филолог, проф. Моск. ун-та по кафедре классической филологии.

Стр. 70. Никитин, Петр Васильевич (р. 1849), филолог, академик.

Стр. 70. Лебедев, Алексей Петрович, доктор богословия; проф. Моск. ун-та по кафедре истории церкви.

Стр. 70. Соколов, Матвей Иванович (1855 — 1906), славист, проф. Моск. ун-та по кафедре русск. яз. и словесности.

Стр. 71. В отчете Моск. ун-та (М. 1899. Стр. 179 — 181) не значатся, упоминаемые Брюсовым, Мих. Сперанский и Г. Покровский.

Стр. 71. Баньки (или Лисьи Горы) — имение, принадлежавшее Поляковым, Моск. уезда, близ ст. Павшино, Виндавской ж. д. В этом имении часто жил К. Д. Бальмонт у Поляковых Якова Алекс. и Анны Алексеевны, сестры Екатерины Алексеевны Бальмонт; здесь им была написана большая часть стихов книги „Горящие здания“. (К. Д. Бальмонт „Морское свечение“. СПб. 1910, стр. 196).

Стр. 71. Анна Рудольфовна Минцлова (ум.) — переводчица Новалиса, была в то время известна в теософских кругах.

Стр. 74. М. Криницкий. „Цветы репейника“. Рассказы для взрослых М. 1899.

Стр. 74. Поляков, Сергей Александрович (р. 1874), математик по образованию, переводчик (ему принадлежит лучший перевод „Пана“ К. Гамсуна), основатель книгоиздательства „Скорпион“, редактор-издатель журн. „Весы“ (1904 — 1909). В печати выступил переводом брошюры Wilhelm Meyer „Марс по наблюдениям 1892 — 1894 годов“ М. 1897.

Книгоиздательство „Скорпион“, организованное С. А. Поляковым, и журнал „Весы“ сыграли большую роль в истории русского символизма. „Скорпионом“ были изданы едва ли не все книги, наиболее выдающихся представителей „нового искусства“ в России. Внешняя сторона „скорпионовских“ изданий имеет не малое значение в развитии нашего полиграфического искусства. Деятельность изд. „Скорпион“ прекратилась в 1916 г.; последней из изданных им книг была: Л. Сабанеев. „Скрябин“. М. 1916. (См. каталог книгоизд. „Скорпион“. М. 1902; здесь помещена программная статья издательства и собраны отзывы печати; каталог открывается стихотворением Брюсова „Терцины к спискам книг“. Каталоги последующих годов печатались в „Весах“ 1904 — 1909 г. и в др. изданиях „Скорпиона“).

Роль Полякова в истории нового русского искусства значительнее его официальной роли издателя. Тонкий знаток и ценитель искусства, он сумел сплотить вокруг „Скорпиона“ писателей и художников и был душой созданного им дела.

Стр. 74. Балтрушайтис, Юргис Казимирович (р. 1873), русский поэт-символист, в печати выступил в 1899 г. Известен, как отличный переводчик Ибсена, Д'Аннунцио, Гамсуна, Стриндберга и др.

Стр. 75. Стих. Брюсова „Металлы“ (сборн. „Tertia Vigilia“) и стих. Бальмонта „Драгоценные камни“ (Сборн. „Горящие здания“) аналогичны по

темам. В славословии Брюсова: золото, серебро, бронза, сталь; у Бальмонта: изумруд, яшма, хризолит, гиацинт, рубин.

Стр. 75. Григорий Александрович Поляков, брат С. А. Полякова, директор одной из фабрик в Щелкове.

Стр. 76. Дело о злоупотреблениях в Моск. Городском Кредитном Обществе, начатое рассмотрением в Судебной палате в сентябре 1899 г., окончилось в октябре приговором, которым члены правления признаны виновными в том, что злонамеренно, из личных выгод, не назначали в торги заложенные в Кредитном Об-ве имущества, выдавали самовольно различные суммы под видом комиссионного вознаграждения и т. д. (Моск. Гор. Кредитное Общество. Очерк 50-летия его деятельности. М. 1912. Стр. 183 — 185).

Стр. 76. Мамонтов, Савва Иванович (1852 — 1918), моск. купец широкого европейского размаха; строитель Моск.-Яросл. ж. д. Обладал большим художественным вкусом; основатель первого частного оперного театра в Москве. Благодаря его денежной и идейной поддержке выдвинулась московская школа художников: В. Васнецов, М. Врубель, В. Серов и мн. др. Ему многим обязан Ф. Шаляпин. В его имени, Абрамцеве, подолго жили и работали Репин, Поленова, Серов, Малютин и др. (см. Н. Поленова. „Абрамцево, из истории одной усадьбы“. Изд. Сабашниковых. М. 1923). С. И. Мамонтов был обвинен в том, что будучи председателем Правления О-ва Моск.-Яросл.-Арханг. ж. д. растратил из сумм дороги 9 миллионов, субсидируя Невский механич. завод, где он был главным учредителем и пайщиком. Дело Мамонтова разбиралось в мае 1900 г. Процесс длился несколько дней. — На процессе выступали известные адвокаты — Плевако, Карабчевский, Шубинский, Маклаков. Суд всем подсудимым вынес оправдательный приговор. (См. Е. И. Козлина. „За полвека“. М. 1913. Стр. 470 — 473; обвинит. акт в газете „Курьер“, 1900, № 173).

Стр. 76. Стихи Ореуса — Ив. Коневского, написанные в дни студенческих волнений в Петербурге в февр. 1899 г. „Zeitgedichte“ (Ив. Коневский. „Стихи и проза“. М. 1904, стр. 69 — 70 и примеч., стр. 241).

Стр. 77. Погружен в XVII в к... — В связи с работой над историей русской лирики до Ломоносова, у Брюсова возник интерес к XVII веку, к его быту. Он усердно собирал материалы, совершал экскурсии по „старой Москве“, осматривая терема, древние храмы и т. д.

Стр. 77. „Среда“ — товарищеский кружок художников, основателем которого был Владимир Егорович Шмаровин, друг художников и коллекционер. (См. „Из записной книжки А. П. Бахрушина“. М. 1916. Стр. 14 — 15).

Стр. 77. Синцов, А. А. (1865 — 1909), художник, писавший картины на темы сказочного востока; Врубель, М. А. (1856 — 1910, известный художник; Калмыков, И. Л. (1866 — 1926), художник-пейзажист; Клодт, Н. А. — художник-пейзажист.

Стр. 77. Ашинов, Николай Иванович, авантюрист, именовавший себя „вольным казаком“, известен своей экспедицией в Абиссинию 1889 г., организованной при поддержке Победоносцева; Ашинов был арестован французами за попытку отнять часть французской колонии Обок, объявив ее русской.

Русское правительство отреклось от Ашинова, потерпевшего в своей колониальной аванюре неудачу.

Стр. 78. Кн. Голицын, Владимир Михайлович — моск. городской голова.

Стр. 78. Книга Ореуса — Ив. Коневский. „Мечты и Думы“. СПб. 1900.

Стр. 78. В № 12 „Русск. Арх.“ 1899 г., было напечатано, взятое из „Современника“ 1854 г., стих. „На появление Английского флота под Петербургом“ и приписанное „Р. Арх.“ Тютчеву, тогда как в действительности оно принадлежит Некрасову. Заметка об этом Брюсова — „Русск. Арх.“ 1900, № 2.

Стр. 79. Поляков, Александр Александрович, — брат С. А. Полякова, инженер-механик. Фабрика — в Ново-Никольском, бл. ст. Опалиха.

„Интермедь“, написанная Брюсовым, — „О вреде курения табака“. (Не издано).

„Поспешай на быстрых лыжах“ — из поэмы Брюсова „Царю Северного Полюса“. (Сборн. „Tertia Vigilia“).

Стр. 80. Билибин, Иван Яковлевич (р. 1876) — художник, известен своими иллюстрациями к русским сказкам. Ив. Коневской посвятил ему несколько стихотворений.

„Церковь св. Владимира, что в Старых садах“ находится против Ивановского м-ря. Храм принадлежит к древнейшим архитектурным памятникам Москвы; построен в 1514 г. архитектором Алевизом Фрязином. Наименование „в Старых садах“ происходит от бывших здесь великокняжеских садов. (И. К. Кондратьев. „Седая старина Москвы“. М. 1893. Стр. 366—367). Церковь Живоначальной троицы, что в Микитниках“ или „Грузинской божьей матери“ находится в Грузинском пер. на Варварке. „Построенная в 1628 г. одним из московских гостей Григорием Никитниковым, — отсюда и старинное название церкви, что в Микитниках“, — церковь замечательна по своим формам. Она имеет сводчатое перекрытие с рядом кокошников около глав и является законченным образцом русского зодчества XVII века... Иконы в ней древнего письма; среди них есть работы Симона Ушакова. („По Москве. Прогулки по Москве и ее художеств. и просветит. учрежд.“ Изд. Сабашниковых. М. 1917. Стр. 81, 216—217).

Стр. 80. Любич-Кошуров, Иосаф Аристович (р. 1872), журналист и беллетрист, работал в провинциальных газетах, в „Будильнике“, „Развлечении“ и в журналах для детей. И. Белоусов в своих воспоминаниях (Альманах „Сегодня“, I. М. 1926, стр. 124—126) передает любопытные подробности о житье Любича-Кошурова „в полуразрушенном флигельке, в глухой местности за Бутырской заставой,“ с охотничьими собаками.

Стр. 80. 2-е издание сборника „Молодая поэзия“ не осуществилось.

Стр. 81. В „Русск. Арх.“ 1900, № 2 напеч.: „Фельдмаршал кн. Ф. В. Сакен, его биография и памятные записки.“

Стр. 81. Павлов, Николай Михайлович (1836—1906), юрист по образованию, выступил в литературе (в 1856 г.) под псевдонимом Н. Бицин, печатая стихи, рассказы, историко-литературные и публицистические статьи. Им написана „Русская история от древнейших до новейших времен“, в пяти томах. М. 1896 — 1902.

Стр. 81. „Вечер Нового Искусства“ в зале Охотничьего клуба был 15 февр. 1900 г. По отзыву „Нов. Дня“ (16 февр.)—„привлек многочисленную публику и прошел с большим успехом“. В первом отделении вечера шла пьеса Метерлинка „Втируша“, два другие отделения состояли из чтения стихов Бодлэра, Бальмонта и романсов на слова Ришпена и др. „Декорация украшавшая сцену, и рисунки афиш тоже были исполнены в духе искусства... Один из исполнителей даже читал стихи в каком-то странном полумонашеском костюме, при красноватом освещении рампы“.

Стр. 81. Каллаш, Владимир Владимирович (1866—1918), историк литературы, библиограф. Книга, подаренная им Брюсову: „Русские поэты о Пушкине. Сборник стихотворений. Сост. В. Каллаш“. М. 1899. В рецензии В. Каллаша („Курьер“, 1899, № 169, 21 июня) Брюсов назван „красой и славой русского декадентства“. Приведа ряд, выхваченных из текста, цитат и на первом месте фразу Брюсова: „И Толстой, и я, мы считаем искусство средством общения“—Каллаш оканчивает рецензию словами: „Кажется, комментарии излишни“.

Стр. 81. Медведев, Лев Михайлович (1865 — 1904), поэт; выступил в печати в 1882 г. Отд. изд. „Стихотворения“. М. 1886.

Стр. 82. Бердяев, Сергей Александрович (род. в середине 1850 г.г.). поэт и публицист; сотрудничал в киевских газетах под псевдонимом С. Киевский.

Стр. 82. В газетном отчете об Обще-германской художественной выставке по поводу картин Штука писалось след.: „Наиболее характерным художником-символистом можно считать художника Штука; из трех его произведений особенно привлекает внимание нагая женская полуфигура, олицетворяющая „Грех“... Весь интерес этой картины сосредоточивается в тонкой экспрессии лица, переданной с большим талантом. При этой экспрессии даже змей, обвивающий шею женщины, теряет свое значение.“ В отчете отмечены и скульптурные работы (бронза) Штука, „а из них более всего фигура атлета, поднявшего шар“. „Петр I в Альтоне“ — картина Вернера. „В этой картине художнику — писал рецензент — удалось изобразить Петра I, совершенно не похожим ни на один из существующих многочисленных его портретов,“ („Русск. Вед.“ 1900, 28 февр.).

Стр. 82. Коваленский, Михаил Николаевич, историк (ум. 1924).

Стр. 82. Буллер и бар. Метуэн — английские генералы, потерпевшие ряд поражений во время англо-бурской войны.

Стр. 83. Самоквасов, Дмитрий Яковлевич (1843 — 1912), юрист и археолог, проф. Моск. ун-та по кафедре истории русского права.

Стр. 83. Иловайский, Дмитрий Иванович. (р. 1832 г.), русский историк.

Стр. 83. Байер (Готлиб-Зигфрид) — академик, исследователь русских древностей. (1694 — 1738). В русской историографии Байер является основателем скандинавской школы.

Стр. 83. Портрет Шестеркиной — работы худ. Мих. Шестеркина.

Стр. 83. Вышел Ибсен — первое издание драмы Г. Ибсена „Когда мы, мертвые, проснемся“. Перев. с норвежского Ю. Балтрушайтиса и С. Поля-

кова. Изд. „Скорпион“. М. 1901. Первое издание разошлось в три недели. (См. „Каталог книгоизд. „Скорпион“ к началу 1902“. Стр. 39).

Издание Добролюбова — Собр. стих. А. Добролюбова, изд. „Скорпионом“. (М. 1900) с предисловиями Ив. Коневского и В. Брюсова.

Стр. 83. Михеев, Василий Михайлович (1859 — 1908), беллетрист и художеств. критик. Васнецов, Виктор Михайлович (1848—1926), известный художник. Его картина „Баян“ была на Передвижной выставке в нач. 1900-х годов.

Стр. 83. На картине М. Дурнова изображены на фоне Эйфелевой Башни главные деятели XIX века—писатели, ученые, политики, императоры.

Стр. 84. Черногубов, Николай Николаевич, московский коллекционер, владевший большим количеством материалов, относящихся к А. Фету, Ап. Григорьеву, Страхову, Тургеневу. В настоящее время часть архива Черногубова находится в публичной библиотеке имени Ленина в Москве. Черногубову принадлежат статьи „Происхождение А. А. Фета“ („Русск. Арх.“ 1900, № 8) и „К хронологии стихов А. Фета“. (Альманах „Северные Цветы на 1902 г.“).

Стр. 84. Ефремов, Петр Александрович (1830 — 1907), известный библиограф.

Стр. 84. Чаев, Николай Александрович (р. 1824 г, ум. 1914.), драматург и поэт. Окончил Моск. университет в 1850 г. В конце 50-х г.г. был цензором при Моск. почтамте, затем занимал должность хранителя Моск. Оружейной палаты; с 1887 г. состоял председателем Об-ва Драматических писателей.

Стр. 84. „Муравей“ — еженедельный художественно - литературный и юмористический журнал, изд. с 1900 г. в Москве.

Стр. 84. Ачкасов, Алексей Николаевич (р. 1870), журналист; под псевдонимом Дезесперанто сотрудничал в „Киевской Мысли“; издал под псевдонимом Павел Крот книгу „Психография“.

Стр. 85. На XXVIII Передвижной выставке И. Е. Репин выставял: портрет бар. В. И. Икскуль, портрет И. М. Сеченова, портрет М. Горького, вариант картины „Арест“. Ап. М. Васнецов: — „Москва XVII в.“ В. М. Васнецов: — „Иван-царевич на сером волке“ и портрет сына. Г. Г. Мясоедов: — крымские этюды. И. И. Левитан: предсмертные работы (ум. 1900): „Ручей весною“, „Стога“, „Летний вечер“, „Сумерки“. Н. В. Досекин: — марины.

Стр. 85. Федоров, Николай Федорович (1824—1903), философ-мистик. С 1868 г. по день смерти был библиотекарем при читальном зале Моск. Румянцовского музея. Философское учение Федорова было известно очень немногим, так как трудов своих он не печатал. Философскими идеями его интересовались Достоевский, Вл. Соловьев, Л. Толстой. Сочинения Федорова были изданы уже после его смерти: „Философия общего дела. Статьи, мысли и письма Н. Ф. Федорова“, изд. под ред. В. А. Кожевникова и И. П. Петерсона, т. I. Верный. 1906; т. II. 1913. О Федорове см. статью В. А. Кожевникова в „Русск. Арх.“ 1904, № 1.

Стр. 85. Кожевников, В. А., последователь философа Н. Ф. Федорова, редактор его сочинений.

Стр. 85. Русское Библиографическое Общество при Моск. Университете.

Стр. 85. Грен, Николай Аркадьевич (р. 1867), поэт; выступил в печати в 1884 г. С 1890 г. служил чиновником Моск. архива министерства иностр. дел; состоял действительным членом Русск. Библиографич. О-ва.

Стр. 85. Ссора с „Новостями Дня“ по поводу заметки о собр. стихов А. Добролюбова, в которой было сказано, что „эта тощая книжонка в 70 стр. стоит 6 руб.“ (1900 г. 13 апр.). Брюсов, по поручению изд-ва „Скорпион“, письмом в редакцию газеты заявил, что книга эта, поступив в ограниченном числе экземпляров в книжные магазины, продается не по 6 р., а по 60 коп. Письмо Брюсова было напечатано с редакционными изменениями („Нов. Дня“, 1900, 21 апр.). Брюсов через комитет по делам печати потребовал вторичного помещения письма полностью на основании ст. 139 Устава по делам печати. Письмо его без изменений было помещено в № от 1 мая.

Стр. 86. Сементковский, Ростислав Иванович (р. 1846), критик и публицист, с 1897 г. был редактором журн. „Нива“. Издание 84 г. — А. Фет. Лирические стихотворения в 2-х ч. СПб. 1894. Это издание редактировал Н. Н. Страхов; принимал участие в редактировании и К. Р. — в. кн. Константин Константинович.

Стр. 86. Кн. Цертелев, Дмитрий Николаевич (1852 — 1911), поэт, автор нескольких философских работ (о философии Шопенгауэра и др.).

Стр. 86. В статье Брюсова „По поводу нового издания сочинений Ф. И. Тютчева“ („Русск. Арх.“ 1900, № 3) приводится упоминание о первой жене Тютчева из письма Гейне, который писал, что она „негласно повенчана (heimlich vermählt) с лучшим из моих здешних друзей, с юным русским дипломатом Тютчевым“. (Стр. 408).

Стр. 86. Георгий Добролюбов, моряк — брат поэта А. М. Добролюбова.

Стр. 89. Мысль о переводе Энеиды занимала Брюсова еще в юности (См. Брюсов „Из моей жизни“. М. 1927. Стр. 70, 118.). В каталоге кн-ва „Скорпион“ на 1902 г. в числе книг, готовящихся к печати, была объявлена: „Энеида Вергилия. Перевод с латинского гекзаметрами Валерия Брюсова, со статьей о характере творчества Вергилия и о его русских переводах“. Перевод Энеиды почти полностью был сделан Брюсовым незадолго до революции и намечался к изданию изд. Сабашниковых в серии „Памятники мировой литературы“. Автобиография — автобиографич. повесть „Моя юность“. (См. „Из моей жизни“.).

Стр. 89. Татьяна Петровна Бартенева (в замужестве Вельяшева) — художница.

Стр. 89. Письма А. Я. Булгакова, моск. почт-директора (1781 — 1863) к его брату, печатались в „Русск. Арх.“ 1900 — 1901 г.

Стр. 90. Статья Брюсова „Поэзия Вл. Соловьева“ — „Русск. Арх.“ 1900, № 8; перепеч. в книге Брюсова „Далекое и близкое“.

Стр. 90. „Аквариум“ — летний сад-театр. Донская — улица в Москве.

В Московской типографии Э. Лисснера и Ю. Романа, находящейся в Крестовоздвиженском пер. на Воздвиженке, печатались в 1894 — 96 г.г. первые книги Брюсова: П. Верлэн. „Романсы без слов“, „Chefs d'Oeuvre“ и сборн. „Русские Символисты“.

Стр. 90. „Здравствуй, жизни повседневной“... — из стих. Брюсова „Работа“. (Сборник „Urbi et Orbi“). В архиве Брюсова сохранился листок в $\frac{1}{4}$ страницы тщательно написанный рукой В. Я. — обязательство, данное им Бартеневу при поступлении к нему на службу. Приводим этот документ для обрисовки отношений между редактором Бартеневым и секретарем Брюсовым:

„Я, нижеподписавшийся, согласен и рад вступить на службу в редакцию ежемесячного издания Русский Архив к Петру Ивановичу Бартеневу на следующих условиях.

1) Я буду посвящать Русскому Архиву не менее четырех часов в сутки, исключая дни неприсутственные.

2) Обычным временем моих занятий будет считаться пора от $4\frac{1}{2}$ до $8\frac{1}{2}$ часов по-полудни, — обычным местом — помещение редакции Русского Архива. Но, по желанию Петра Ивановича или с его согласия, в отдельные дни время и место могут быть изменяемы.

3) Занятия мои может составлять всё имеющее отношение к изданию Русского Архива, как-то: чтение правочных листов, писание деловых писем, сношения с книгопродавцами и печатнями, и т. под.

4) Вполне достаточным вознаграждением за эту скорее приятную, чем обременительную работу считаю я пятьдесят рублей в месяц.

14-го августа.—1900.

Валерий Брюсов.“

Стр. 90. „Художник-Дьявол“—поэма Бальмонта в терцинах (Сборн. „Будем как Солнце“) — по отзыву Брюсова (1903 г.) „вся состоит из риторических общих мест, из того крика, которым певцы стараются заменить недостаток голоса“. Перепечатывая этот отзыв в своей книге „Далекie и близкие“ (М. 1912, стр. 81.), Брюсов сделал след. примечание: „Этой критике поэмы Бальмонта пишуший эти строки обязан тем, что в следующем издании сборника „Будем как Солнце“ терцины „Художник-Дьявол“ оказались посвященными именно ему“.

Стр. 90. Рукопись Бунина — сборник стих. „Листопад“, изданный „Скорпионом“.

Стр. 92. Соловьев, Михаил Сергеевич (1862 — 1903), брат философа, редактировавший собр. его сочинений. „М. С. Соловьев, — вспоминает о нем А. Белый, — был, воистину, замечательною фигурою: скромн, сосредоточен, — таил он огромную вдумчивость, пронизательность, мудрость; соединял дерзновение искателей новых путей он с дорическим консерватизмом хорошего вкуса... любил классиков; относился с достаточной сдержанностью к крайним течениям искусства; но истинно новое он выделял; не разделял он насмешек по отношению к декадентству и символизму и первый провидел поэта в Валерии Брюсове еще эпохи „Шедевров“. (А. Белый. „Воспоминания о Блоке“. Журн. „Эпопея“ (Берлин), 1922, № 1, стр. 128 — 129.

Соловьева, Ольга Михайловна (ум. 1903), жена Мих. Сергеевича, художница, участница выставок Моск. Товарищества художников, и переводчица (Рёскин, Уайльд, Альфред де Виньи), поклонница английских прерафаэлитов и французских символистов. (См. о ней указанные воспом. А. Белого, а также его поэму „Первое свидание“, Пгр. 1922).

Стр. 92. Жданов, Лев — псевдоним Льва Григорьевича Гельмана (р. 1854 г.) — поэт, драматург, автор исторических романов. Два его стих. помещены в альманахе „Северные Цветы на 1901 г.“ О какой его книге под инициалами Л. Г. идет речь, мы не знаем.

Агриппа Неттесгеймский — немецкий ученый XVI в. (1486 — 1535), близкий к гуманистам. Его мировоззрение во многом носит характерную для того времени окраску мистицизма. Занятия Агриппы магией подали повод для создания фантастических легенд о нем. В свете легенды фигура Агриппы выступает в романе Брюсова „Огненный ангел“. Об Агриппе под ред. Брюсова издан очерк Ж. Орсье (М. 1913).

„Parnaso Italiano, ovvero raccolta di poeti classici italiani. Avignone. Presso Fr. Seguin aîné, stampatore e librajo“ (Итальянский Парнас, собрание итальянских поэтов-классиков). 12 томов этого старого издания хранится в библиотеке Брюсова.

Интервью в „Русск. Листке“ (1900, октябрь) это — „Символисты и декаденты о „Накипи“ (пьеса П. Д. Боборыкина на сцене Малого театра). Кроме мнения Брюсова (отрицательного) в интервью приведены ответы М. Врубеля, С. А. Полякова, М. А. Дурнова, Емельянова-Коханского.

Стр. 92. Варженевская, Елизавета Александровна — поэтесса.

Стр. 93. Поссе, Владимир Александрович (р. 1864) — публицист, редактор журн. „Жизнь“. Скимунт — издатель.

Стр. 93. М. Горький был в Художеств. театре не на „Чайке“, как записано у Брюсова, а на „Дяде Ване.“ — „Публика, увидев Горького, толпами ходила за ним в антрактах явно и, как показалось Горькому, даже демонстративно игнорируя присутствие Чехова. Наконец, публика стала ломиться в ложу, где сидели писатели, сломала ручку двери; тогда Горький не выдержал и обратился к публике с резкой отповедью. Журналисты подхватили этот случай, и на Горького посыпались обвинения в грубости и позерстве. Горький вынужден был письмом в ред. „Северного Курьера“ восстановить правду.“ В письме он заявлял, что сказал публике следующее: „Мне, господа, лестно ваше внимание, спасибо! Но я не понимаю его. Я не Венера Медицейская, не пожар, не балерина, не утопленник; что интересного во внешности человека, который пишет рассказы? Вот, я напишу пьесу — шлепайте сколько вам угодно. И как профессионалу-писателю мне обидно, что вы, слушая полную огромного значения пьесу Чехова, в антрактах занимаетесь пустяками.“ (См. И. А. Груздев. „Максим Горький.“ Биограф. очерк по новым материалам. Лгр. 1925, стр. 33).

Стр. 93. Чириков, Евгений Николаевич (р. 1864) — беллетрист.

Стр. 95. Корректуры по истории искусства — История живописи Р. Мутера. Перев. под ред. Бальмонта. Изд. „Знание“; т. I — 1901; II — 1902; III — 1904. Статья о чудовищах — „Поэзия ужаса. Ф. Гойя, как автор офортов“, напеч. в „Мире Искусства“, 1899, № 11 — 12. Паульсен о Канте — Фр. Паульсен. И. Кант, его жизнь и учение (русс. изд. в перев. Н. Лосского. СПб. 1899).

Стр. 95. „Сиамки“ — сиамский балет, приезжавший на гастроли в Петербург. Восторженная оценка сиамских танцев сделана В. В. Розановым

в статьях „Балет рук“ и „Занимательный вечер“. (См. его книгу: „Среди художников.“ СПб. 1914).

Стр. 98. „Медведь“ — ресторан.

Стр. 99. Дягилев, Сергей Павлович (р. 1872), редактор журнала „Мир Искусства“, организатор художеств. выставок. Философов, Дмитрий Владимирович — публицист, сотрудник „Мира Искусства“, друг Мережковских.

Стр. 100. Илич, Драгутин Иванович (р. 1858), сербский поэт, драматург, публицист. В 1901 — 02 г.г. жил в Москве для изучения русск. языка; переводил на сербск. яз. поэмы Пушкина и Лермонтова. (А. И. Яцмирский. „Сербская поэтическая семья Иличей“ — „Древности“. Труды слав. ком. Моск. Археол. О-ва, т. III. М. 1902).

Стр. 100. Композитор В. Ребиков (1866 — 1922) положил на музыку несколько стих. Брюсова. (См. Игорь Глебов — „Русская поэзия в русской музыке.“ Пгр. 1922). Померанцев, Юрий Николаевич — композитор.

Стр. 100. „Кремль“ — монархическая газетка, издававшаяся Д. И. Иловайским.

Стр. 100. Чулков, Георгий Иванович (р. 1879) — поэт, беллетрист, теоретик символизма. В печати выступил в 1899 г.

Стр. 100. Лентовский, Михаил Валентинович (ум. 1906), актер и режиссер, один из интереснейших театральных предпринимателей, прозванный в Москве „магом и волшебником“. В своих театральных постановках особенное внимание обращал на декоративную сторону, на внешнюю эффектность. „Скоморох“ — народный театр, созданный в 1887 г. Лентовским. В театре ставились гл. обр. различные феерии. (Некролог М. В. Лентовского см. „Историч. Вестн.“ 1907, № 1, 393 — 394). Брюсов очень любил рассказывать о постановках Лентовского.

Стр. 100. Г. И. Чулков читал в салоне В. А. Морозовой доклад о книге Брюсова „Tertia Vigilia“. Постоянными посетителями салона были: И. И. Иванов, В. Е. Ермилов, Н. Е. Эфрос, С. Г. Кара-Мурза, кое-кто из художников и актеров и несколько студентов, начинавших работать в „Русск. Вед.“ и „Курьере“. Изредка там бывали А. П. Чехов и В. Г. Короленко. (См. Г. Чулков. „В. Я. Брюсов.“ Воспоминания. „Искусство“, 1925, № 2, стр. 243).

Стр. 101. Яценко, Александр Семенович, юрист, автор работ по вопросам государственного права; в 1900 г. кончал университет.

Стр. 101. В журн. „Ежемесячные Сочинения“ (1900, № 1) была напечатана сочувственная статья И. И. Ясинского о сборн. Брюсова „Tertia Vigilia“.

Стр. 101. Гугунава и В. И. Симов — художники.

Стр. 102. Два стих. Анастасии Минович были помещены в альманахе „Северные Цветы на 1901 г.“

Стр. 102. Рейнгадт, Николай Николаевич, сын редактора „Волжского Вестника“, изд. в Казани, где работал П. П. Перцов.

Стр. 102. Стих. Бальмонта о „резне в Турции“ — „Маленький султан“ было, если не ошибаемся, напечатано только в 1906 г. в изд. Амфитеатро-вым в Париже газете „Красное Знамя“ (найти газету в моск. библиотеках

нам не удалось). В сборниках Бальмонта стих. не перепечатано. Приводим это стих. по тексту, сообщенному нам Екатериной Алексеевной Бальмонт:

То было в Турции, где совесть вещь пустая,
Там царствует кулак, нагайка, ятаган,
Два-три нуля, четыре негодяя
И глупый, маленький Султан.
Во имя вольности — и веры, и науки,
Там как-то собрались ревнители идей,
Но, сильны волею разнузданных страстей,
На них нахлынули толпой башибузуки.
Они рассеялись. И вот их больше нет.
И тайно собрались избранники с поэтом,
„Как выйти“, говорят, „из этих темных бед?
Ответствуй, о, поэт, не поскупись советом“.
И тот собравшимся, подумав, так сказал: —
„Кто хочет говорить, пусть дух в нем словом дышет,
И, если кто не глух, пускай он слово слышит,
А если нет, — кинжал!

Петербург, 1901.

Стих. Бальмонта, вызванное избиением казаками студентов во время известной демонстрации у Казанского собора 4-го марта 1901 г., послужило поводом для высылки Бальмонта на 2 года „из столиц и университетских городов“. М. Горький, возмущенный расправой со студентами, подписал по поводу избиения протест Союза Писателей. Арестован Горький был в Н.-Новгороде в апреле по обвинению в том, что приобрел мимеограф для издания „преступных воззваний к сормовским рабочим в видах подстрекательства их к беспорядкам“. (См. И. А. Груздев. Максим Горький. Агр. 1925 Стр. 34 — 38).

Л. Н. Толстой, в февр. 1901 г. „отлученный от православной церкви“, написал свой „Ответ на постановление синода“.

Стр. 103. Из стихотв. Бальмонта „Лесной пожар“ (сборник „Горящие Здания“):

И пьянство дикое, чумной порок России,
С непобедимостью властительной стихии,
Меня низринуло с лазурной высоты
В провалы низости, тоски и нищеты...

Стр. 103. Письмо Л. Н. Толстого к А. А. Фету напечатано в „Русск. Обзор.“, 1901 г., вып. I; письмо Толстого перепечатано в биогр. составл. Бирюковым (М. 1913, т. II, стр. 233 — 235). Но у Бирюкова ошибочно указано „Русское Обозрение“ 1896 г. В газ. „Курьер“ (1901, № 170, 22 июня) помещено след. письмо в ред. Н. Н. Черногоубова: „В I выпуске „Русского Обозрения“ напечатано письмо гр. Л. Н. Толстого к А. А. Фету от 30 января 1873 г. Между тем письмо это было дано мной г. редактору „Русск.“

Обозрения" только на просмотр, с предупреждением не печатать. Как называть этот поступок г. редактора?"

Стр. 104. Аронсон, Наум Львович (р. 1872), скульптор.

Стр. 104. Статья Брюсова в „Мире Иск.“ 1901, № 5 — „Ответ г. Андреевскому“ (по поводу статьи последнего „Вырождение рифмы“). Статья Брюсова в английском журнале „The Athenaeum“ 1901 г., № 3847 — „Russian Literature of the year“.

Стр. 104. Мачтет, Григорий Александрович (1852 — 1901), беллетрист.

Стр. 105. Шишдер, Николай Карлович (1842 — 1902) — историк. Ванновский, Петр Семенович, министр народн. просв. (1901 — 1902 г.).

Стр. 105. История с „Гаврилиадой“ записана, вероятно, со слов П. И. Бартенева.

Стр. 105. Лернер, Николай Осипович, историк литературы, пушкинист. Рецензия Брюсова на книгу „Пушкинские дни в Одессе“ — „Русск. Арх.“, 1901, № 4.

Стр. 106. „Поклонница и жрица красоты“ — из стих. А. А. Фета, посвященного О. М. Соловьевой. Соловьев, Сергей Михайлович — поэт. Сын проф. Бугаева, Николая Вас. (1897—1903), известного математика. — Борис Николаевич Бугаев — Андрей Белый.

Стр. 106. Статья Брюсова „Мудрое дитя. Памяти Ив. Коневского.“ — „Мир Иск.“ 1901, № 8 — 9.

Стр. 106. Барсуковы — Александр Платонович, член археографической комиссии, Николай Платонович (1838—1906) — историк и библиограф, автор известной работы „Жизнь и труды М. П. Погодина“.

Стр. 106. Дорошевич, Влас Михайлович (1864—1924) — известный журналист; Сытин, Иван Дмитриевич — известный издатель.

Стр. 106. Соч. Ст. Пшибышевского в переводе Михаила Николаевича Семенова издавались „Скорпионом“. „Новое Слово“ — ежемесячный, научно-литературный и политич. журнал; изд. в 1895 — 97 гг., в последний год журнала был марксистским, а до того (в издании О. Н. Поповой) народническим.

Стр. 107. Волинский — псевдоним Акима Львовича Флексера (1863—1926), критик, историк искусства, автор исследований о Леонардо да Винчи, „Царство Карамазовых“, „Борьба за идеализм“ и др. Лекция Волинского в аудитории Историч. Музея: „Современная русская беллетристика и журналистика“ (Рецензия в „Нов. Дня“, 1901, 15 ноября).

Стр. 108. В „Русском Слове“ 1901, № 315 напечатано письмо в ред. Брюсова, в котором он возражает против рецензии С. Глаголя на книгу Бунина „Листопад“ в „Русск. Курьере“. С. Глаголь принял обыкновенный хорей за „соединение трехстопного анапеста с двустопным ямбом или даже, пожалуй, с переходом ямба в последней стопе в амфибрахий“. Возражая против такого „мудреного соединения“, Брюсов писал, что „всем, кто любит поэзию, должно быть горько, когда за разбор стихов берутся люди до такой степени к этому неподготовленные“.

В № 317 „Русск. Слова“ Брюсов в заметке „Изучение стихосложения“ продолжается указал на безграмотность редакции „Новостей Дня“ в вопросах стихосложения.

Стр. 108. Невежин, Петр Михайлович (1841—1919), драматург. Шпагинский, Ипполит Васильевич (1844—1917) — драматург.

Стр. 108. Айхенвальд, Юлий Исаевич (р. 1872), критик, был секретарем журн. „Вопросы философии и психологии“.

Стр. 108. Голубкина, Анна Семеновна (р. 1864) — скульптор.

Стр. 108. 1-го дек. 1901 г. исполнилось 50-летие литературной деятельности П. И. Бартенева, который хотя и уклонился от официального чествования, но юбилей которого тем не менее был отмечен с большой торжественностью;—к юбиляру явились многочисленные депутации, был получен ряд приветственных телеграмм и пр. (См. „Нов. Дня“, 1901, 2 дек.).

Стр. 110. Петровский, Алексей Сергеевич, филолог, друг А. Белого.

Стр. 110. Кн. Трубецкой, Сергей Николаевич (1862 — 1905) философ, публицист и обществ. деятель. Незадолго до смерти был избран ректором Моск. университета. Главные труды его: „Метафизика в древней Греции“. М. 1890 и „Учение о Логосе в его истории“. М. 1900.

Стр. 110. Василий Михайлович Скворцов — редактор-изд. журн. „Миссионерское Обозрение“, чиновник особых поруч. при обер-прокуроре Синода.

Стр. 111. Студенческая сходка 7 дек. 1901 г. вынесла постановление выразить свое сочувствие харьковским товарищам, целым курсом исключенным из университета за попытку оказать свое влияние на состав учащего персонала. Министру Ванновскому, „который, вместо обещанных реформ, успел издать целый ряд приказов, идущих в разрез с духом тех реформ, которых требовало студенчество“, выражен протест. В резолюции явно зазвучала нота политического протеста: „Мы глубоко убеждены в том, что и полицейские насилия и лживая политика министерства являются результатом того бюрократического режима, который губит лучшие силы страны.“ (См. Г. Энгель и В. Горохов. „Из истории студенч. движения 1899—1906. СПб. Стр. 50—51.).

Стр. 111. Скрябин, Александр Николаевич (1879 — 1915), известный композитор.

Стр. 112. Рачинский, Григорий Алексеевич, (р. 1851), филолог по образованию, автор статей по вопросам философии, переводчик.

Шарапов, Сергей Федорович (1855 — 1911), публицист консервативного направления; писал гл. обр. по вопросам сельского хозяйства.

Стр. 112. Андреева, Александра Алексеевна (1853—1926), переводчица, автор многих историко-литературных статей, печатавшихся в „Сев. Вестн. „Вестн. Евр.“, „Русск. Вед.“ и др.

Стр. 113. Московский Литературно-Художественный Кружок существовал с 1898 г. по 1920 г. (Помещался последние годы на Б. Дмитровке, в доме Вострякова). Действительными членами Кружка были деятели искусства и литературы. В литературно-художественной жизни Москвы видную роль играли так наз. „вторники“, — еженедельные диспуты, доклады, лекции по вопросам искусства и литературы. Библиотека Кружка была одной из наиболее крупных в Москве. В. Я. Брюсов в число членов дирекции Кружка

был избран в 1902 г., а с 1908 был избран председателем дирекции. (К истории Л.-Худ. Кр. см. „Известия Моск. Лит.-Худ. Кружка“, 1914, № 10; 1916, № 13—18.).

Стр. 113. Гославский, Василий Петрович, — критик, писавший под псевдонимом Горленко.

Стр. 113. Линева, Дмитрий Александрович (1853—1919), под псевдонимом Далин печатал публицистические статьи (с 1878 г.); сотрудничал в „Бирж. Вед.“, „Русск. Курьере“, „России“, „Одесск. Нов.“ Издал ряд сборников очерков и рассказов.

Стр. 113. „Россия“ — газета, изд. при ближайшем участии А. Амфитеатрова; была прекращена в 1902 г. по постановлению 4-х министров за фельетон А. В. Амфитеатрова „Господа Обмановы“ (т.-е. Романовы); в фельетоне рассказывалось об интимной стороне жизни последних поколений царствовавшего дома Романовых.

Стр. 114. Фейгин, Яков Александрович — редактор моск. газеты „Курьер“

Стр. 114. Крандиевская, Анастасия Романовна (р. 1865), беллетристка.

Стр. 114. Г. И. Чулков был арестован в феврале 1902 г. „за организацию политической демонстрации совместно с рабочими“ и сослан в Якутскую область. (Г. Чулков. „В. Я. Брюсов“. Воспоминания. „Искусство“, 1925 № 2, стр. 252).

Стр. 114. Рассказ Брюсова „Мраморная головка“ впервые был напечатан в газ. „Русск. Листок“, 1902, 6 янв. (Вошел в книгу рассказов „Земная Ось“). Мино да Фьезоле (1431 — 1486) — итальянский скульптор, родом из Фьезоле.

Стр. 115. „Небесные слова“ — рассказ Э. Гиппиус в альманахе „Сев. Цветы на 1902 г.“

Стр. 115. Прибытков, В. — редактор журн. „Ребус“, посвященного вопросам спиритизма. Прибыткову посвящено Брюсовым стихотворение в сборн. „Urbī et Orbi“. (Собр. соч. т. III, стр. 192). В „Ребусе“ напечатано несколько статей Брюсова. (См. „Библиогр. В. Брюсова“).

Стр. 115. Нувель, Вальтер Федорович — чиновник министерства двора; знаток музыки, устроитель вечеров современной музыки в Петербурге; был близок к кружку „Мира Искусства“.

Стр. 115. Нурок, Альфред Павлович, эстет и библиофил, знаток французской литературы, помещал в „Мире Иск.“ заметки под псевдонимом Силен.

Стр. 115. Сомов, Константин Андреевич (р. 1869) — известный художник.

Стр. 115. Бакст, Лев Самойлович (1866 — 1925) — известный художник.

Стр. 115. Бенуа, Александр Николаевич (р. 1870), известный художник и художественный критик.

Стр. 117. „Религиозно-философские собрания“ — общество, возникшее в 1901 г. в Петербурге, „в среде лиц светского и духовного образования, в целях живого обмена мыслей по вопросам веры в историческом, философском и общественном освещении“ („Новый Путь“, 1903, № 1, стр. 1, приложение). Записки религ.-философск. общ. печатались в журн. „Новый Путь“

(1903 — 1904), редакция которого (Мережковский, Гиппиус, Философов) принимала в них близкое участие. Сергей — епископ, ректор Петерб. духовной академии.

Стр. 117. Тернавцев, Валентин Александрович, — чиновник синода. Меньшиков, Михаил Осипович (1859 — 1918) — публицист-реакционер, сотрудник „Нового Времени“.

Стр. 117. Корин, В. — педагог, поэт, автор книги стихов „Зарницы“. СПб. 1901.

Стр. 118. Колпинский — петербургский типограф, у которого печатались журналы „Жизнь“, „Мир Божий“; предполагалось, что в его типографии будет печататься „Новый Путь“.

Стр. 118. Лейтенант С. — псевдоним поэта Константина Константиновича Случевского (1873 — 1905, погиб во время Цусимского боя), сына известного поэта; выступил в печати в 1892 г. Сборник стихов издан в 1907.

Стр. 118. Хомяков, Дмитрий Алексеевич — сын известного славянофила.

Стр. 119. Досекин, Николай Васильевич (р. 1863) — художник, участник „Моск. Товарищества Художников“, автор статей по эстетике.

Стр. 119. Шенрок, Владимир Иванович (1853—1910), историк литературы, биограф Гоголя.

Стр. 119. Мать Бальмонта — Вера Никол. (ур. Лебедева).

Стр. 120. Итальянские корреспонденции Брюсова в „Русск. Листке“ — июнь — ноябрь 1902 г. (См. „Библиогр. Валерия Брюсова“. М. 1913).

Стр. 121. Лебедева, Лидия Петровна — поэтесса; ее отец — Лебедев, Петр Семенович (ум. 1876), редактор „Русск. Инвалида“, переводчик „Небожественной Комедии“ Красинского. Богданович, Ангел Иванович (1860 — 1907) — критик-публицист, редактор журнала „Мир Божий“. Спасович, В. Д. (1829—1906) — известный адвокат и литерат. критик.

Стр. 121. Плеве, В. К. (1846 — 1904 — убит) — министр внутрен. дел (с 1902 г.).

Стр. 121. Кн. Мещерский, Владимир Петрович (1839—1914), публицист и беллетрист, видный консерватор, издатель журн. „Гражданин“.

Стр. 121. Сипягин, Дмитрий Сергеевич — министр внутр. дел. Род. 1853 убит в 1902.

Стр. 121. Кн. Шаховской, Николай Владимирович — нач. главн. упр. по делам печати. с 1900 г. Ум. в 1906.

Стр. 121. „Новый Путь“ — изд. в 1903 — 1904 г.г. Издателем и официальным редактором журн. был вначале Петр Петрович Перцов, которого вскоре заменил Д. В. Философов.

Стр. 121. Оз. Светлояр, Нижегородск. губ., Семеновск. у. По народной легенде, возникшей среди старообрядцев, в озере чудесно скрыт град Китеж, пребывающий невидимым; лишь праведникам открыт путь в него по таинственной „батыевой“ тропе. Поездка З. Гиппиус на Светлояр описана ею в очерке „Светлое озеро“. (См. Гиппиус, З. „Алый меч“. Рассказы. СПб. 1906).

Стр. 121. Дергачев, Илья Петрович (р. 1835; ум.) — педагог, составитель школьных учебников и книг для детей.

Стр. 122. Южин (Сумбатов) Александр Иванович (р. 1857) — известный артист и драматург.

Стр. 122. Любошиц, Семен Борисович (1859—1926) — журналист.

Стр. 122. Койранский, Александр — литературную деятельность начал стихами (альманах „Гриф“), потом писал критические статьи по вопросам искусства и литературы; кроме того, занимался живописью. Койранский, Борис — неск. стих. его напечатано в альманахе „Гриф“.

Стр. 122. Пантюхов, Михаил Иванович (1880 — 1910, ум. в психиатрической больнице), автор повести „Тишина и Старик“. СПб. 1907. (О нем см. брошюру: „Михаил Иванович Пантюхов. Автор повести“ Киев. 1911).

Стр. 122. Бородаевский, Валериан — поэт, автор сборн. стих. „Уединенный дол“. М. 1914.

Стр. 122. Ремизов, Алексей Михайлович (р. 1872), известный беллетрист. В 1896 г. был арестован по политич. делу и выслан под надзор полиции в Пензу, где в 1898 г. вторично подвергнулся аресту, а в 1900 г. выслан в Устьсысольск на 3 года, откуда был переведен в Вологду. Первый рассказ напечатал в газ. „Курьер“, 1902 г.

Стр. 123. Скиталец — псевдоним Петрова, Степана Гавриловича (р. 1868) — беллетрист.

Стр. 123. Шаляпин, Федор Иванович (р. 1873) — известный оперный артист.

Стр. 123. Саблин, Владимир Михайлович (1872 — 1916) — переводчик, в 1902 г. основал издательство; издал полн. собр. соч. западно-европейских писателей — Метерлинка, Б. Шоу, Пшибышевского, Банга, Ан. Франса, Пьера Лоти и др.

Стр. 123. Баженов, Николай Николаевич (1857 — 1925), психиатр, приват-доц. Моск. Университета. Помимо специальных работ в области психиатрии, ему принадлежит книга: „Психиатрические беседы на литературные и общественные темы“. М. 1903 г. Об этой книге см. рецензию Брюсова, подписанную Аврелий, „Новый Путь“, 1903, июнь, стр. 223.

Стр. 123. Бердяев, Николай Александрович (р. 1874) — философ и публицист (мистик-богоискатель). В первой половине 90-х годов примыкал к марксистам; в 1898 г. был арестован и исключен из университета, в 1900 г. сослан на три года в Вологду.

Булгаков, Сергей Николаевич (р. 1871) — философ-идеалист, начал научную деятельность как экономист-марксист, но от марксизма перешел к идеализму и мистицизму.

Стр. 123. „Литературная Книжная Лавка“ — название издательства и книжного склада М. В. Пирожкова.

Стр. 124. О XIII собр. религиозно-филос. общ. в „Русск. Листке“, 1902, 17 ноября — заметка Брюсова за подписью Аврелий. Заметка говорит о реферате иеромонаха Михаила (доцента Петерб. духовной академии) „О браке“.

Стр. 124. Миролубов, Владимир Сергеевич, редактор-издатель (с 1898 г.) „Журнал для Всех“. В журн. печатались Чехов, Горький, Андреев, Бальмонт, Брюсов и др. Дешевая подписная плата (1 р. в год) и обширный литературный материал создали журналу широкую популярность.

Стр. 124. Архим. Антонин — духовный цензор, впоследствии глава „Живой церкви“.

Стр. 125. Мейснер, Федор Яковлевич (1816 — 1903) — поэт, был председателем Борович. земск. управы и предводителем дворянства.

Стр. 124. Мятлев, И. П. (1796—1844) — поэт-юморист. Бенедикт — псевдоним сатирич. поэта Вентцеля, Н. Н. (р. 1855).

Стр. 125. Рафаилович, Сергей Львович (р. 1875)—поэт, беллетрист, драматург. Из драм пользовалась успехом „Река идет“ (1905 г.).

Стр. 125. Дедлов, В.—псевдоним Кинга, Владимира Людвиговича (1856—1908) — автор очерков о путешествиях.

Стр. 125. Карташев, Антон Владимирович — проф. духовной академии; под влиянием Мережковского порвал связи с церковным кругом.

Стр. 125. Философией религии Брюсов называет работу Н. Минского „Религия будущего. Философские разговоры“, изданную в 1905 г. и ранее печатавшуюся в „Мире Иск.“ в 1901 — 1903 г. г. Людмила—жена Минского, писательница Л. Вилькина-Минская.

Стр. 125. Трагедия Еврипида „Ипполит“ была поставлена на сцене Александринского театра.

Стр. 127. Рецензия Брюсова на IV том Стих. М. А. Лохвицкой напечатана за подписью Аврелий в журн. „Новый Путь“, 1903, янв.

Стр. 127. Роман Ст. Пшибышевского „Homo Sapiens“ в перев. М. Н. Семенова был издан „Скорпионом“.

Стр. 127. Зверев, Николай Александрович, начальник Главн. Упр. по делам печати.

Стр. 128. Кн. Трубецкой, Павел Петрович (р. 1867) — известный скульптор, автор памятника Александру III в Петербурге.

Стр. 128. Шестов, Л.—псевдоним Льва Исааковича Шварцмана (р. 1866)—философ. Главн. труды его: „Шекспир и его критик Брандес“. СПб. 1898. „Добро в учении Толстого и Ницше“. СПб. 1900. „Достоевский и Ницше“ СПб. 1903. „Апофеоз беспочвенности“. СПб. 1905.

Стр. 128. „La Plume“ — французский журнал.

Стр. 129. Лекция П. Д. Боборыкина в Литературно-Худ. кружке о драматургах и рецензентах. По словам газетного рецензента („Нов. Дня“, 24 декабря 1902), „Боборыкин, оговорившись, что переносит место действия на запад и что он ни на что не отвечает категорически, попытался обрисовать то взаимное положение, в каком стоят драматурги и их газетные судьи, подчеркнул беззащитность и беспомощность первых, частую недобросовестность вторых... И поставил вопрос, не может ли быть придумано что-нибудь, что защищало бы драматурга хотя бы от недобросовестности рецензента, вроде трибунала чести.“ Боборыкин высказал мнение, что идеалом было бы, „чтобы между драматургом и его пьесой и зрительной залой не было никакого средостения“ в виде рецензии, которая создает общественное мнение, влияя на судьбу пьесы.—Ермолова, М. Н.—известная артистка.

Стр. 129. „Врач своей чести“ — драма Кальдерона.

Стр. 129. Доклад Брюсова „Искусство или жизнь. О поэзии Фета“ был прочитан на „вторнике“ Лит.-Худож. кружка 7 янв. 1903 г. (Доклад был напеч. в „Мире Иск.“, 1903, № 1 — 2, перепечатан в книге Брюсова „Далекие и близкие“). Доклад вызвал целый ряд возражений в кружке и шум в печати, о чем сам Брюсов поместил за подписью Москвитянин заметку в „Новом Пути“, 1903, февр. В заметке ярко передана та атмосфера враждебности и скандала, которая в те годы была вокруг декадентов и символистов. Хроникер Любошиц „начал с фразы — читаем в заметке — уже ставшей знаменитой, потому что она обошла столбцы чуть ли не всех столичных и провинциальных газет: „Поэзия Фета — шикарно одетая женщина, на которой бог знает какое грязное белье. С этим бельем Любошиц сравнивал нравственную личность Фета, который будто бы взял у кого-то взаймы 100.000 рублей и не вернул их... После Любошица говорил Мандельштам, небезизвестный присяжный поверенный. Этот постарался блеснуть своим „либерализмом“. Воспользовавшись тем, что в докладе были процитированы стихи Фета к Некрасову, где Некрасов назван „псевдо-поэтом“, Мандельштам произнес громовую речь на тему, что „отечество в опасности“, что посягают уже на Некрасова и в заключение сравнил Брюсова с Дантесом, убийцей Пушкина... Вечер этот получил гораздо бо́льшую огласку, чем заслуживал. Газеты занимались им недели три. „Нов. Время“ поместило телеграмму, а после и корреспонденцию, в которой говорилось, что Литер. Кружок осквернен подобным нелитературным чествованием. На Любошица все газеты нападали с ожесточением. На его беду оказалось, что на вечере присутствовал племянник А. А. Фета-Шеншина, и это особенно ставилось на вид Любошицу. „Нов. Дня“, защищая Любошица, пришлось обороняться направо и налево... Брюсов был объявлен шарлатаном и мошенником, моск. корреспондент „Нов. Времени“ — поразительной бездарностью, а племянник Фета. уткой. „Нов. Дня“ привели такое соображение (цитируем слово в слово): „какой он племянник, когда и дядя то его давно скончался!“. На что Дорошевич не без ехидства заметил, что не всем же быть „непомятыми родства“. Наконец, один из директоров Лит.-Худ. Кружка, Э. Э. Матерн, нашел речь Любошица столь непристойной, что предложил принять меры на будущее время против подобных ораторов. Ему в этом было отказано; тогда он вышел из числа директоров кружка, и на его место был избран Н. Н. Баженов, как бы в особенное посрамление Матерна.“

Стр. 129. „Монна Ванна“ драма Метерлинка в постановке В. Ф. Комиссаржевской шла в театре „Аквариум“ в янв. 1903 г. Заметка Брюсова о спектакле напеч. в „Нов. Пути“, 1903, февр. (за подписью Москвитянин).

Стр. 129. О похоронах М. С. и О. М. Соловьевых Брюсов поместил краткую заметку в „Русск. Листке“, 1903, 16 янв.

Сережа — Сергей Михайлович Соловьев, поэт.

Стр. 129. Аксаков, Александр Николаевич (1832 — 1903) — писатель по вопросам спиритизма. О его похоронах — заметка Брюсова в „Русск. Листке“ 1903, 10 янв.

Стр. 129. Щеголев, Павел Евсеевич (р. 1877), историк литературы, пушкинист.

Стр. 129. Средин, Александр Валентинович (р. 1878) — художник.

Стр. 129. Телешов, Николай Дмитриевич (р. 1867) — беллетрист. „Среда“ — литературный кружок, собиравшийся у Телешова; участниками кружка были гл. обр. писатели-реалисты группировавшиеся вокруг изд. „Знание“ — Бунин, Горький, Л. Андреев, Скиталец, Н. А. Найденов, Серафимович, Чириков и др.

Стр. 129. Бунин, Юлий Алексеевич (ум. 1921), брат писателя Ив. Бунина; в течение многих лет был фактическим редактором журн. „Вестник Воспитания“; сам изредка печатал статьи по вопросам педагогики и литературы.

Стр. 129. Кожевников, Петр Алексеевич (р. 1872), беллетрист; выступил в печати в 1902 г. Издано отд.: Рассказы т. I. СПб. 1908, т. II, СПб. 1910.

Стр. 129. О выставке „Современное Искусство“ Брюсов поместил за подписью Аврелий заметку „Новое художественное предприятие“ — „Русск. Лист.“. 1903, 2 февр. В „Русск. Листке“ 1903, 1 февр. заметка Брюсова — Аврелия о религиозно-филос. собр.

Стр. 130. Волошин, Максимилиан Александрович (р. 1877) — поэт и художник.

Стр. 130. Гофман, Виктор Викторович (1882 — 1911), поэт и беллетрист. См. о нем воспоминания Брюсова в собр. соч. В. Гофмана, изд. Пашуканиса, М. 1917.

Стр. 130. Рославлев, Александр Степанович (1883 — 1919), поэт и беллетрист.

Шик, Максимилиан Яковлевич — немецкий поэт и переводчик, сотрудник „Весов“.

Соколов, Сергей Александрович (р. 1878) — присяжный поверенный, печатал стихи под псевдонимом Сергей Кречетов; основатель и редактор книгоиздательства „Гриф“.

Стр 130. 3-го февр. в Лит. Худ. Кружке состоялся доклад Бальмонта „Чувство личности в поэзии“ — об испанской и англ. поэзии XVI—XVII ст. (Рецензия в „Нов. Дня“, февр., 6). 28 февр. в Об-ве Любителей Российск. Слоvesности Бальмонт выступал с речью о Н. А. Некрасове; 9-го марта там же, в заседании, посвящ. памяти кн. А. И. Урусова, Бальмонт читал стихи. 12-го марта в аудитории Исторического музея лекция Бальмонта: „Тип Дон-Жуана в мировой литературе“; 27-го марта в аудитории Историч. Музея — лекция Брюсова: „Ключи тайн“ (Лекция напеч. в журн. „Весы“ 1904, № 1). О выступлениях декадентов в Литер.—Худ. Кружке см. юмористич. фельетон в „Нов. Дня“, 21 марта, 1903 г.

„Chat noir“ — художественно-артистический кабачек, помещавшийся в одном из зал недорогого ресторана на Тверском бульваре. (Заметка об открытии кабачка — „Нов. Дня“, 31 марта, 1903).

Стр. 131. Печковский, Александр — поэт-переводчик. Касперович — польский журналист. Его лекция в аудитории Историч. музея — „Новейшее искусство, символизм и любовь“.

Стр. 131. В статье Брюсова (подп. Аврелий) „Из парижских впечатлений. Театры и кабаре“ („Русск. Лист.“ 1903, 19 мая) высказаны след. мысли, дополняющие запись дневника: „На парижских театрах еще господствуют старые традиции. Актеры попрежнему „декламируют“... О том, чтобы верно изображать жизнь, нет и помину. Об этом заботится один только театр Антуана. Но и он далеко отстал от нашего Художественного театра. Реализм Антуана не идет дальше того, что он вставляет в рамы декораций настоящие стекла. Но наш Художественный театр никогда не ставит таких пошлых вещей, какими завлекает публику Антуан... В Париже более 20 „больших“ настоящих театров. В общем, все они производят безотрадное впечатление самодовольной рутины. Гораздо интереснее самостоятельные парижские создания: „артистические кабаре“.

Стр. 132. В Русском кружке в Париже Брюсов читал реферат „Задачи искусства“, напеч. под заглавием „Ключи тайн“ в № 1 „Весов“ 1904 г.

Стр. 132. О парижских впечатлениях Брюсова см. его корреспонденции из Парижа в „Русск. Листке“, 1903, 14, 27 апр., 11, 13, 19 мая.

Стр. 132. Поляков, Соломон Львович (Литовцев) — беллетрист, автор статей по еврейскому вопросу.

Стр. 132. Поярков, Николай Ефимович, поэт. Изд. отдельно сборник стих. „Солнечные песни“. М. 1906, расск. „Зеленый шум“. М. 1908, и книга критических этюдов „Поэты наших дней“. М. 1907.

Стр. 132. Иван Странник — Ivan Strannik — псевдоним жены проф. Е. А. Аничкова Анны Митрофановны (рожд. Авинова): печаталась во французских изданиях. Рецензия Вяч. Иванова на ее роман „L'Ombre de la Maison“ напеч. в „Весах“, 1904, № 11 стр. 54.

Стр. 132. Пилло — французский артист.

Стр. 132. Иванов, Вячеслав Иванович (р. 1866) — известный поэт-символист, теоретик символизма; в печати выступил в 1898 г.

Стр. 132. Кругликова, Елизавета Сергеевна (р. 1865) — художница-график.

Стр. 132. Lacuzon, A. (Лакюзон) — французский поэт (р. 1870), основатель „эфемерной школы“ интегрализма.

Стр. 132. Одилон Рэдон — франц. художник. О нем см. „Весы“ 1904, № 5.

Стр. 132. Онегин-Отто, Александр Федорович (ум. 1925), владел богатым собранием рукописей Пушкина. Архив Онегина был куплен еще царским правительством (в 1907 г.) для Пушкинского Дома Академии Наук, но по условию, до смерти его владельца находился в Париже.

Стр. 132. О „Венере“ Боттичели Брюсов говорит в своих „Детских и юношеских воспоминаниях“, упоминая о своей первой заграничной поездке 1897 г.: „Я стоял в зале Берлинского музея... Стоял в пестрой толпе, беспечно глазающей на белокурую Афродиту, стыдливо потупившую глаза, — и чувствовал себя как государем, путешествующем инкогнито и узнанным некоей принцессой. Мне хотелось шепнуть этой невинно-обнаженной девушке со змеями волос на плечах резко выступающей на совершенно черном фоне. „Не выдавай меня, не говори, что это — я. Tace, me cum esse...“ Это все — смешно, но именно так я чувствовал тогда“. („Новый Мир“, 1926, № 12, стр. 118—119).

Стр. 132. Семенов, Леонид Дмитриевич, поэт. Отд. изд. собр. стих. СПб. 1905. Студентом Петерб. университета Семенов примыкал к академистам, затем принимал участие в революции 1905 г. и за агитацию среди крестьян подвергся аресту. Впоследствии Семенов, подобно А. М. Добролюбову, оставил интеллигентное об-во и ушел в народ.

Стр. 133. Поляков вероятно, В. Поляков, посмертный сборник стихов которого изд. в 1904 г. — Фридберг. Дмитрий — поэт, участник скорпионовских альманахов „Северные Цветы“.

Стр. 133. Статья Брюсова „Папство“ — „Новый Путь“, 1903, № 8.

Стр. 133. Егоров, Ефим Александрович (р. 1861), журналист, сотрудник „Нового Вр.“, был секретарем редакции „Нов. Пути“ после Брюсова.

Стр. 134. Хлудов Флорентий Васильевич (р. 1882) — московский финансист, интересовавшийся „Новым Путем“ и (как сообщил нам П. П. Перцов) поместивший в нем одну или две заметки под псевдонимом.

Стр. 134. Журн. „Весы“ изд. в 1904 — 1909 г. г. Редактором-издателем журнала был Сергей Александрович Поляков. Брюсов принимал в журнале самое ближайшее участие и как сотрудник и как со-редактор.

Стр. 134. Рейн, Федор Александрович, (ум. 1925) профессор, хирург.

Стр. 135. Paul Adam (Поль Адан) (1862—1920) — французский романист.

Стр. 135. Врубель, Михаил Александрович (1856 — 1910) в описываемое время находился в психиатрической лечебнице д-ра Усольцева. „Видение пророка Иезекииля“ (Серафим), написанное в 1905 г., одно из последних произведений Врубеля; до революции составляло собственность вдовы художника.

„Перстами легкими...“ (Пророк) — акварель 1905 г. — находится в собр. бывш. И. А. Морозова.

Стр. 136. „Земля“. Трагедия из будущих времен. Первонач. налеч. в сб. „Северные Цветы Ассирийские“. М. 1903.

Стр. 136. О восстании в Москве см. интересное письмо Брюсова к Перцову. „Русск. Совр.“, 1924, № 4. стр. 232.

Стр. 137. Кн. Долгоруковы — Павел и Петр Дмитриевичи. П. Д. Долгоруков с основания кадетской партии был председателем ее центр. комитета; был членом 2-ой Госуд. думы и председателем к.-д. фракции в ней. За политическую деятельность был лишен звания камергера.

Стр. 137. Брат — Александр Яковлевич Брюсов (род. 1887), поэт и переводчик, археолог. Стихи печатал под псевдонимом Alexander. Издан отдельно сборник стих. „По бездорожью“ М. 1907. Рец. Брюсова см. „Весы“, 1908, № 3.

Стр. 137. Встреча с Врубелем подробно описана Брюсовым в его статье „Последняя работа Врубеля“ в книге „За моим окном“. М. 1913.

Стр. 137. Эмиль Остерман (Österman) — шведский художник; о его картинах Брюсов упоминает в заметке (под псевдонимом Турист) о художеств. выставке в „Норчёпинге“ („Весы“, 1906, № 8, стр. 41).

Стр. 137. Альф. Иенсен — шведский критик и переводчик; ему принадлежит несколько статей о Брюсове и перевод на шведский яз. стих. „На Мэларе“.

Стр. 137. „Золотое Руно“ — журнал искусства и литературы, изд. Н. П. Рябушинским в Москве в 1906 — 1909 г. г. Между „Зол. Р.“ и „Весами“ ве-

лась ожесточенная полемика. В 1908 г. Брюсов с группой сотрудников отказался от участия в „Зол. Руне“.

Стр. 138. Тарасов, Евгений Михайлович (р. 1882) поэт; его стихи б. ч. гражданского характера. Изд. отдельно. Стих. СПб. 1906. „Земные дали“ СПб. 1908.

Стр. 138. Гумилев, Николай Степанович (1866 — 1921) — поэт. Рецензия Брюсова на его стихи см. „Весы“, 1905, № 11, 1908, № 3.

Стр. 138. Эллис — псевдоним Льва Львовича Кобылинского — поэт-символист, теоретик символизма. переводчик Бодлэра.

Стр. 138. Городецкий, Сергей Митрофанович (р. 1884), поэт; первый сборник стихов „Ярь“ изд. в 1907 г.; первые стих. „Симфония“ напеч. в „Весах“, 1906, № 6. О встречах с Брюсовым см. воспоминания Городецкого в журн. „Красная Нива“, 1925, № 41. „Мистический анархизм“ — термин, употребленный Г. И. Чулковым. (См. его книгу: „О мистическом анархизме“. СПб. 1906). Теория о мистическом анархизме вызвала оживленную полемику. Ряд статей, направленных против Г. И. Чулкова, был напечатан в „Весах“. Брюсов посвятил книге Чулкова резкую статью (за подписью Аврелий) „Мистические анархисты“ (См. „Весы“, 1906, № 8).

Стр. 138. Рябушинский, Владимир Павлович — крупный финансист, владелец ряда текстильных фабрик. В 1917 г. — один из членов временного правительства.

Стр. 138. Гучков, Александр Иванович, — один из крупнейших представителей русской буржуазии. Военный министр в министерстве Керенского.

Стр. 138. Языков, А. П. — пензенский землевладелец, земский деятель.

Стр. 139. Гейден, Петр Александрович (1840 — 1907) — видный судебный и общественный деятель, президент Вольного Экономич. Об-ва, член 1-ой Госуд. думы.

Стр. 139. Остроухов, Илья Семенович (р. 1858) — художник-пейзажист и коллекционер, создатель „Музея русской иконописи и живописи“.

Стр. 139. Андреев, Николай Андреевич (р. 1873) — скульптор, автор памятника Гоголю в Москве.

Стр. 139. Коммиссаржевская, Вера Федоровна (1868 — 1910) — известная драматическая артистка.

Стр. 139. О первом спектакле „Пелеас и Мелизанда“ в театре Коммиссаржевской Брюсов поместил статью под псевд. Латник в газ. „Голос Москвы“, 1907, 13 окт. Резко критикуя „условную“ постановку Мейерхольда, Брюсов пишет, что все „печальные промахи режиссера и чудовищные ошибки декоратора (В. И. Денисова), вся эта оскорбительная и нелепая внешность, не могла отнять возможности у В. Ф. Коммиссаржевской создать верный, тонкий и пленительный образ Мелизанды. С той минуты, как Мелизанда появляется на сцене, исчезает все... видишь только эти детские, невинные, прекрасные глаза, слышишь только этот детский, певучий, так много звуком своим выражающий голос... В. Ф. К. передает в образе Мелизанды самое существенное, что есть в трагедии Метерлинка...“.

Образ Мелизанды, созданный Коммиссаржевской, глубоко затронул Брюсова; в стих, посвященном памяти умершей артистки, Брюсов писал: „Как

Мелизанда, и ты уронила корону в глубокий родник...". (Сборн. „Зеркало теней“ М. 1912).

Стр. 139. Ленский, Александр Павлович (1847—1908) — известный артист труппы Малого театра в Москве.

Стр. 139. „Опять в Венеции“ — стих. Брюсова („Все напевы“. М. 1909). Римские впечатления — стих. „На форуме“ („Все напевы“).

Стр. 140. О поездке на пароходе „Св. Лазарь“ см. очерк в книге Брюсова „За моим окном“. М. 1913.

Стр. 140. „Бродяга безымянный“ — выражение из стих. Брюсова „К собору Кэмпера“ (сб. „Все напевы“).

Стр. 140. „Елена Спартанская“ — трагедия Э. Верхарна. Перевод Брюсова (с рукописи) — М. 1909.

Стр. 140. Catulle Mendes (К. Мендес) 1842—1909 — французский поэт-парнасец. Г-жа Мендес — последовательница символистов.

Стр. 140. „Франческа да Римини“ — трагедия Г. д'Аннунцио; перевод сделан Брюсовым в сотрудничестве с В. И. Ивановым. О неудачной постановке трагедии на сцене Малого театра единодушно высказалась почти вся моск. печать. „Раннее Утро“ писало: „Нельзя песнь соловья изобразить на клавиатуре рояля. Нельзя любовь Франчески и Паоло уложить в трафарет обычных любвей. Автор нарочно отодвинул ее в глубь XIII века. Одед людей в другие костюмы. Заставил их говорить другие слова. Нарочно, чтобы создать, быть может, оптический обман, иллюзию, но с несомненной целью дать золотую страницу другой любви. И любовь эту надо было передать... красивым мечтательным шопотом. Бледным тоном старинного гобелена. Прямо противоположно истолковали пьесу режиссеры Малого театра. Они создали натуралистическую драму... И, конечно, было скучно, мучительно скучно“ „Русск. Слово“ резюмировало впечатления от спектакля так: „В других руках „Франческа“ была бы прекрасной музыкальной элегией любви, которая на минуту заставляла бы забыть и уйти с земли. В Малом театре этому способствовала дивная обстановка... Один лазурный фон прелестного итальянского моря... молил исполнителей забыть о героической трагедии и отдаться мягкой поэзии любви. Но исполнители пошли по другой дороге и увлекли за собой всю пьесу.“ Рецензент „Голоса Москвы“ категорически заявил: „было скучно“. Только одни „Русск. Вед.“ нашли и постановку и игру вполне удовлетворительной, а всю неудачу спектакля отнесли на счет автора пьесы. (Газетные отзывы о „Франческе“ приведены в журн. „Рампа“, 1908, № 3).

„Франческа“ была включена и в репертуар гастрольных спектаклей театра Коммиссаржевской, приехавшего в Москву. По отзыву журн. „Рампа“ — „пьеса, которая показала в Малом театре такой грузной, окутанной атмосферой беспробудной тоски, — у Коммиссаржевской получила ажурную, пленительную легкость, зазвучала, как мощная и победоносная песнь торжествующей любви... Конечно, главный плюс у г-жи Коммиссаржевской — это сама Франческа, сама г-жа Коммиссаржевская. Артистка играет эту роль с удивительным проникновением, с бесконечной нежностью и силой...“ („Рампа“, 1908, № 4).

Стр. 140. René Ghil (Р. Гиль) — род. 1862 г. ум. 1925—французский поэт, основатель школы научной поэзии. Р. Гиль был сотрудником журн. „Весы“, где помещал статьи о современных французских поэтах.

Стр. 140. René Arcos (Ренэ Аркос), Georges Duhamel (Жорж Дюамель) и Jules Romains (Жюль Ромэн) — франц. поэты, которые, исходя из теорий Р. Гиля о „научной поэзии“, стремятся создать поэзию мысли. (См. В. Брюсов. Франц. лирики XIX века. Полн. собр. соч. и переводов. т. XXI. СПб. 1913. Стр. 278).

Стр. 140. „L'Abbaye“ — кружок молодых франц. поэтов, возникший в первые годы XX века. Кружок возобновил, с некоторыми изменениями, учение Р. Гиля о научной поэзии. В группу „L'Abbaye“ входили поэты Рене Аркос. Ж. Дюамель, Ж. Ромэн, Шарль Вильдрак, Александр Мерсеро (A. Mercereau). Ближе примыкали к ним Тео Варлэ и Поль Кастю (P. Castiaux). (В. Брюсов „Франц. лирики XIX века“. Собр. соч. т. XXI, с. 230).

Стр. 140. Франсуа Вийон (François Villon) — франц. поэт XV века.

Стр. 141. G. Kahn (Г. Кан) — франц. поэт-символист; выступил в литературе в 1880 г.

Стр. 141. Royère (Руйер) — франц. поэт-символист (р. 1871).

Стр. 141. Гиришман, Владимир Осипович — моск. купец, коллекционер, собравший ценную коллекцию картин и рисунков русских художников.

Стр. 141. О поездке к Верхарну см. статью Брюсова „В гостях у Верхарна“ в его сб. „За моим окном“. М. 1913.

Стр. 141. Rysselberge Téo van — (Риссельберг) — бельгийский художник, друг Верхарна.

Стр. 141. Книга А. Шемшурина: „Стихи В. Брюсова и русский язык“. М. 1908. Брюсов, под псевд. В. Бакулин, поместил на нее рецензию в „Весах“, 1908, № 11.

Стр. 141. Ликиардопуло. Михаил Федорович (ум. 1925 г.), сотрудник, журн. „Весы“, переводчик О. Уайльда и др. англ. писателей.

Стр. 141. Владимиров, В. В. — художник. По его рисункам сделан ряд обложек на изданиях. „Гриф“.

Стр. 141. Переговоры о „Весах“ заключались в следующем: в конце 1909 г. С. А. Поляков решил прекратить издание журнала; сотрудники „Весов“ предложили продолжать издание совместно; Поляков согласился, не зная, что главным пайщиком в издание вступает „Гриф“ — С. А. Соколов, но узнав это, от издания отказался.

Лурье, Семен Владимирович — сотрудник „Русск. Мысли“.

Стр. 141. „Дом Песни“ (Maison du Lied) — своеобразное учреждение, возникшее в Москве в 1908 г., ставившее своей целью пропаганду новых идей в музыке, путем устройства концертов, лекций, конкурсов, анкет, принимаемых среди слушателей. Организатором „Дома Песни“ была Мария Алексеевна Оленина д'Альгейм — камерная певица, известная высокохудожественным исполнением русских песен. Ей принадлежит брошюра „Заветы М. П. Мусоргского“, написанная на франц. яз. (русс. перевод В. Гречанинова. М. 1910). Программы вечеров „Дома Песни“ были строго выдержанными. Вечера или посвящались отдельным композиторам или какой-либо

определенной теме (символистам, Гофману и Глюку, народным песням и т. д.). В работах „Дома Песни“ принимали участие поэты и писатели: А. Белый, В. Брюсов, М. Шик, Г. А. Рачинский и др., выступавшие с докладами. В Брюсов выступал с докладами о русских лириках.

Стр. 141. „Общество Свободной Эстетики“ было организовано в 1907 г. и просуществовало до 1917. Целью Об-ва было „способствовать успеху и развитию в России искусств и литературы и содействовать общению деятелей их между собой“. (Устав О-ва „Своб. Эстетики“ утвержд. 10 апр. 1907 г.). В числе членов Об-ва состояли все наиболее видные деятели искусства и литературы, гл. обр. примыкавшие к новым течениям. Число действительных членов Об-ва к 1914 г. было — 165. число членов-посетителей — 31. Об-во устраивало исполнительные собрания, посвященные докладам, чтению стихов, исполнению музыкальных произведений и художественным выставкам. Брюсов неоднократно выступал в Об-ве с чтением новых стихов и с докладами.

Стр. 141. Доктор Павел Васильевич Каптерев — гипнолог, неоднократно выступавший с публичными лекциями о гипнотизме.

Стр. 141. Маковский, С. К. — поэт и теоретик искусства, руководил изд-вом „Содружество“, редактировал журнал „Аполлон“. Рецензия Брюсова на стихи Маковского см. „Весы“, 1905, № 4, стр. 65.

Стр. 141. Толстой, Алексей Николаевич (р. 1882) — беллетрист, в литературе выступил в 1908 г. сборником стихотворений.

Стр. 142. Струве, Петр Бернгардович (р. 1870) — публицист; с 1908 г. редактор „Русской Мысли“, в которой сотрудничество Брюсова началось с 1909 г. (№ 1. Стих. „Отречение“).

Стр. 142. Кизеветтер, Александр Александрович (р. 1866) — историк; в 1903 г. вошел в состав редакции „Русской Мысли“.

Стр. 142. Первое издание переводов Брюсова из франц. поэтов — „Французские лирики XIX века“ — вышло в изд. „Пантеон“, СПб. 1909.

Стр. 142. Памятник Гоголю в Москве был открыт 26 апр. 1909 г. Речь о Гоголе была произнесена Брюсовым на второй день гоголевских торжеств (27 апр.) в торжественном заседании Об-ва Любителей Российской Словесности, происходившем в Большом зале Консерватории. (См. сборник О-ва Л. Р. С. „Гоголевские дни в Москве“ М. 1910. Там приведена и речь Брюсова, напеч. кроме того в „Вессах“. 1909, № 4; отд. издание: „Испепеленный“ К характеристике Гоголя. М. 1909; 2-е изд. М. 1910). Эпизод с овистанием Брюсова во время его речи, по сообщению „Русск. Слова“, рисуется в след. виде. „После слов Брюсова о том, что Гоголь всю жизнь мнил себя больным, а между тем известно, что он любил хорошо поесть, — после этих слов раздалось решительное и бурное шиканье по адресу оратора, крики „довольно и стыдно!“ Публика поднялась и стала в значительном числе покидать зал и эстраду... Более спокойная часть публики стала аплодировать лектору. Но порядок был восстановлен не скоро...“ („Русск. Слово“, 1909, 28 апр.). Газеты подняли по поводу доклада Брюсова большой шум, упрекая его в „декадентской форме мышления“. („Моск. Листок“, 1909, 28 апр.); А. Измайлов в „Русск. Слове“ писал, что то, что Брюсов сказал „всего лишь неуместно, некстати, просто неловко в те дни, когда в наших душах расцвела прекрас-

ная белая лилия, и Гоголь стоит весь в сиянии солнца". и т. под. Речь Брюсова, враждебно встреченная в 1909 г., через несколько лет вошла в критическую литературу о Гоголе именно своими оценками, которые вначале были приняты, как парадоксы декадента; в 1913 г. С. А. Венгеров речь Брюсова называет замечательной и соглашается с его основным утверждением, что главной чертой творчества и жизни Гоголя был — гиперболизм. (См. С. А. Венгеров. Собр. соч. т. II. Гоголь. СПб. 1913. Стр. 121 и сл.).

Стр. 142. Гр. Комаровский, Леонид Алексеевич (1846—1912), проф. Моск. университета по кафедре международного права, в одном из заседаний О-ва Любителей Российск. Словесности поднял вопрос об исключении Брюсова из числа членов О-ва за его речь о Гоголе; но предложение Комаровского принято не было.

Стр. 142. Щеглов-Леонтьев, Иван Леонтьевич (р. 1856 ум.)—беллетрист, драматург, автор книги „Новое о Пушкине“. СПб. 1902. С ним Брюсов вел полемику по поводу его статьи „Нескромные догадки“ (напеч. в прилож. к „Торгово-Промышл. газете“, 1900, № 28), где Щеглов высказал мнение, что в лице Сальери Пушкин изобразил Баратынского. (Статьи Брюсова „Баратынский и Сальери“. „Русск. Арх.“ 1900, № 8; „Пушкин и Баратынский“, „Русск. Арх.“ 1900, № 1). Но в письмах к П. Перцову, касающихся этой полемики, Брюсов держался иного мнения, соглашаясь со Щегловым. (См. „Русск. Совр.“ 1924, № 4).

Стр. 142. Измайлов, Александр Алексеевич (1873—1921), критик и беллетрист, автор книги литературных пародий „Кривое зеркало“, выдержавших три издания; 1-е изд. СПб. 1908.

Стр. 142. Морозов, Николай Александрович (р. 1854), известный шлицсельбуржец. Книга его стихов „Звездные песни“ (1-е изд.) была изд. „Скорпионом“. М. 1910.

Стр. 142. В газете „Голос Москвы“, 1910, № 69, была помещена заметка „Братцы-эстеты“ по поводу выставки картин Н. Гончаровой, устроенной в Об-ве Свободной Эстетики. Автор заметки весьма прозрачно намекает, что на собраниях эстетов якобы происходит нечто большее, за что обвиняют „братцев“ в хлыстовщине. „Картины Гончаровой „сплошного декадентского пошиба“ он называет настолько неприличными, „что секретные анатомические отделения музея Геснера пасуют перед этим возмутительным развратом... Между мерзостью картин выставки 24 марта картины № 6 — „Бог“ и № 13 — „Тоже“ — превосходят всякую порнографию секретных карточек“. Кроме этой заметки, в след. № 70 „Гол. Москвы“ был помещен стихотворный фельетон Wega „Наши эстеты“:

Болтуны литературные,
Полоумные поэтики,
Нецензурные и бурные
Провозвестники эстетики,
Символисты-декламаторы,
Декадентские художники,
Хоть в искусстве реформаторы,

Но в творениях сапожники...
Голосят, как в трубы медные,
И от бреда нецензурного
Лишь краснеют стены бедные
У кружка литературного... и т. д.

Следствием заметки и фельетона в „Гол. Москвы“ явилось полицейское запрещение двух картин Гончаровой. В заметке в газ. „Утро России“, 1910, 27 марта, было сообщено следующее: „В четверг 25 марта в Литературно-Художественный кружок явилась полиция и наложила арест на две картины худ. Гончаровой, опечатав их. Картины эти („Бог“ и „Тоже“) накануне были выставлены в закрытом собрании Об-ва Свободной Эстетики. В виду того, что собрание было устроено для членов общества, вход на него был закрыт для не принадлежащих к составу кружка... Несмотря на это, сотруднику „Голоса Москвы“ удалось при содействии лакея... пробраться в комнату. В результате появился „отчет“ об этом, по правилу этики не подлежащем отчету. собрании... Результатом этого отчета явился полицейский обыск, приведший к опечатанию картин“.

Стр. 142. Две любезные статьи А. Измайлова о Брюсове см. в книге Измайлова: „Литературный Олимп“. М. 1911.

Стр. 142. Трояновский, Иван Иванович, доктор-хирург, друг многих художников, один из основателей Об-ва Свободной Эстетики.

Составитель примечаний считает своим долгом выразить благодарность Е. А. Бальмонт, И. А. Белоусову, И. М. Брюсовой, П. П. Перцову, С. А. Полякову, Ю. В. Соболеву, Я. А. Тепину и А. Г. Фомину за ряд ценных справок и указаний.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.

- Аверкиев 164.
 Авинова, А. М. 185.
 Аврелий (псевд. Брюсова) 155, 181, 182, 184, 185, 187.
 Агриппа — 92, 174.
 Адам, П. (Adam, P.) — 135, 186.
 Айвазовский, И. К. — 39.
 Айхенвальд, Ю. И. 108, 120, 178.
 Аксаков, А. Н. 129, 183.
 Аксаков, К. С. — 49, 63.
 Аксенов, М. С. 157.
 Алевиз Фрязин 169.
 Александр II — 47.
 Александр III 19, 20, 140.
 Александров, А. А. — 15, 147, 148.
 Alexander см. Брюсов, А. Я.
 Аллан-Кардек 33, 157.
 Allegro-Соловьева, П. С. — 65, 66, 124, 164.
 Аммиан Марцелин — 82.
 Амосов, Л. А. 81.
 Амфитеатров, А. В. — 175, 179.
 Андреев А. — 71.
 Андреев, Л. Н. — 105, 107, 122, 123, 124, 130, 146, 181, 184.
 Андреев, Н. А. 139, 187.
 Андреева 114, 122.
 Андреева, А. А. 112, 178.
 Андреева, М. Ф. 158.
 Андреевский, С. А. — 63, 104, 117, 146, 147, 164, 177.
 Аничков, Е. А. — 185.
 Анненков, П. В. — 77.
 Аннуцио, Г. (д') — 38, 100, 140, 141, 158, 167, 188.
 Антонин, епископ 124, 126.
 Апокриф, см. Шперк, Ф. Э.
 Аппельрот, В. Г. — 10.
 Аристофан — 22.
 Аркос, Р. (Arcos R.) — 140, 141, 189.
 Аронсон, Н. Л. — 104, 177.
 Ауэрбах, Б. 17, 149.
 Ачкасов, А. Н. — 84, 113, 171.
 Ашинов, Н. И. — 77, 168, 169.
 Баженов, Н. Н. — 123, 137, 139, 181.
 Байер, Г. — 83, 170.
 Бакст, Л. С. — 115, 125, 179.
 Бакулин, В. (псевд. Брюсова) — 189.
 Балтрушайтис, М. И. — 75, 90, 111, 121.
 Балтрушайтис, Ю. К. 74, 75, 77, 78, 79, 83, 85, 86, 89, 90, 92, 93, 94, 100, 105, 107, 108, 111, 112, 119, 120, 121, 122, 123, 131, 133, 135, 167, 170.
 Бальзак, О. 150.
 Бальмонт, В. Н. 119, 180.
 Бальмонт, Е. А. 60, 62, 119, 162, 176.
 Бальмонт К. Д. 19, 20, 22, 23, 24, 25, 26, 29, 30, 31, 33, 39, 41, 47, 48, 50, 51, 53, 54, 55, 61, 63, 64, 65, 66, 67, 69, 70, 71, 74, 75, 76, 77, 79, 81, 89, 90, 95, 96, 98, 101, 102, 103, 104, 119, 129, 130, 133, 135, 136, 151, 153, 155, 162, 163, 164, 165, 167, 170, 173, 174, 175, 176, 181, 184.
 Банг, Г. — 181.
 Баратынский, Е. А. — 49, 50, 61, 75, 77, 78, 84, 163, 191.

- Барсуков, А. П. — 106, 177.
 Барсуков, Н. П. — 106, 120, 177.
 Бартенев, П. И. — 49, 51, 52, 63, 81, 85, 88, 89, 90, 91, 100, 105, 106, 107, 108, 114, 159, 166, 173, 177, 178.
 Бартенев, С. П. — 95.
 Бартенев, Ю. П. — 68, 85, 89, 90, 91, 102, 104, 107, 108, 110, 111, 112, 114, 118, 119, 120, 123, 166.
 Бартенева, Т. П. — 89, 172.
 Барятинский, В. В. кн. — 66, 165.
 Батюшков, К. Н. — 89.
 Бахман, Г. — 53, 59, 60, 67, 74, 76, 77, 79, 83, 85, 86, 90, 102, 105, 119, 138, 160.
 Бахрушин, А. П. — 168.
 Башкирцева, М. К. — 5, 6, 8, 146, 147.
 Белинский М. — см. Ясинский, И. И.
 Беллини 120.
 Белов — 131.
 Белоусов, И. А. — 169.
 Белый, А. — 106, 110, 111, 115, 118, 121, 122, 129, 130, 133, 134, 135, 142, 145, 173, 177, 190.
 Бельтов см. Плеханов, Г. В.
 Бенедикт — 124, 182.
 Бенкендорф, А. Х. гр. — 88.
 Бенуэ, А. Н. 115, 116, 117, 129, 179.
 Бердяев, Н. А. 123, 181.
 Бердяев, С. А. — 82, 170.
 Березин, А. Л. — см. Ланг, А. А.
 Берклее — 62.
 Бернар, С. — 10, 147.
 Билибин, И. Я. 80, 98, 128, 169.
 Бильбасов, В. А. — 62.
 Бирюков, П. И. — 176.
 Бицин, Н. — см. Павлов, Н. М.
 Блауберг, С. 159.
 Блок, А. А. — 122.
 Боборыкин, П. Д. — 63, 92, 114, 122, 128, 129, 164, 174, 182.
 Богданович, А. И. — 121, 180.
 Бодлэр, Ш. — 138, 170, 187.
 Боровиковский, В. Л. — 116.
 Бородаевский, В. — 122, 123, 181.
 Ботичелли — 132, 185.
 Боткин, П. П. 139.
 Боцановский, В. — 148.
 Браиловский, А. Я. 24, 154.
 Брандт, Р. Ф. — 68, 166.
 Брюсов, А. Я. — 137, 186.
 Брюсов, Я. К. — 35.
 Брюсова, И. М. — 29, 35, 44, 48, 49, 60, 63, 73, 130, 154.
 Брюсова, М. А. — 14, 44.
 Брюсова, Н. Я. — 5, 6, 34, 44, 48, 60, 81, 82, 95, 146.
 Буало 28.
 Бугаев, Б. Н. — см. Белый, А.
 Бугаев, Н. В. 106, 111, 112, 133, 177.
 Бугон, А. см. Мартов, Э.
 Булгаков, А. Я. 89, 72.
 Булгаков, С. Н. 123, 181.
 Буллер 82, 170.
 Бунин, И. А. — 23, 54, 58, 59, 61, 62, 74, 80, 83, 90, 91, 106, 107, 108, 123, 153, 154, 163, 173, 177, 184.
 Бунин, Ю. А. — 129, 184.
 Буренин, В. П. — 66, 76, 165.
 Bourgoïn, L. 20.
 Быков, П. В. — 66, 165.
 Бэкон — 62.
 Ванновский, П. С. — 105, 177, 178.
 Варженевская, Е. А. — 92, 160, 174.
 Варлэ, Т. (Varlet) — 189.
 Варя — 6, 7, 8, 10.
 Васнецов, А. М. — 171.
 Васнецов, В. М. — 83, 93, 168, 171.
 Вебер, Г. — 28.
 Вейнберг, П. И. — 64, 164.
 Венгеров, С. А. — 150, 154, 162, 166, 191.
 Венгерова, Э. А. — 153.
 Вентцель, Н. Н. — см. Бенедикт.
 Вергилий — 28, 89, 106, 172.
 Верлэн, П. — 10, 11, 13, 15, 18, 33, 75, 116, 141, 149, 151, 152, 172.
 Верн, Ж. 38, 112, 113.
 Вернер — 170.

- Верхарн, Э. (Verhaeren, E.) — 58, 75, 78, 92, 99, 115, 122, 125, 132, 140, 141, 188, 189.
- Вийон, Ф. (Villon, F.) — 140, 189
- Викторов, Д. В. — 34, 59, 70, 71, 76, 77, 114, 158.
- Виленкин, Н. М. — см. Минский, Н. М.
- Вильдрак, Ш. (Vildrac Ch.) — 141, 189.
- Вилькина Л. — см. Минская, Л.
- Виноградов, П. Г. — 34, 68, 70, 158.
- Виноградов, П. — 162.
- Винчи, Леонардо, да — 98, 120, 177.
- Вию (Vuot) — 140.
- Вивьи, А. де — 173.
- Витгенштейн, Э. кн. — 48, 159.
- Витт — 134.
- Вишняков, Е. — 71.
- Владимиров, В. В. — 141, 189.
- Волошин, М. А. 130, 135, 141, 142, 184.
- Болынский, А. Л. — 107, 111, 113, 115, 118, 123, 124, 125, 177.
- Вольф, М. О. — 95.
- Врубель, М. А. 77, 135, 137, 168, 174, 186.
- Выдрин, Р. — 165.
- Вьеле-Гриффин, Ф. (Viellè-Griffin Fr.) — 58, 115, 125.
- Г., Арсений, — 151, 152.
- Гайдебуров, В. П. — 54, 55, 66, 161.
- Гайдебуров, П. А. — 161.
- Гамсун, К. — 167.
- Гарин-Виндинг, Д. Н. — 31, 155.
- Гауптман, Г. — 35, 80, 158.
- Гейден, П. А. — 139, 187.
- Гейне, Г. — 172.
- Гельман, Л. Г. — см. Жданов, Л.
- Георге, С. — 125.
- Геринов, Н. — 159.
- Геродиан — 17.
- Геродот — 18.
- Герра, К. — см. Мазурин, К.
- Герье, В. И. — 15, 16, 28, 34, 69, 70, 82, 83, 111, 148.
- Гёте, В. — 146, 155, 160.
- Гиль, Р. (Ghil. R.) — 140, 141, 189.
- Гиляровский, В. А. 100, 142.
- Гиппиус, Вас. 116.
- Гиппиус, В. В. 17, 18, 24, 42, 43, 47, 54, 57, 58, 60, 69, 84, 113, 116, 121, 150, 159.
- Гиппиус. З. Н. — 47, 53, 56, 64, 96, 98, 99, 101, 103, 104, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 115, 117, 118, 122, 123, 124, 125, 128, 133, 134, 159, 160, 179, 180.
- Гиршман, В. О. 141, 142, 189.
- Гиршман, Г. Л. 141, 142.
- Глаголь, С. — 177.
- Гладстон — 59.
- Глебов, И. 175.
- Глюк — 190.
- Гнедич, П. П. 164.
- Гоголь, Н. В. — 139, 142, 190, 191.
- Гойя, Ф. 53, 174.
- Голенищев-Кутузов, А. А. — 34, 54, 164.
- Голиков, В. М. — 31, 155.
- Голицын, В. М. кн. — 78, 169.
- Головин, О. — см. Брандт, Р. Ф.
- Голубкина, А. С. — 108, 178.
- Гольстейн — 132.
- Гольц — 62, 163.
- Гольцев, В. А. — 50, 52, 70, 159.
- Гомер — 18, 26.
- Гончарова, Н. С. — 142, 191, 192.
- Горинов — 9.
- Горленко — см. Гославский, В. П.
- Городецкий, С. М. — 138, 187.
- Горохов, В. — 165, 178
- Горчаков, Д. П. кн. 105.
- Горький, М. 91, 93, 94, 96, 101, 102, 115, 123, 124, 128, 140, 171, 174, 176, 181, 184.
- Гославский, В. П. — 113, 179.
- Гофман, В. В. 121, 122, 130, 184.
- Гофман, Э. Т. А. — 190.
- Гофмансталь, Г. — 125.
- Грен, Н. А. — 85, 172.
- Гречанинов, В. 189.
- Грибовский, В. М. — 54, 161.

- Григорьев, А. А. 84, 171.
 Грингмут, В. А. 40, 158.
 Грот, Н. Я.— 6, 8, 19, 70, 100, 151.
 Груздев, И. А.— 174, 179.
 Гугунава 101, 175.
 Гумилев, Н. С.— 138, 187.
 Гуревич, Л. Я.— 149, 150.
 Гуцков, К.— 41.
 Гучков, А. И. 138, 187.
 Гюго, В.— 38.
- Далин — см. Линев, Д. А.
 Дантес — 183.
 Дармон 10, 147.
 Дедлов, В.— 125, 182.
 Дезесперанто — см. Ачкасов, А. Н.
 Дейбнер — 87.
 Декарт — 48.
 Дельвиг, А. А.— 12.
 Демель, Р.— 115.
 Денисов, В. А.— 187.
 Дергачев, И. П.— 121, 180.
 Державин, Г. Р.— 5, 33, 89.
 Диого 159.
 Добролюбов, А. М.— 17, 18, 22, 24, 27,
 28, 40, 41, 42, 46, 48, 49, 50, 53,
 54, 57, 58, 59, 64, 73, 83, 84, 87, 97,
 116, 117, 125, 126, 130, 133, 149,
 150, 153, 164, 171, 172.
 Добролюбов, Г. М.— 86, 88, 116, 172.
 Добролюбов, К. М.— 86, 87.
 Добролюбова, М. Г.— 86, 87, 88, 116.
 Долгоруков, Павел Д. кн. 137, 186.
 Долгоруков, Петр Д. кн. — 137, 186.
 Донауров, С.— 148.
 Дорошевич, В. М. 106, 177, 183.
 Досекин, Н. В.— 85, 119, 171, 180.
 Достоевский, Ф. М.— 25, 77, 91, 94,
 107, 171.
 Дрейфус, А.— 33, 157.
 Дурнов, М. А.— 53, 59, 60, 61, 78, 83,
 85, 86, 92, 99, 102, 111, 119, 123,
 160, 163, 171, 174.
 Духовской, В. М.— 3, 145.
 Духовской, М. В.— 145.
 Дьяконов — 116.
- Дюамель, Ж. (Duhamel) — 141' 186'.
 Дюма, А. отец 21, 38.
 Дягилев, С. П.— 76, 99, 102, 115, 125,
 126, 175.
- Еврипид — 125, 182.
 Егоров, Е. А.— 133, 186.
 Ежов, И. С.— 150.
 Екатерина II — 105, 163.
 Елена 132.
 Елена Андр. см. Маслова, Е. А.
 Емельянов-Коханский, А. Н.— 68, 166,
 174.
 Ермилов, В. Е.— 12, 50, 92, 113, 114,
 147, 175.
 Ермолова, М. Н.— 129, 182.
 Ефремов, П. А.— 84, 171.
- Жадовская, Ю. В.— 165.
 Жданов, Л.— 92, 99, 174.
 Жибер, М. А. см. Лохвицкая, М. А.
 Жорес 157.
 Жуковский, В. А. 11, 89.
 Жураковский, Е. Д.— 59, 61, 162.
- Зверев, Н. А.— 127, 182.
 Золя, Э.— 33, 157.
 Зунделович — 5, 12, 19, 146.
- Ибсен, Г.— 67, 83, 105, 115, 167, 170.
 Ивакин — 103.
 Иванов — 18.
 Иванов, В. И.— 132, 133, 137, 138, 141,
 142, 185, 188.
 Иванов, И. И.— 12, 52, 99, 147, 175.
 Иванов, Ф.— 159.
 Иванов-Разумник, Р. В.— 150.
 Иванушка Дурачек 149.
 Иенсен, А. (Iensen, A.) — 137, 186.
 Извеков, В.— 71.
 Измайлов, А. А.— 142, 190, 191, 192.
 Иксуль, В. И. бар.— 171.
 Илич, Д. И.— 100, 175.
 Иловайский, Д. И.— 83, 100, 170, 175.
 Иноев, П.— 3, 145.
 Исидор, еписк.— 128.

- К. Р. — 86.
 К-ие — 95, 99.
 К-овы — 10, 12.
 Калашников — 80.
 Каллаш, В. В. — 81, 84, 85, 120, 122, 170.
 Калмыков, И. Л. — 77, 168.
 Кальдерон — 53, 60, 129, 183.
 Каменский, В. — 13, 148.
 Кан, Г (Cahn) — 141, 189.
 Кант, И. — 21, 28, 33, 54, 95, 161, 174.
 Кантемир, А. Д. — 4, 5.
 Каптерев, П. В. — 141, 190.
 Кара-Мурза, С. Г. — 175.
 Карабчевский, Н. П. — 168.
 Карбасников — 62.
 Кареев, Н. — 69.
 Карташев, А. В. — 125, 182.
 Касперович — 131, 184.
 Каспрович, Я — 131.
 Кастио, П. (Castiaux) — 141, 189.
 Катулл — 9, 119.
 Квашнин-Самарин, Е. Н. — 45, 159.
 Кедрин, Е. Н. — 3, 145.
 Кельчевская — 61.
 Киевский, С. — см. Бердяев, С. А.
 Кизеветтер, А. А. — 142, 190.
 Кинг, В. Л. — см. Дедлов, В.
 Киреевский — 49.
 Ките, Д. — 67, 165.
 Клевер, Ю. В. — 5, 146.
 Клементьев — 52.
 Клодт, Н. — 77, 114, 168.
 Ключевский, В. О. — 34, 69, 158.
 Ковылинский, Л. Л. — см. Эллис.
 Коваленский, М. Н. — 82, 170.
 Коган, П. С. — 49, 92, 159.
 Кожевников, В. А. — 85, 108, 171.
 Кожевников, П. А. — 129, 184.
 Козаков — 42.
 Козлинина, Е. И. — 168.
 Козлов, И. И. — 6.
 Койранский, А. — 122, 123, 130, 131, 181.
 Койранский, Б. — 122, 123, 130, 131, 181.
 Колпинский — 118, 180.
 Кольцов, А. В. — 165.
 Комаровский, А. А. гр. — 142, 191.
 Коммиссаржевская, В. Ф. — 139, 183, 187, 188.
 Кондратьев, И. К. — 169.
 Конт, О. — 127.
 Копосов, П. П. — 11, 147.
 Корин, В. — 117, 180.
 Коринфский, А. А. — 23, 47, 54, 56, 57, 66, 67, 114, 115, 153, 165.
 Корнель — 106.
 Коровин, К. — 77.
 Короленко, В. Г. — 175.
 Коваль, А. — 63, 164.
 Крапах, Л. — 163.
 Крандиевская, А. Р. — 114, 179.
 Красинский, С. — 121, 180.
 Краснов, П. — 149.
 Крашенинников, Н. — 159.
 Крейман, Ф. И. — 52, 145.
 Кречетов, С. — см. Соколов, С. А.
 Криницкий, М. — см. Самыгин, М. В.
 Крот, П. — см. Ачкасов, А. Н.
 Кр-ий — 5, 91, 146.
 Кругликова, Е. С. — 132, 185.
 Курочкин, В. С. — 56.
 Курсинская — 60.
 Курсинский, А. А. — 20, 21, 22, 24, 25, 32, 34, 40, 50, 51, 53, 54, 59, 60, 61, 67, 74, 76, 79, 100, 111, 119, 122, 152, 154.
 Лазаревы — 85.
 Лакюзон, А. (Lacuzon, А.) — 132, 185.
 Ланг, А. А. (Миропольский) — 4, 8, 12, 13, 15, 16, 18, 19, 20, 22, 32, 34, 48, 59, 71, 74, 76, 80, 83, 89, 90, 119, 122, 135, 145, 151, 154.
 Ланге, Т. — 59, 76, 81, 92, 119, 160, 162.
 Лапшин — 41, 52, 59, 62, 159.
 Латник (псевд. Брюсова) — 187.
 Лебедев, А. П. — 70, 167.
 Лебедев, В. П. — 57, 161.
 Лебедев, П. С. — 121, 180.
 Лебедева, Л. П. — 121, 180.
 Левитан, И. И. — 85, 171.

- Левицкий, Д. Г. — 116.
 Лейбниц — 21, 29, 33, 54, 112.
 Лейтенант, С. — 118, 180.
 Ленский, А. П. — 139, 141, 188.
 Лентовский, М. В. — 100, 175.
 Лермонтов, М. Ю. — 5, 40, 64, 86, 100, 165, 175.
 Лернер, Н. О. — 105, 177.
 Ликиардопуло, М. Ф. — 141, 189.
 Линев, Д. А. — 113, 114, 179.
 Липскеров, А. Я. — 48, 159.
 Лисицин — 84.
 Лиснер, Э. и Роман, Ю. — 90, 172.
 Литовец — см. Поляков, С. Л.
 Лихачев, В. С. — 54, 66, 161.
 Ломоносов, М. В. — 168.
 Лопатин, Л. М. — 68, 100, 111, 112, 163.
 Лосский, Н. — 174.
 Лоти, П. — 181.
 Лохвицкая, М. А. — 31, 47, 65, 99, 126, 155, 159, 165.
 Лурье, С. В. — 141, 142, 189.
 Львович, В. — 71.
 Льдов, К. — 32, 67, 156.
 Любич-Кошуrow, И. А. — 80, 84, 106, 169.
 Любошиц, С. Б. — 122, 129, 132, 181, 183.
 Лютер, А. — 160.
 Лялечкин, И. О. — 20, 152.
 Мазурин, К. — 32, 157.
 Мазуркевич, В. А. — 54, 55, 56, 161.
 Маклаков, В. А. — 168.
 Маковский, С. К. — 141, 190.
 Маковский, Ф. — 52, 160.
 Маллармэ, С. — 12, 13, 60, 61, 141, 149.
 Мальевская — 39, 47, 48.
 Малютин, С. В. — 168.
 Мамонтов, С. И. — 76, 101, 168.
 Мандельштам, О. Э. — 150.
 Мандельштам, М. Л. — 183.
 Маркс, К. — 19.
 Марлинский, А. — 128.
 Марло, К. — 65, 164.
 Мартов, Э. — 16, 18, 32, 149, 151, 157.
 Матерн, Э. Э. — 183.
 Маслова, Е. А. — 6, 10, 12, 13, 14, 14
 Мачтет, Г. А. — 104, 177.
 Медведев, Л. М. — 81, 85, 108, 170.
 Медведский, К. П. — 40, 57, 106, 1158.
 Мей, Л. А. — 165.
 Мейерхольд, В. Э. — 139, 187.
 Мейснер, Ф. Я. — 124, 182.
 Мельбранш — 62.
 Мендес, К. (Mendês madame Catulle de) — 140, 188.
 Мендес, К. (Mendês, Catulle de) — 140, 188.
 Меньшиков, М. О. — 117, 180.
 Мережковская, Э. Н. — см. Гиппиус Э. Н.
 Мережковский, Д. С. — 13, 47, 51, 52, 64, 65, 66, 76, 83, 91, 96, 98, 99, 100, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 115, 116, 117, 118, 121, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 133, 134, 136, 148, 156, 160, 164, 180, 182.
 Мерсеро, А. (Mercereau, A.) — 140, 141, 189.
 Мессарош, П. И. — 57, 161.
 Метерлинк, М. — 9, 24, 28, 121, 129, 147, 149, 154, 164, 170, 181, 183, 187.
 Метуэн, бар. — 82, 170.
 Мещерский, В. П. кн. — 121, 180.
 Микель-Анджело — 140.
 Минаев, Д. Д. — 56.
 Минская, Л. — 95, 99, 125, 128, 182.
 Минский, Н. М. — 47, 54, 57, 64, 65, 95, 99, 101, 115, 117, 124, 125, 126, 128, 129, 145, 160, 164, 182.
 Минцлова, А. Р. — 71, 96, 111, 112, 167.
 Мирович, А. — 102, 105, 175.
 Миролюбов, В. С. — 124, 181.
 Миропольский, А. Л. — см. Ланг, А.
 Михаил, епископ — 124, 181.
 Михайловский, Н. К. — 63, 107, 158, 163.
 Михаловский, Д. Л. — 54, 56, 161.

- Михеев, В. М. — 83, 129, 170.
 Мольер — 8.
 Монтень — 135.
 Морозов — 102.
 Морозов, И. А. — 186.
 Морозов, Н. А. — 142, 191.
 Морозова, В. А. — 92, 99, 100, 175.
 Москвитянин (псевд. Брюсова) — 183.
 Мутер, Р. — 174.
 Мюссе, А. — 22, 125.
 Мясоедов, Г. Г. — 85, 171.
 Мятлев, И. П. — 124, 182.

 Н. — 93.
 Назаревский, В. В. — 86.
 Найденов, Н. А. — 129, 184.
 Невежин, П. М. — 108, 178.
 Некрасов, Н. А. — 78, 169, 183, 184.
 Нестеров, М. В. — 61, 85.
 Никитин, П. В. — 70, 167.
 Никитников, Г. — 169.
 Николай II — 81.
 Ник. Ал. — 3.
 Ник. Вас. — 8.
 Никольский, П. — 12, 145.
 Nina — 140.
 Ницше, Ф. — 53, 85, 115.
 Новалис — 28, 167.
 Носова, Е. П. — 142.
 Нувель, В. Ф. — 115, 117, 125, 179.
 Нурок, А. П. — 115, 179.
 Нюнин, И. А. — 3, 6, 145.

 О—ва, Е. Д. — 112, 113, 121.
 Облеухов, А. Д. — 22, 32, 38, 47, 50, 51, 58, 113, 152, 159, 160.
 Облеухов, Н. Д. — 32, 40, 51, 61, 113, 156, 158, 159.
 Овербек — 125.
 Овидий — 13.
 Олеарий — 34.
 Оленина д'Альгейм, М. А. — 189.
 Оловянишникова, М. И. — см. Балтрушайтис, М. И.
 Омон, Ш. — 102, 123, 160.
 Онегин-Отто, А. Ф. — 132, 185.
 Ор — см. Шперк, Ф. Э.
 Ореус, И. И. (Ив. Коневской) — 57, 60, 61, 63, 67, 68, 70, 76, 78, 80, 86, 95, 97, 101, 105, 106, 110, 116, 121, 128, 150, 153, 161, 163, 168, 169, 171.
 Ореус, И. И. ген. — 106, 115, 116.
 Орлов, П. — 83.
 Орсье, Ж. — 174.
 Оссиан — 5.
 Остерман, Э. (Österman) — 137, 186.
 Остроухов, И. С. — 139, 187.

 П. — 103.
 П. А. А. — 119.
 Павлов, Н. М. — 81, 107, 118, 169.
 Павлова, К. К. — 64, 121, 164.
 Пантюхов, М. И. — 121, 122, 181.
 Паскаль, Б. — 6.
 Паульсен, Ф. — 95, 174.
 Перцов, В. — 152.
 Перцов, П. П. — 20, 21, 51, 52, 54, 58, 63, 70, 76, 80, 101, 113, 114, 115, 117, 118, 121, 124, 125, 126, 129, 133, 152, 175, 180, 186.
 Петарди, С. (Petardi, S.) — 140.
 Петерсон, И. П. — 171.
 Петр I — 82, 98, 111, 170.
 Петр III — 105.
 Петров, С. Г. — см. Скиталец.
 Петровский, А. С. — 110, 111, 178.
 Печковский, А. — 131, 184.
 Пилло — 132, 185.
 Пильский, П. М. — 3, 4, 9, 106, 145.
 Пирожков, М. В. — 129, 181.
 Плаксин — 111.
 Плевако, Ф. Н. — 168.
 Плеве, В. К. — 121, 180.
 Плеханов, Г. В. — 33, 157.
 Плещеев, А. Н. — 14, 15, 148, 165.
 По, Э. — 24, 29, 33, 34, 95, 157.
 Победоносцев, К. П. — 80, 117, 168.
 Покровский, Г. — 71, 167.
 Поленова, Е. Д. — 168.
 Поленова, Н. — 168.
 Подиванов, Л. И. — 11, 12, 62, 145, 147, 148, 162, 163.

- Полонский, Я. П. — 54, 127, 161.
 Поляков, А. А. — 79, 169.
 Поляков, В. — 133, 186.
 Поляков, Г. А. — 75, 168.
 Поляков, С. А. — 74, 75, 78, 79, 83, 86, 89, 90, 92, 95, 96, 98, 99, 101, 103, 106, 107, 108, 110, 111, 112, 119, 120, 122, 132, 133, 134, 135, 141, 142, 167, 168, 169, 170, 174, 186, 189.
 Поляков, С. Л. — 132, 185.
 Поляков, Я. А. — 167.
 Поляков, А. А. — 167.
 Померанцева, Ю. Н. — 100, 175.
 Понсон, дю-Террайль — 38.
 Попов — 154.
 Попова, О. Н. — 177.
 Порфиоров, П. П. — 66, 125, 165.
 Поссе, В. А. — 93, 94, 174.
 Поярков, Н. Е. — 132, 185.
 Прель, К. дю — 33, 157.
 Прибытков, В. — 115, 179.
 Приска де Ландель, (Prisca de Landelle) — 20, 152.
 Пустошкина, А. Д. — 158.
 Пушкин, А. С. — 5, 12, 16, 25, 49, 59, 65, 77, 85, 89, 94, 100, 102, 105, 132, 162, 163, 164, 170, 175, 185, 191.
 Пшибышевский, С. — 106, 121, 177, 181, 182.
 Разин, С. — 94.
 Ралль — 84.
 Расин, Ж. — 106.
 Рафаилович, С. Л. — 125, 128, 182.
 Рафаэль — 58, 140.
 Рачинский, Г. А. — 112, 134, 178, 190.
 Ребиков, В. — 100, 135, 175.
 Рейн, Ф. А. — 134, 186.
 Рейнгардт, Н. Н. — 102, 117, 175.
 Ремизов, А. М. — 122, 123, 129, 181.
 Ренье, А. де. (Regnier, H. de) — 58, 75, 125.
 Репин, И. Е. — 78, 85, 168, 171.
 Рёскин, Д. — 52, 92, 173.
 Реттэ, А. — 125.
 Рильке, Р. М. — 115.
 Римбо, А. — 28.
 Риссельберг (Rysselberge Teo van) — 141, 189.
 Ришпэн, Ж. (Richepin) — 170.
 Розанов, В. В. — 31, 51, 101, 110, 112, 115, 116, 117, 121, 124, 142, 155, 156, 174.
 Розенберг, К. Б. — 122.
 Розенблюм, К. Н. — см. Льдов, К.
 Рок, Н. — 152.
 Роман, Ю. — см. Лисснер, Э.
 Романова — 125.
 Романовский, В. — 71.
 Ромэн, Ж. (Romain J.) — 141, 189.
 Росинский — 81.
 Рославлев, А. С. — 130, 131, 184.
 Рошин, — 7.
 Руайер, Ж. (Royère J.) — 141, 189.
 Рубенс, — 58, 63.
 Рунт, И. М. — см. Брюсова, И. М.
 Руссо, Ж. Ж. — 28, 69, 166.
 Рядон, О. — 132, 185.
 Рябушинский, В. П. — 138, 187.
 Рябушинский, Н. П. — 186.
 Сабанеев, Л. Л. — 167.
 Сабашников, М. В. — 60, 103, 163.
 Сабашниковы — 60, 103, 172.
 Саблин, В. М. — 123, 181.
 Савицкая, Л. — 119, 132.
 Саводник, В. Ф. — 32, 34, 51, 59, 60, 67, 69, 71, 76, 77, 84, 85, 111, 120, 122, 157.
 Сакен, Ф. В. кн. — 81, 169.
 Сальвини, Г. — 34, 158.
 Самоквасов, Д. Я. — 83, 170.
 Самыгин, М. В. — 20, 22, 23, 25, 32, 33, 39, 41, 52, 61, 74, 107, 151, 167.
 Сарду, В. — 10, 147.
 Сатин, А. — 10, 147.
 Сафонов, С. А. — 54, 55, 56, 57, 161.
 Сахаров, — 113.
 Сбирко, Д. (псевд. Брюсова) — 166.
 Святловский, — 127.

- Сегард — 125.
Семенов, Л. Д. — 132, 133, 186.
Семенов, М. Н. — 106, 122, 125, 127, 128, 135, 177, 182.
Семенов, С. П. — 116.
Семетковский, Р. И. — 86, 172.
Серафимович, А. С. — 184.
Сергий, еписк. — 117, 180.
Серов, В. А. — 168.
Сеченов, И. М. — 171.
Симов, В. И. — 101, 175.
Синцов, А. А. — 77, 168.
Синюшин, — 134.
Сипягин, Д. С. — 121, 180.
Скворцов, В. М. — 110, 124, 178.
Скирмунт, — 93, 174.
Скиталец, — 123, 181, 184.
Скрябин, А. Н. — 111, 167, 178.
Славский, А. — 159.
Случевский, К. К. — 54, 55, 58, 64, 65, 66, 67, 115, 117, 118, 124, 125, 126, 127, 160, 161, 164, 180.
Случевская, — 118.
Соболевский, — 101.
Соболевский, С. И. — 70, 167.
Соколов, С. И. — 86.
Соколов, М. И. — 70, 167.
Соколов, Н. М. — 54, 55, 161.
Соколов, С. А. (Кречетов, С.) — 130, 131, 134, 137, 141, 184, 189.
Соловьев, В. С. — 33, 62, 66, 85, 89, 90, 92, 106, 125, 151, 157, 171, 172.
Соловьев, М. С. — 70, 81, 92, 106, 107, 109, 110, 129, 173, 183.
Соловьев, С. М. — 106, 129, 177, 183.
Соловьева, О. М. — 92, 106, 109, 110, 118, 129, 173, 177, 183.
Соловьева, П. С. — см. Allegro.
Сологуб, Ф. — 27, 47, 54, 55, 57, 60, 66, 67, 98, 117, 124, 141, 154, 159.
Солон — 19.
Сомов, К. А. — 115, 142, 179.
Софокл — 60, 162.
Спасович, В. Д. — 121.
Сперанский, М. — 71, 167.
Спиноза — 13, 54, 123, 147.
Средин, А. В. — 129, 184.
Станиславский, К. С. — 158.
Станюкович, В. К. — 3, 5, 9, 10, 100, 145.
Столповский, М. — 5, 145.
Странник, Иван — 132, 185.
Страхов, Н. Н. — 86, 171, 172.
Стриндберг, А. — 78, 167.
Строев, В. — 118.
Струве, П. Б. — 142, 190.
Сумароков, А. П. — 28.
Сумбатов — см. Южин, А. И.
Сытин, И. Д. — 106, 177.
Т. А. — 119.
Тарасов, Е. М. — 138, 187.
Телешов, Н. Д. — 129, 184.
Тепляков, В. Г. — 84.
Тернавцев, В. А. — 117, 180.
Тетерников, Ф. К. — см. Сологуб, Ф.
Тибулл — 119.
Тинторетто — 120.
Тиро (Thirot) — 140.
Тищенко, Ф. — 159.
Толстой, А. К. гр. — 55, 59, 162.
Толстой, А. Н. — 141, 190.
Толстой, А. Н. — 21, 22, 25, 32, 34, 53, 59, 77, 80, 85, 94, 102, 103, 104, 107, 123, 133, 152, 156, 157, 158, 163, 170, 171, 176.
Толстая, С. А. гр. — 103.
Транквилицкий — 70.
Тропинин, В. А. — 116.
Трояновский, И. И. — 142, 192.
Трубецкая, кн. — 111.
Трубецкой, П. П. кн. — 128, 182.
Трубецкой, С. Н. кн. — 110, 111, 112, 178.
Тургенев, И. С. — 25, 84, 171.
Турист (псевд. Брюсова) — 186.
Тэн, И. — 18, 33, 150.
Тютчев, Ф. И. — 49, 50, 51, 52, 59, 61, 63, 74, 78, 80, 86, 89, 100, 159, 160, 165, 169, 172.
Тютчев, Ф. Ф. — 51, 159.

- Уайльд, О. — 92, 112, 173, 189.
 Урусов, А. И. кн. — 60, 162, 163, 184.
 Усольцев, Ф. А. — 186.
 Ухтубужский, П. — 159.
 Ушаков, С. — 80, 169.
 Федотов, А. А. — 139.
 Федоров, А. М. — 47, 159.
 Федоров, Н. Ф. — 85, 171.
 Фейгин, Я. А. — 114, 159, 179.
 Фет, А. А. — 26, 84, 85, 91, 102, 104, 106, 112, 129, 171, 172, 176, 177, 183.
 Фидлер, Ф. Ф. — 55, 161.
 Филиппов, А. Ф. — 91, 102, 103, 106.
 Филиппов, Д. И. — 5, 146.
 Филиппов, Н. Д. — 100, 101.
 Философов, Д. В. — 99, 124, 125, 126, 129, 175, 180.
 Флексер, А. Л. — см. Воынский А. Л.
 Флобер, Г. — 135.
 Фофанов, Б. К. — 97, 98.
 Фофанов, К. М. — 11, 56, 65, 71, 96, 98, 99, 164.
 Фохт, Б. А. — 61, 68, 76, 77, 163.
 Франс, А. — 181.
 Френкель — 114.
 Фридрих, Д. — 101, 133, 186.
 Фридрих II — 163.
 Фриче, В. М. — 22, 49, 85, 86, 152.
 Фукс, В. А. — 11, 12, 147.
 Фукс, Э. — 153.
 Фьезоле, Мино, да — 114, 179.
 Х. — 125.
 Хесин — 130, 131.
 Хлудов, Ф. В. — 134, 186.
 Ходасевич, В. Ф. — 162.
 Хомяков, А. С. — 63, 100.
 Хомяков, Д. А. — 118, 180.
 Цакни, Н. П. — 163.
 Цертелев, Д. И. кн. — 86, 172.
 Чаев, Н. А. — 84, 171.
 Черниговцев-Вишневский, Ф. В. 66, 115, 124, 165.
 Чернов, А. С. 166.
 Черногубов, Н. Н. 84, 85, 86, 91, 102, 103, 104, 106, 122, 171, 176.
 Чернышевский, Н. Г. 77.
 Чехов, А. П. 93, 101, 107, 112, 115, 175, 181.
 Чигиед, С. 159.
 Чириков, Е. Н. 93, 174, 184.
 Чуйко, В. 150.
 Чуаков, Г. И. 100, 101, 105, 114, 122, 175, 179, 187.
 Чюмина, О. М. — 65, 66, 164.
 Ш. — 79, 100.
 Шаблювский — 70.
 Шаблювский 2-ой — 71.
 Шаляпин, Ф. И. — 92, 123, 168, 181.
 Шамурин, Е. М. — 150.
 Шарапов, С. Ф. — 112, 178.
 Шатобриан — 25.
 Шахматов, А. А. — 67, 165.
 Шаховской, Н. В. кн. — 121, 180.
 Шварцман, Л. И. — см. Шестов, Л.
 Шекспир — 5, 9, 26, 33, 59, 60, 94, 95.
 Шелгунов, Н. В. — 127.
 Шелли — 50, 63, 67, 95, 119, 164, 165.
 Шемшурин, А. — 141, 189.
 Шенрок, В. И. — 119, 180.
 Шестеркин, М. — 85, 92, 101, 170.
 Шестеркина, А. А. — 83, 92, 170.
 Шестов, Л. — 128, 129, 182.
 Шеффер, В. А. — 70, 167.
 Шик, М. Я. — 130, 131, 133, 141, 184, 190.
 Шильдер, Н. К. — 105, 177.
 Шмаровин, В. Е. — 168.
 Шопенгауэр — 165.
 Шоу, Б. — 181.
 Шпажинский, И. В. — 108, 178.
 Шперк, Ф. Э. — 31, 115, 155, 156.
 Штук, Ф. — 82, 170.
 Шубинский, Н. П. — 168.
 Шулятиков, В. М. — 22, 152.
 Шуф, В. А. — 66, 67, 165.
 Щеглов-Леонтьев, И. Л. — 142, 191.
 Щеголев, П. Е. — 129, 184.

- Щепкин, В. Н. — 60, 83, 163.
Щепкина-Куперник, Т. Л. — 15, 148, 164.
Щербатов, С. А. кн. — 3, 4, 129, 145.
Щед — 3, 4, 5, 6, 10, 145.
Щелк — 138, 141, 142, 187.
Щегель, Г. — 165, 178.
Щербаков, Я. И. — 46, 54, 110, 159.
Щербаков, Н. Е. — 175.
Щербин-Сумбатов, А. И. — 122, 139, 181.
Щербаков — 100.
Яворская, Л. Б. — 66, 165.
Ядров, А. — 159.
Языков, А. П. — 138, 187.
Яковлев — 13.
Якушкин, Е. И. — 77.
Ясинский, И. И. — 54, 55, 56, 67, 96, 101, 116, 123, 161, 164, 175.
Ясюнинский, М. — 10, 13, 147.
Яцмирский, А. И. — 175.
Яценко, А. С. — 101, 105, 114, 122, 131, 132, 175.
-

Издания М. и С. САБАШНИКОВЫХ

Москва, Никитский бульвар, 8, кв. 7. Телеф. 3-34-40.

ЗАПИСИ ПРОШЛОГО

Воспоминания и письма

под редакцией

С. Бахрушина и М. Цявловского

Задача издания дать изображение развития русской культуры и картину жизни и быта разных слоев русского народа в показаниях свидетелей и деятелей нашего прошлого

КАЖДАЯ КНИГА ПРЕДСТАВЛЯЕТ ЗАКОНЧЕННОЕ ЦЕЛОЕ

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Кузминская, Т. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. В 3-х частях по 2 р. — к

Генрих Штаден. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника 2 р. 40 к

Григорович, Е. Зарницы. Наброски из революционного движения 1905—1907 г.г. 1 р. 40 к

Бартенев, П. Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей 2 р. — к

Декабристы на поселении. Из Архива Якушкиных 2 р. — к

Жемчужников, Л. От Кадетского корпуса к Академии Художеств (1828—1852) 2 р. — к

Брюсов, В. Из моей жизни. Моя юность. Памяти 2 р. — к

Брюсов, В. Дневники. 1891—1910 2 р. 60 к

Ауэр, Л. Среди музыкантов. 2 р. — к

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Жемчужников, Л. В крепостной деревне. 1852—1853

Гершензон, М. Письма к брату.